



СМЕНА

№ 7 АПРЕЛЬ 1980



**...ПЛЮС
ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ
ВСЕЙ СТРАНЫ**

ДНИ ЧЕРЕДА

ДЕСЯТЬ
РАБОЧИХ СУТОК
ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ
ОБКМА КОМСОМОЛА

Ирина ЛУСНИКОВА,
Георгий БАЖЕНОВ.
Фото Альберта ЛЕХМУСА.
Специальные
корреспонденты «Смены»

День первый. Воскресенья не получилось. Рано утром (жена и ребяташки—двое сыновей—еще спали) Марков уехал на XXV отчетно-выборную комсомольскую конференцию в политехнический.

К этому институту у него давняя привязанность—когда-то сам учился здесь, и теперь, приезжая в альма-матер, он пристально приглядывается к нынешним студентам: какие они? Сейчас Марков с удовольствием смотрел на делегатов конференции, которые собирались в большом зале: ребята все инициативные, веселые, легкие на подъем.

Началась конференция ровно в десять. Два часа работы, перерыв. Ребята из комитета ВЛКСМ института спрашивают: «Как начало, Сергей Валентинович?» «Все хорошо». Ему в самом деле многое нравится: организованность, четкость, деловитость, обстоятельный доклад секретаря комитета Виктора Могутина... Чего не хватает? Пожалуй, гладкости многовато, обтекаемости. Особенно заметно это стало после перерыва. Выступлений много, а критики маловато, больше хвалят себя. В следующий перерыв снова интересуются: «Ну как, Сергей Валентинович?» «Нормально,—говорит Марков,—а что не так, скажу в своем выступлении».

Он вышел на трибуну, когда аудитория уже порядком устала. Начал говорить—и зал притих, внимательно слушая его. Вроде бы все, о чем он говорил, вещи известные: главное для студента—учеба, а качество знаний—ее основа; связь с промышленными предприятиями позволяет еще во время учебы проверить знания практикой; развитие традиций студенческих строительных отрядов... Но что должно стоять за этим? Активная жизненная позиция, которую студенты обязаны воспитывать в себе с первого курса.

Сергей выступал просто, ясно и убедительно. Важно не только то, какими вы, нынешние студенты, окажетесь инженерами. После окончания института вы пойдете на предприятия, будете работать с людьми, многие станут руководителями производства. Оглянитесь на своих товарищей, которые сидят рядом с вами на лекциях,—все ли воспитывают в себе это право—вести за собой? Особую тревогу вызывает то, подчеркивал Марков, что среди студентов много троечников, есть лентяи, равнодушные, и проявляется это прежде всего в прохладном отношении к общественным дисциплинам, в неумении противостоять чуждой морали, активно отстаивать свою точку зрения...

Я знаю, вам есть чем гордиться, продолжал он. Богатые традиции студенческих строительных отрядов, трудовое сотрудничество с Горьковским автозаводом, инициатива соревнования за право называться «лауреатами рабочего клас-

са». Но и для благодушного настроения нет оснований.

Домой Марков возвращался вместе с Владиславом Бородачевым, секретарем обкома комсомола по пропаганде и агитации. Слава тоже учился в политехническом, на том же факультете, что и Марков, правда, в другое время. Любовь к институту осталась у них одна, и поэтому обоих сейчас одинаково волновало, как же пойдут дела в комитете комсомола после ухода Виктора Могутина, хорошего, опытного секретаря, проработавшего в комсомоле несколько лет.

Переизбрать его Виктор попросил сам, и Сергей понимал, что не прислушаться к просьбе Могутина нельзя. Виктор уходил на научную работу, и решение это назрело в нем не потому, что в комсомоле он «сказал свое слово». Как раз наоборот: именно работа в комитете, с людьми «подказала» Виктору резервы будущего своего роста.

Сергей и Слава шли по заснеженным улицам Горького, по тихой волжской набережной и вспоминали, сколько грусти было в глазах Могутина, когда избирали новый состав комитета. Родной и близкой стала для него работа в комсомоле: она и сил требовала достаточно, и сама платила сполна.

Бородачев, вспомнив выступление Сергея на конференции, сказал:

— Разве пользовался бы Могутинов таким авторитетом в институте, если бы, помимо комсомольской, не занимался еще и научной работой? Конечно, нет! Ребята всегда видели в нем и вожака и специалиста, который постоянно совершенствует свои знания, растет. Он и комсомольских активистов на это направлял. Так что за кадры в политехническом можно не беспокоиться...

Марков ответил, что ему вообще в комсомоле довольно редко приходилось встречать случайных людей, откровенных карьеристов. Вместе с ним всегда работали очень увлеченные ребята, и эту черту—увлеченность, любовь к своему делу—он считает одной из главных у комсомольского работника. Но ведь не только увлеченность дает право вести за собой молодежь.



**НАЧАЛО НЕДЕЛИ.
В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ НАДО
ЗАНЕСТИ САМОЕ ГЛАВНОЕ,
САМОЕ НЕОТЛОЖНОЕ.**

**ПЕРВИЧНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ.
ЗАБОТЫ РАЙКОМОВСКИЕ,
ОБКМОВСКИЕ...**

Работа в комсомоле—это прежде всего общение с людьми. От того, каким будешь ты, вожак, во многом зависит отношение юношей и девушек к нашему Коммунистическому Союзу Молодежи...

Вечером в своем блокноте Марков быстрым и четким почерком запишет, какие основные черты характера он хотел бы видеть в своих коллегах: перспектива и поиск в работе, оперативность, организованность, ярко выраженное стремление к сплоченности, дружбе, расширению кругозора, повышение культурного уровня, дисциплинированность.

День второй. Начался он с огорчения. Пришла расстроенная Нина Чиркина, заведующая отделом пропаганды и агитации обкома, и протянула письмо. Марков внимательно прочитал и с досадой вздохнул. Ну вот, опять двадцать пять! Казалось бы, все сделали, все рассчитали, обо всем подумали...

— Что предлагаешь?—спросил он у Нины.

— Надо снова писать. Почему для строительства других зданий территория находится, а для Дворца молодежи—нет?!

«Вот именно, почему?»—подумал Марков. Много лет комсомольские руководители города и области мечтают построить для молодежи свой дворец. Главное препятствие, отвечали им,—нет средств. Есть более важные объекты, более нужные дела. Хорошо, соглашался Марков, давайте построим для начала школу комсомольского актива. Нужна такая? Нужна. А затем на базе этой школы можно начать строительство молодежного комплекса.

Марков съездил в Москву, в ЦК ВЛКСМ. Там пошли навстречу, и в 1978



году было принято решение о создании в Горьком школы комсомольского актива, были выделены средства. А строительство не начинается. Как выяснилось из полученного от архитектурного управления письма, на месте закладки фундамента школы необходимо провести специальные археологические раскопки: возможно наличие исторического культурного слоя земли. И хотя вокруг этой территории сплошь и рядом уже построены и строятся дома, никого это не интересует. Как назло, найдена новая зацепка, которая, возможно, надолго притормозит начало строительства...

Нина Чиркина ушла к себе в отдел—писать новую бумагу, а Сергей Марков достал паспорт земельного участка строительства и, углубившись в чертежи, снова начал прикидывать... Вот здесь, на высоком берегу, откуда открывается величественная панорама слияния Оки с Волгой, будет стоять Дворец молодежи с гостиной, концертным залом, библиотекой, спортзалом. Ведь построили уже в Горьком прекрасный Театр юного зрителя, Театр кукол...

Область развивается быстрыми темпами, население ее растет из года в год—в основном за счет молодежи, которая едет сюда строить новые гиганты индустрии, поднимать Нечерноземье. И положила руку на сердце надо признать,

что ее трудовая активность намного опережает наши шаги в деле организации свободного времени. Особенно характерно это для села. Парни и девчата, показывающие образцы самоотверженного труда на полях и фермах, частенько пишут в областную молодежную газету «Ленинская смена»: «Помогите, клуб не работает, заняться нечем!»

Марков перебирает листочки, зажатые скрепкой. Ага, вот! «На 54 процента используется книжный фонд библиотек области, в кружках художественной самодеятельности занимается только 9 процентов от общего числа молодежи...» Все эти прискорбные факты наиболее характерны именно для сельских комсомольских организаций.

Сергей понимает, что многое зависит от уровня материальной базы сельских клубов — она не всегда отвечает современным требованиям. Вот почему городской комсомол взял шефство над сельскими домами культуры. В области проводятся экспедиции культурмейских отрядов, курсируют агитпоезда, студенты отправляются в звездные походы, маршруты которых проходят по всем районам области.

Но ведь проблемы эстетического и нравственного воспитания молодежи одними походами не решишь. Как никогда остро встал сегодня вопрос создания такого центра по работе с молодежью, который бы не только сам вел многогранную деятельность, но и учил комсомольских активистов создавать такую атмосферу в коллективе, когда ребята будут активными и в труде и в отдыхе.

Сколько, например, в Горьком создается дискотек, клубов по интересам — число их перевалило за двадцать. Но многие из них, что называется, «варятся в собственном соку», идут на поводу у быстрой моды. Не потому ли, кстати, во многих дискотеках так широко звучит западная музыка и очень слабо пропагандируются советские ансамбли, шедевры русской и советской музыкальной культуры?

Да, молодежи нужен свой дворец, где под одной крышей будут объединены четыре центра: учебный, методический, культурный, спортивный. Не сегодня, не завтра, не послезавтра, но лет через пять будет стоять Дворец молодежи, из широких окон которого откроется вид на знаменитую Стрелку. Сергей верит в это. Иначе ему как первому секретарю греш цена...

День третий. Еще вчера вечером Сергей был в Горьком, а раннее утро встре-

готовят молодежь к службе в рядах Вооруженных Сил СССР, проводят популярные у школьников игры «Зарница» и «Орленок», обмениваются концертными бригадами. Кроме того, демобилизованные воины — надежный резерв рабочей смены для многочисленных строек и предприятий области. Сергею нравятся эти подтянутые, дисциплинированные ребята. Крепкие ребята.

Поздним вечером он опять ехал в поезде Москва — Горький. Прокручивая в памяти прошедший день, вспоминал встречи, разговоры, выступления делегатов, которые не раз упоминали имя горьковского комсомола. Несомненной удачей было и то, что он договорился о концерте ансамбля песни и пляски Московского военного округа для делегатов областной отчетно-выборной конференции.

...И действительно, ансамбль, отменив запланированные ранее гастроли, приехал в Горький, с блеском выступил перед своими шефами на их отчетно-выборной конференции. Вот только Маркова в тот вечер в зале не было.

День четвертый. В кабинет зашла Нина Вахрушева.

— Ты откуда это?! — обрадовался Марков. — Ну, поздравляю... Поздравляю еще раз! — улыбнулся Сергей. — Садись, рассказывай... Как пацан? Как самочувствие?

Нина Вахрушева, секретарь обкома по работе среди учащейся молодежи, недавно родила сына, но, видно, не сидится ей дома, пришла в родной обком.

— Соскучилась... — говорит она. — Так и кажется, без меня тут что-нибудь не то будет, не так.

— Ничего, не беспокойся. За год работу не развалим, — шутит Марков, — а там снова за дела примешься... Как сын-то, прибавляет в весе, растет?

— Растет, — улыбнулась счастливо Нина. — Веса вот не могу нигде купить.

— Да что ты?! — воскликнул Сергей. — У меня же двое пацанов выросли. Веса лежат на антресолях, никому не нужные. Ты чего раньше-то молчала? Сегодня вечером привезу тебе.

— Ой, правда? — обрадовалась Нина. — Вот спасибо! — И все-таки опять спросила: — Как вы тут без меня? А то, честное слово, стыдно. Я отсиживаюсь дома, а вы тут...

— Нина, ни о чем не беспокойся! Твое главное сейчас дело — растить сына. Человека!

Нина ушла, Марков нажал клавишу селектора:

— Слава! Бородачев! Зайди на минутку.

Приход Вахрушевой, разговор о ее сыне невольно направили ход мыслей Маркова в сторону детей. У него вообще особое отношение к ребятишкам. И, очевидно, совсем не случайно именно в Горьком зародилось движение «Комсомол — детям». Чтобы активизировать в области работу с детьми и подростками, обком комсомола объявил специальную комсомольскую пятилетку на 1979—1984 годы. Создали денежный комсомольский фонд движения. Объявили смотр-конкурс комсомольских организаций учебных заведений под девизом

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 7 (1269) АПРЕЛЬ 1980

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
**ТУРБИНЫ
ЛЕНИНГРАДСКОГО
МЕТАЛЛИЧЕСКОГО
ЗАВОДА
РАБОТАЮТ
ВО МНОГИХ
СТРАНАХ МИРА.**



Фото
Сергея
ПЕТРУХИНА

Очерк
«У истока электрической реки»
на 12-й странице.

1 «ДНЕЙ ЧЕРЕДА».
Десять рабочих суток первого секретаря обкома комсомола.

3 Стихи Валерия ФОКИНА.

4 К 110-й ГОДОВЩИНЕ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА.
«ГОЛОС, СОХРАНЕННЫЙ НА ВЕКА».

6 РАБОЧАЯ ПОВЕСТЬ «СМЕНИ».
Вера ДОРОФЕЕВА, Виль ДОРОФЕЕВ.
«НЕПРОСТЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА».

9 Рассказ Анатолия КОРСАКОВА
«КАК ПОМОЧЬ ХОРОШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ».

11 НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Натальи СИДОРОВОЙ.

12 ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ.
Леонид ПЛЕШАКОВ, Сергей ПЕТРУХИН.
«У ИСТОКА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ РЕКИ».

14 Стихи Рустема КУТУЯ.
НОВОЕ ИМЯ.
Стихи Дмитрия ФИЛИМОНОВА.

15 Стихи Юрия АДРИАНОВА.

18 «А ЧТО У ВАС?»
Информационная страница «Смены».

20 Валентин КУРБАТОВ.
«В СВЕТЛОЙ ГОРНИЦЕ ИСКУССТВА».

22 ОЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТOKOВ. Второй тур.

23 ЭДСОН АРАНТЕС ДУ НАСИМЕНТУ.
«ФУТБОЛ: ИГРА, КАК ЖИЗНЬ».

26 Евгений РЯБЧИКОВ. «ОТ ВОЛГИ ДО ПОЛЮСА».
Евгений ФЕДОРОВ, академик.
«НЕОКОНЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ».

29 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ».
Роман Жана АРНО «СОЖГИТЕ ВСЕХ!»

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНИУШЕВСКИЙ, В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантрусев. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1980 г.

**ВРУЧЕНИЕ НАГРАД
КОМСОМОЛЬЦАМ —
ОДНА ИЗ ПРИЯТНЫХ
И ПОЧЕТНЫХ
ДЛЯ СЕРГЕЯ МАРКОВА
ОБЯЗАННОСТЕЙ.**

**ИДЕТ ЗАСЕДАНИЕ
БЮРО ОБКОМА ВЛКСМ.**

тил в Москве. Эта командировка была не совсем обычная. Его избрали делегатом на окружную отчетно-выборную комсомольскую конференцию Московского военного округа. Произошло это не случайно. Областная комсомольская организация не на словах, а на деле является шефом армейского комсомола. Связи у них самые тесные. Вместе





В РЕДКИЕ ЧАСЫ ДОСУГА.

ТВОРЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ СТУДИИ — ПРЕДМЕТ ОСОБОЙ ЗАБОТЫ СЕРГЕЯ МАРКОВА.

зом: «Наш стройотрядовский подарок — детворе!» Выдвинули идею специального творческого конкурса студентов-архитекторов на лучший проект универсальных игровых площадок для детей и подростков. (И теперь во всех микрорайонах Горького есть детские игровые площадки, чудо-городки: с беседками, песочницами, удивительными деревянными скульптурами сказочных героев.) Для оказания шефской помощи органам здравоохранения сформировали специализированный комсомольский отряд «Медик». Обком комсомола разработал множество других конкретных мероприятий совместно с обкомом, облсовпрофом, облздравотделом, облспорткомитетом, областным управлением торговли и бытового обслуживания, областным управлением культуры и другими организациями. Теперь наступает пора отдачи...

Вот для того, чтобы поговорить о перспективах проводимой в этом направлении работы, Марков и вызвал к себе Бородачева...

День пятый. После работы, захватив с собой старшего сына Вальку, Марков поехал в Кстово. Городок этот в области небольшой, но известность у него громкая. Здесь создана уникальная школа самбо, слава о которой разносилась по всему Советскому Союзу. Сотни, даже тысячи кстовских ребятшек проходят через эту школу, воспитавшую уже немало мастеров спорта СССР, мастеров международного класса, нескольких чемпионов мира. Сюда и ездит на тренировки Сергей Марков с сыном.

Спорт он увлекался всегда. Но, перейдя на комсомольскую работу, этим занятиям он решил придать особый смысл. Сергею запомнилась история, которая произошла в августе 1973 года, когда его только-только избрали первым секретарем Горьковского горкома ВЛКСМ. К тому времени за плечами у него было четыре года комсомольской работы: сначала заместителем секретаря комитета комсомола завода «Красное Сормово», через год — вторым секретарем Сормовского райкома комсомола, а вскоре и первым секретарем райкома. В этом стремительном движении удивительного ничего нет: у Маркова ярко выраженный характер организатора и творца. Но для такого продвижения требовалось, видимо, и незаурядное здоровье. Организм не успевал еще адаптироваться к одной обстановке, как нужно было перестраиваться, привыкать к новым людям, учиться руководить по-новому, с иной перспективой, с иных позиций.

Он приступил к обязанностям первого секретаря горкома, собрал аппарат на заседание; начал говорить. И вдруг его «повело». Он сначала не понял, что с ним. Нахмурился, потер виски, попытался продолжить разговор. И не смог...

Прошло какое-то мгновение, он собрал все свои силы и сказал:

— Ладно, ребята. Давайте обсудим это завтра.

Когда все вышли из кабинета, почувствовал, как у него потемнело в глазах. «Да что такое?» — никак не мог он взять в толк.

Он поднялся, сделал несколько шагов к окну — хотел попить — и тут же чуть не рухнул в кресло. Сергей закрыл глаза, и время словно перестало для него существовать.

Из горкома его увезли на «Скорой». Больше месяца провалялся в больнице. Диагноз был — сейчас даже смешно вспоминать — «нервное истощение». Врач сказал тогда: «Бережь себя хоть



немного нужно, молодой человек. Не только работа на свете существует, но и отдых. Спорт в конце концов». Вот с тех пор Марков твердо решил: обязательно нужно расслабляться. Не бездельничать, конечно, но давать организму отдых. И у себя в обкоме старается поддерживать четкий порядок: с утра пораньше, до начала рабочего дня, работники аппарата собираются в спортивном зале, гоняют мяч. А вечером играют в хоккей или идут в бассейн. И так каждую неделю.

Год назад Марков начал ездить в Кстово. Не всегда, правда, удается, и если поездка срывается, особенно огорчается Валька. Для того, чтобы доказать отцу, что и ему необходимы эти занятия, в спортзале он старается изо всех сил, не хочет отставать от Маркова-старшего. Сначала разминка, а после начинается самое увлекательное: разучивание приемов борьбы самбо. Оба раскраснелись, но лицу струится пот, но глаза счастливые, потому что пришло ощущение необыкновенной легкости во всем теле. А как приятно после занятий окунуться в бассейн, поплавать, понырять, потом побегать с мячом и снова поплавать. И с каждым занятием Марков чувствует, что организм его живет в полную силу, чувствует себя здоровым, сильным, способным на интенсивную трудовую жизнь.

День шестой. Он пришелся на субботу, но выходного опять не получилось. Что поделаешь, по области проходят отчетно-выборные комсомольские конференции, всем работникам обкома приходится много ездить, часто выступать.

Дорога на автозавод неблизкая. Пока ехал, о многом успел передумать. Но самое главное — Марков был искренне рад, что целый день сегодня проведет в большом рабочем коллективе, славно своими трудовыми и комсомольскими делами. К ребятам-комсомольцам, которые трудятся на заводе, у него особое отношение. Потому что на заводе началась и его рабочая биография.

Правда, после окончания школы он идти туда не собирался, потому что мечтал о профессии врача. Он вырос в семье врачей, и перед глазами был пример отца, замечательного специалиста и уважаемого всеми человека. Но в медицинский Сергей не прошел по конкурсу, и, вспоминая сейчас то далекое лето, он признается, что этот «провал» был одним из самых больших огорчений в его жизни. И до сих пор нет-нет да шевелнется в сердце жалость, что не пошел по стопам отца.

Зато работали они с отцом в одном

районе. Отец в больнице, а Сергей пошел на завод «Красное Сормово» токарем. В том же году поступил на вечернее отделение политехнического. Работал и учился. Когда дошел до старшего курса, его перевели на более сложную работу — контролером-лаборантом ОТК, а после окончания института стал инженером-технологом. Именно тогда он интенсивно начал заниматься и комсомольской работой — его избрали заместителем секретаря заводского комитета комсомола.

Какое это было горячее время! Горьковский обком ВЛКСМ всегда охотно шел на внедрение новых форм комсомольской работы. В 1969 году комсомольцы города одними из первых в стране стали участниками Ленинского зачета. Сергей хорошо помнит, как они вместе с ребятами составляли личные комплексные планы, помогали их осуществлять и радовались, что появилась такая замечательная форма работы с молодежью, позволяющая дойти до каждого человека.

Через несколько лет, когда Марков сам станет первым секретарем обкома комсомола, он постарается встретиться со многими своими предшественниками, просмотрит кучу документов, постановлений, статей, чтобы выяснить, с какими интересными инициативами выходили тогда молодые горьковчане, и задума-



«СПОЕМТЕ, ДРУЗЬЯ...»

ВЕЧЕРОМ ПОСЛЕ РАБОЧЕГО ДНЯ.

ется над строчками одной статьи: «Ленинский зачет образовался не на пустом месте, отдельные его элементы были и раньше, но нужна была система, это ощущали все, нужна была комплексная программа развития личности». Да, к тому времени Маркову приходилось участвовать уже не в одном споре с теми, кто считал Ленинский зачет изжившей себя формой работы. Приводили основной довод: личные комплексные планы в некоторых первичных организациях составляются под копирку, какое же здесь может быть развитие личности?..

«Не об изжившей себя форме работы надо говорить, а о нашем формальном подходе к зачету! — доказывал Сергей. — Конечно, в первые годы было легче, ведь тогда, в шестьдесят девятом, Ленинский зачет был новинкой, которую не требовалось даже особо пропагандировать, настолько органично вошел он в нашу повседневную деятельность. Но ведь мы не стоим на месте. Мы растем, запросы и требования наши повышаются, мы принимаем новые планы, новые обязательства, а зачет как форма работы остается тем же. На смену «старичкам» приходят новые комсомольские работники. И перед ними стоит задача совершенствовать эту эффективную работу с молодежью, подхватывать ценный опыт, родившийся в первичных организациях». Так появилась и воплотилась в жизнь

идея создания ударных отрядов эффективности и качества, принятия личных комплексных планов повышения производительности труда на каждом рабочем месте. Необходимость всемерного распространения этих починов диктовала время: в десятой и одиннадцатой пятилетках основной приrost промышленной продукции должен быть достигнут в основном за счет роста производительности труда.

Машина мчалась по улицам Горького, и, предвкушая встречу с делегатами конференции одной из лучших комсомольских организаций области, Марков уже в который раз подумал: а ведь его комсомольская биография — это прежде всего продолжение биографии рабочей.

День седьмой. День рождения старшего сына Вальки пришелся на воскресенье. Еще вчера Сергей радовался: вот, наконец, счастливое совпадение — и домашний праздник и выходной. А то уже две недели толком не отдыхал.

Собрались все самые близкие: мать, сестра, дядя, тесть. Не было только отца, в честь которого Маша с Сергеем и нарекли сына Валентином. Отца Сергея Валентина Михайловича называли все «главным хирургом Сормова», хотя официально такого звания нет, конечно. Многие годы он заведовал хирургическим отделением районной больницы № 12, но называли его и в глаза и за глаза все равно именно так — «главный хирург Сормова». Пошло это с тех пор, как вернулся он в Горький с фронта, куда отправился добровольцем с третьего курса мединститута. На войне спас не один десяток солдатских жизней, был награжден орденом Отечественной войны II степени, получил тяжелое ранение и, потеряв ногу, вернулся на протезе в родной город в звании военврача третьего ранга. С тех пор и началась его гражданская служба, жизнь во имя здоровья людей. Жизнь, оборвавшаяся в 1970 году.

...Один из первых тостов был в память об отце. Постепенно перешли на разговоры о ребятах, стали подшучивать Валентина: ну-ка, покажи, какие приемы самбо разучили с отцом. Потом Сергей сел за пианино — он успел окончить и музыкальную школу, — и под аккомпанемент отца ребята исполнили



любимые песни. Женщины сразу после «концерта» стали выведывать у хозяйки дома секреты кулинарного искусства, а Сергей показывал «мужикам» новые стеллажи, которые сам сделал в детской комнате. Это у него давняя страсть: пилить и строгать, строить, комбинировать—вся квартира заставлена мебелью, которую он сделал собственными руками. «Мужики» не раз уже сетовали: к тебе лучше приходиться, а то жены потом начинают: вон Марков все сам мастерит, все сам умеет, а вы...

День восьмой. Сегодня напряжение с самого утра. Идет заседание бюро обкома. Слушают комитет комсомола Заволжского моторного завода о шефстве над детским домом.

Осенью 1973 года ребята из ближайшего детдома приехали на завод на экскурсию. Побывали на рабочих местах, завязалось знакомство, после чего комсомольцы цеха решили взять шефство над одним из восьмых классов. Но ведь детдомовцы—это не просто ученики. Это в основном дети-сироты. К ним нужны особое внимание, такт, уважение. Ну и, конечно, сердечность, любовь, искренность старших—только эти качества души позволяют шефам сблизиться с ребятами, найти с ними общий язык. А находят ли? Да, в цехе работает старейший, всеми уважаемый бригадир Александр Михайлович Халов—именно у него-то и получается надежный контакт с ребятами.

— Александр Михайлович,—обращается Марков к пожилому бригадиру,—мы вас сегодня специально пригласили на бюро. Пожалуйста, поделитесь своим опытом...

Халов не скрывает секретов, они в любви к детям. И чем больше рассказывает рабочий о шефстве бригады над одним из классов детдома, тем ясней становится для членов бюро такая картина: Халов для цеха, для всего завода—как щит, как редчайшая находка, с помощью которой завод ставит себе галочку по части шефства. На деле же шефскую работу ведет всего одна бригада и только над одним классом, в то время как заводские комсомольские вожаки рапортуют о шефстве завода над детдомом. И тогда Марков говорит:

— Один подшефный класс—это

тридцать—тридцать пять человек. А что же вы забыли об остальных 120 детдомовцах? Ведь им никто не помогает. И никто не интересуется их жизнью. Комитет комсомола завода не заботится о закреплении педагогических кадров в детском доме, не направил ни одного отрядного вожака... Выходит, так и остаются ребятам круглыми сиротами? Мое предложение: раз уж называете себя шефами, так возьмите шефство над всем детдомом, над всеми ребятами. И добивайтесь, чтобы шефская работа стала делом чести не одной бригады, а всего цеха, заводского коллектива. Стыдно отделываться только словами.

К вечеру Марков буквально на десять минут заскочил домой. «Маша, собери мне что-нибудь в дорогу. Уезжаю в Шахунью». «Надолго?» «На три дня».

Езды в Шахунью на машине—нелегких шесть часов по зимней скользкой дороге. Шесть часов пути на север области...

День девятый. В Шахунью вчера приехали уже поздно ночью. Поехал Марков вместе с редактором областной комсомольской газеты «Ленинская смена» Георгием Рабковым. Встретил их первый секретарь Шахуньского райкома комсомола Юрий Лебедев. Пока до гостиницы ехали, Марков все размышлял: почему же так получается, что в Шахунью, в один из самых передовых, хотя и отдаленных районов области, ездим редко? И для себя твердо решил: надо как можно чаще ездить по области, ближе знакомиться с людьми, узнавать свой край не понаслышке, не по отчетам, а вживе, чтобы перед глазами вставала одушевленная земля, а не просто названия сел, деревень и городов. Только так можно почувствовать пульс комсомольской жизни области, живую душу молодежи. Почувствовать, узнать и понять ее. Только так.

...Утром началась отчетно-выборная комсомольская конференция Шахуньского района. Проходила она в прекрасном Дворце культуры и подготовлена была безукоризненно. И самое отрадное, отметил Марков для себя, что здесь, в «глубинке», люди выступают от души, активнее и заинтересованнее говорят о том, что наболело и накопилось. И главная забота для них, чтобы моло-

дежь не уезжала из своих сел, оставалась верной традициям отцов.

Сергей вспомнил недавнее заседание секретариата, на котором слушался вопрос о выполнении Большемурашкинским райкомом ВЛКСМ постановления обкома «О работе комитетов комсомола по мобилизации молодежи области на развитие сельского хозяйства Нечерноземья».

— В Большом Мурашкине, как выяснилось в ходе заседания секретариата,—говорил Марков,—комсомольские организации в этом направлении еще работают слабо. Мало выпускников школ остается на селе. А возьмите, к примеру, Кстово. Там вот уже четыре года подряд половина выпускников Прокошевской средней школы остается в родном совхозе «Толмачевский». А почему? Да потому, что в учениках с первого класса поддерживают, воспитывают любовь к родному краю, к тем местам, где живут и трудятся из поколения в поколение их отцы и деды. Естественно, там и условия для молодых рабочих созданы лучше, чем в других местах. И потому им интересно и жить и работать, и на сторону не тянет...

...После конференции Марков побывал в передовом колхозе, потом на знаменитой Шахуньской художественной фабрике. Съездил в Бахтанский леспромхоз. Встретился с комсомольцами средней школы. И самым отрадным было то, что люди откровенно делились с ним своими сомнениями, переживаниями и надеждами. Да он и сам чувствовал: здесь, среди молодых, активных, инициативных людей, ему хорошо. Потому что здесь он ясней осознает свои задачи как руководителя областного комсомола.

День десятый. Его Сергей Марков провел в больнице, хотя по всем законам болеть ему никак не полагалось. Потому что в этот день состоялась XXV областная отчетно-выборная комсомольская конференция.

Накануне ребята засиделись у него в палате допоздна: обсуждали последние детали. Потом они ушли. А как хотелось ему уйти вместе с ними! Но ничего не поделаешь. Из-за жестокой ангины он мог разговаривать только шепотом, и о том, чтобы выступать с отчетным докладом с трибуны, нечего было и думать.

Весь этот день, пока шла отчетно-выборная конференция, показавшись Маркову одним из самых длинных и томительных. Вот сейчас, думал Сергей, делегаты собираются в зале Дома политического просвещения, и он мысленно здоровался с ребятами, отвечал на их приветствия, шутил.

После отчетной конференции в жизни комсомольской организации области начался ответственный период—Все-союзная Ленинская проверка, посвященная 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. Комсомольцам и молодежи области есть чем встретить юбилей вождя: более 62 тысяч молодых горьковчан объединились в тысячу ударных отрядов эффективности и качества. Это движение не оставило ребят равнодушными. Сергей знает, что сегодня будет выступать Николай Коротков, судосборщик с родного «Красного Сормова». На этом заводе был выдвинут лозунг «От активной жизненной позиции каждого комсомольца—к наивысшей производительности труда коллектива!» (вот из таких движений и берут истоки и ударные отряды, и комплексные планы повышения производительности труда на каждом рабочем месте). Ленинская проверка как раз и покажет, насколько комсомольцы требовательны к себе и к своим товарищам, насколько умеют держать слово.

В общем-то Марков, находясь в этот день в больнице, не сомневался, что пройдет конференция успешно, учли, кажется, все... И все-таки он с нетерпением ждал, когда же раздадутся в коридоре знакомые шаги и к нему в палату войдут его ребята в накиннутых на плечи белых халатах. Его единомышленники и друзья.

Валерий ФОКИН

Давай считать судьбою...

*Неба зябкая сутулость,
Луки стынут у крыльца.
Что-то осень затянулась,
Как поэма без конца.
В той поэме дождь и ветер,
Мутный, низкий оком,
Мы с тобой один на свете,
Взявшись за руки, идем.
Все так просто, и знакомо,
И надолго,*

*и всерьез,
Словно сосен сумрак сонный
С редким проблеском берез.
Не тревожь, не трожь, не надо,
Не трави, не бери
Эту горькую отраду—
Грусть дорожную в груди.
Мы с дороги не сойдемся,
Нам не в тягость этот труд.
Перетерпим, перебьемся.
Перекурим на ветру.*

Крутой поворот

*Под выдох стадионный—
Такой не упадет!—
Виталька, мой знакомый,
Проходит поворот.
Он любит постоянство,
Не гравий,*

*не песок—
Скользкое пространство
Цепляет колесо.
Руля мгновенный росчерк,
Почти уже полет,
Чем выше скорость—*

проще

*Вписаться в поворот.
Едва он снял с педалей
Пудовые свои,
Болеельщики подняли
И к славе вознесли.
Мы с гонщиком бывалым
Стояли в стороне,
Язвительно сказал он,
Посмеиваясь, мне:
«Вот здесь-то надо нервы
Железные иметь,
Когда приходишь первый,
Так трудно уцелеть».
О буднях мотоспорта
Все знавший без прикрас,
Издранно жизнью третий
И падавший не раз,
Подумал он, наверно,
Ревнуй к молодым,
Быть легче в двадцать—первым,
Чем в тридцать семь—вторым.
И, перестав смеяться,
Черкнул вдруг мне в блокнот:
«Смелей стремись вписаться
В свой главный поворот!»*

Прости-прощай...

*Опять дожди идут неслышно,
Тревожа каплями стекло.
Прощай. Прощай, что все так вышло
И большего не суждено.
Уж так случилось-получилось
Не по моей, ничьей вине.
Прости-прощай. И сделай милость,
Не думай плохо обо мне.
Уж так случилось-получилось...
Никто ни в чем не виноват.
А за окном туман и сырость,
И ветки в комнату глядят.
А за окном дожди, и ветры,
И грусть, и грязь, и облака,
И песни, что еще не спеты
И не придуманы пока.*



К 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина

Станислав ЗИГУНЕНКО.
Фото Альберта ЛЕХМУСА

В аудитории звучала музыка. Но вот в наступившей тишине раздался слова:
— Сегодня, уважаемые товарищи, мне хотелось бы поговорить с вами о некоторых практических приложениях радиофизики... Радиофизика — это объединение двух вещей: радио для физики и физики для радио. А что такое радио?

Как им это удалось? Оказывается, два канала звучания можно получить не только при помощи двух микрофонов, двух дорожек записи и двух динамиков. Один канал можно искусственно разделить на два. А чтобы создавался стереоэффект, в одном из каналов ставят линию задержки. Таким образом получается не пространственная локализация звука, а так называемая фазовая.
— Особенно хорошо в этом случае звучат записи рояля — необычно, выпукло, можно сказать, даже объемно. Можете убедиться сами...

Этими словами Зверев закончил лекцию и снова включил демонстрационную установку. Аудиторию вновь заполнили звуки музыки, на сей раз фортепьянной. Действительно, эффект был сказочный и, к сожалению, пером не описуемый. Это нужно слышать...

После лекции я подошел к Виталию Анатольевичу. Хотел поинтересоваться подробностями разработки.

— А стоит ее расписывать? — сказал Зверев. — Промышленность уже серийно выпускает специальную пристав-

ГОЛОС, СОХРАНЕННЫЙ НА ВЕКА

Это система высококачественного воспроизведения звука...

Так началась лекция Виталия Анатольевича Зверева, члена корреспондента АН СССР.

Оказывается, впервые этим вопросом специалисты задались только в тридцатые годы нашего века. До этого, упоенные успехами радиоэлектроники, они считали: «Для радио нет ничего невозможного!»

Но вот стали поступать первые критические сигналы: музыканты довольно скептически оценивают качество радиоконцертов. Они считают, что звук при трансляции передается неточно. В нем теряется нечто важное, из живого, инструментального он становится сухим, мертвым. Словом, воспроизведение отличается от исполнения примерно так же, как портрет от живого оригинала: «Вроде и похож, да не дышит...»

Звук, исходящий из оркестровой ямы или со сцены, протяженный, объясняли музыканты. Он исходит сразу из многих точек, в то время как при трансляции все точки сливаются в одну — динамик.

Благодаря многолетним усилиям ученых появилась возможность при помощи всего двух динамиков создавать иллюзию перемещения звука в пространстве.

Именно на этом эффекте и основан принцип действия большинства современных стереоакустических систем.

Однако горьковские ученые пошли еще дальше. Они ухитрились получить стереоэффект даже при обычной, одноканальной монозаписи.

ку — диптон, — которая может придать эффект объемности любой монозаписи. Вы лучше к нам, в ИПФАН, зайдите. Мы можем показать кое-что поинтереснее...

Вот так я оказался в одной из лабораторий Института прикладной физики Академии наук СССР.

В лаборатории царил густой полумрак: шла наладка какой-то опытной установки. Но вот молнией сверкнул луч лазера, и я даже вздрогнул от неожиданности. Из динамика отчетливо донеслось слово «рабочие», произнесенное с характерной ленинской картавинкой. Оно прозвучало так, как будто Владимир Ильич стоял рядом.

— А теперь послушайте для сравнения, как звучит то же слово, записанное без очистки, — сказал Виталий Анатольевич.

Разница ощущалась без труда: теперь голос Ленина еле пробивался сквозь оглушительный треск помех.

Вспыхнул свет, и я увидел, что Зверев в лаборатории не один.

— Знакомьтесь, заведующий сектором акустической спектроскопии Сергей Михайлович Горский.

И вдвоем, дополняя друг друга, ученые стали рассказывать мне о сути новой работы.

Еще в 1907 году по статистике в России было свыше полумиллиона граммофонов. За годы революции и послереволюционной разрухи большая часть этой громкоголосой рати оказалась в деревне. Возникла невиданная в истории ситуация: неграмотная в своем



В. И. ЛЕНИН В КРЕМЛЕ У ЗВУКОЗАПИСЫВАЮЩЕГО АППАРАТА.

большинстве российская деревня имела свою собственную звуковоспроизводящую сеть.

Ленин зорко подметил этот как будто и не столь значительный факт и сразу же решил воспользоваться им в целях большевистской пропаганды. Радиовещания в мире еще не было, а партия получила блестящую возможность обратиться к народу с живым, проникновенным словом.

Владимир Ильич внимательно следил за организацией записей выступлений Михаила Ивановича Калинина и других государственных деятелей, шутя даже грозил Дзержинскому арестом за нежелание записываться. Конечно, и сам Владимир Ильич становится к картонному рупору — предвестнику современного микрофона. Есть даже известная фотография, запечатлевшая этот момент.

Несмотря на крайнюю занятость, Ленин записал несколько пластинок, прося каждый раз высокий ораторский профессионализм, умение укладывать точно в отведенное время. Так родились пластинки: «Что такое Советская власть?», «О трудовой дисциплине», «Как навсегда спасти трудящихся от гнета помещиков и капиталистов» и другие.

Голос Ленина зазвучал из сотен тысяч

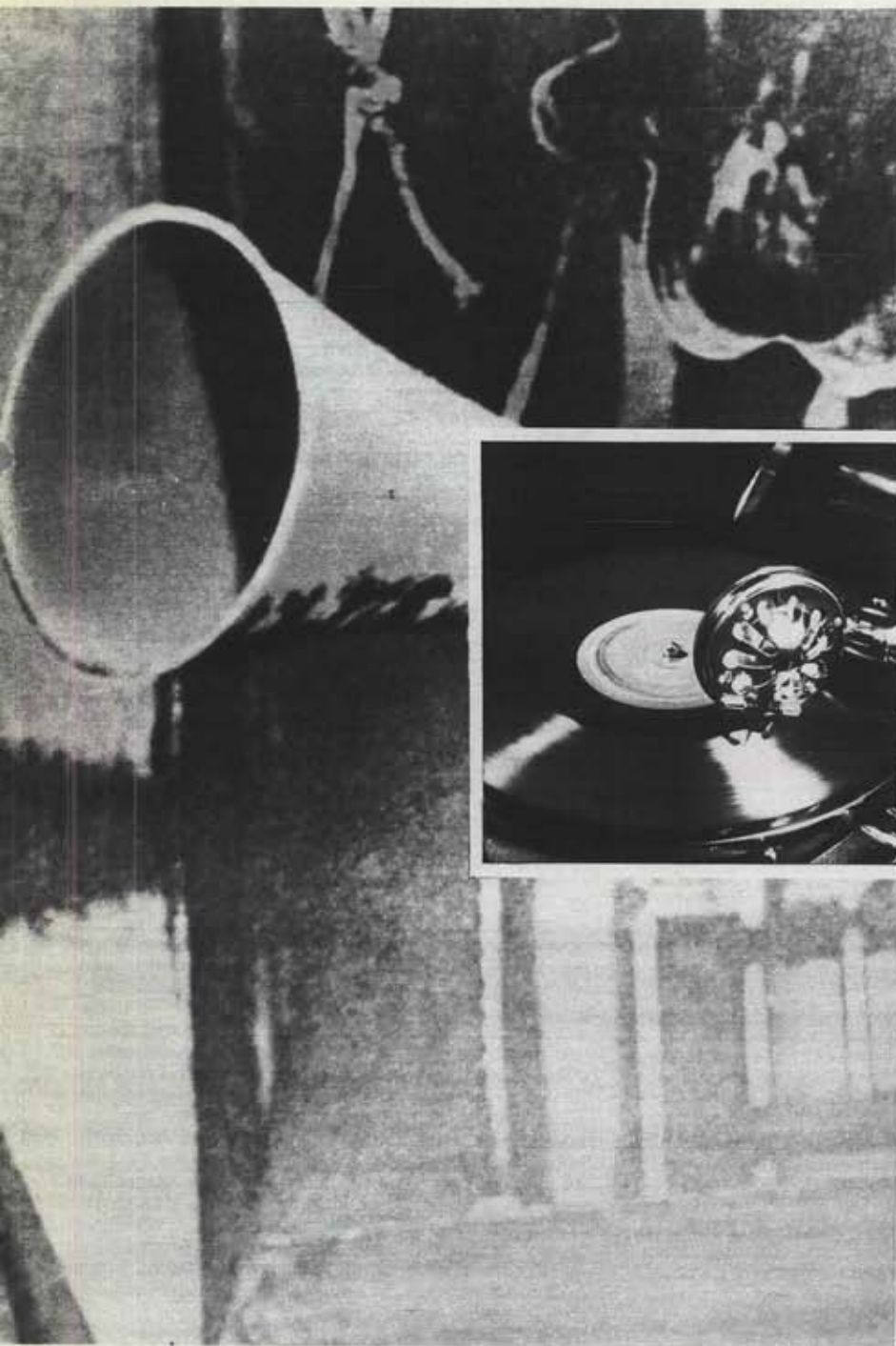
рупоров, а поскольку в те годы свирепствовал жесточайший бумажный голод, то многие люди сначала слышали ленинский голос, а уже потом получили возможность прочитать его работы.

Техника записи в те годы была чрезвычайно несовершенной. Колебания картонного рупора и присоединенной к нему мембраны передавались стальной иглой, которая и оставляла борозды на поверхности воскового диска. Затем в воск осторожно втирали графитовую пыль и с помощью электролитических методов получали металлическую копию записи. С этой матрицы потом и штамповали пластинки.

На наш сегодняшний слух звучание даже новых, только что отштампованных пластинок было ужасным: шипение, хрипы, искажения тона делали неразличимыми не то что отдельные слова, но порой целые фразы. И представляете, какими становились пластинки после нескольких лет интенсивной эксплуатации?..

Поэтому еще в тридцатые годы советские ученые и инженеры задались целью восстановить записи Ильича, сохранить для потомков живой ленинский голос. И вот уже полвека длится эта работа, один из последних этапов которой удостоен высокой награды — Государственной премии СССР 1979 года.

Некоторым записям повезло. Нашлись малозатертые пластинки или сохранились матрицы, с которых эти пластинки были сделаны. И тогда в ход пошла игла гравера. Миллиметр за мил-



**СОВРЕМЕННАЯ АППАРАТУРА
Позволяет избежать
старую запись
от различных помех.**



**РЕЧЬ В. И. ЛЕНИНА
«ОБРАЩЕНИЕ К КРАСНОЙ
АРМИИ» БЫЛА ЗАПИСАНА
НА ПЛАСТИНКУ
29 МАРТА 1919 ГОДА.**

то и изготавливали специальные светонепроницаемые маски. И таким образом получались оптические, или, как мы их называем, кармантные, фильтры.

Однако даже самый опытный специалист не может вручную отретушировать все помехи. Многие из них очень

трудно отличить по внешнему виду от полезного сигнала. Чтобы не заниматься каждый раз томительным гаданием, ученые решили поручить эту операцию машине. Тем более, что современные математические методы вполне позволяют разработать алгоритмы выбора. Есть уже и определенный опыт работы: именно таким образом, отфильтровывая полезный сигнал от помех, ЭВМ строят изображения ландшафтов других планет, передаваемые автоматическими межпланетными разведчиками.

Фильтры, разработанные ЭВМ, помещаются в установку, действующую по довольно простой схеме. Луч света, испускаемый лазером, падает на пленку с записью. Оптическая система фокусируется на полупрозрачном экране. На экран накладывается пленка фильтра. Помехи таким образом затеняются, и с другой стороны экрана видно лишь изображение полезного сигнала. Эта информация считывается еще одной оптической системой через целевую диафрагму и передается в фотозлектронный фотоумножитель. Здесь сигнал переводится в электрическую форму, усиливается и подается в динамик.

— И вот вам итог.— Горский снова включил опытную установку. Польшнул луч лазера, синхронно пошли пленки с записью голоса и фильтра. В лаборатории зазвучал голос Ленина.

— Владимир Ильич записал около двух десятков пластинок. В 1977 году фирма «Мелодия» выпустила альбом с десятью речами Ленина, — сказал Виталий Анатольевич. — Кстати, хотелось бы воспользоваться случаем и обратиться к читателям «Смены». Вдруг да у кого-то сохранилась малозатертая пластинка с редкой записью. Так что мы вовсе не считаем нашу работу законченной. Нам, конечно, не обойтись без помощи опытных специалистов Государственного Дома звукозаписи и радиовещания, попробуем мы использовать и нашу систему объемного звучания. Но одно можно сказать определенно уже сейчас: будет сделано все возможное, чтобы ленинский голос зазвучал точно так же, как он звучал для современников Ильича шесть десятилетий назад.



**«ПОРТРЕТ»
ЛЕНИНСКОГО ГОЛОСА.**

**НА ПОМОЩЬ УЧЕНЫМ
ПРИШЕЛ ЛАЗЕР.**

лиметром под микроскопом были просмотрены километры звуковых дорожек, выровнены, заглажены все микрорывтины и микроухабы.

С распространением магнитной записи реставраторы сменили иглу гравера на ножницы хирурга. Таким образом удалось вырезать наиболее досадные помехи — щелчки. Только из речи Владимира Ильича «Обращение к Красной Армии» вырезали свыше 500 щелчков.

Но оставалось еще довольно много шумов другого рода, то грохочущих, как горные обвалы, то шипящих рассерженными змеями. Для их ликвидации решили призвать на помощь радиоэлектронику. Неужели современные радиокудесники, ухитряющиеся вылавливать из множества помех сигналы космических радиостанций, удаленных от нас на миллионы и миллионы километров, ничем не смогут помочь в данном случае?

Действительно, с помощью частотных фильтров удалось снизить уровень помех, привести в запись большую ясность и четкость. Однако и этого оказалось мало. Пришлось пойти на техническую хитрость. Инженеры изобрели новое электронное устройство — динамический шумоподавитель. В отличие от обычных фильтров он управлялся силой самого голоса. Когда речь звучала громко, отчетливо, шумоподавитель не вмешивался. Но стоило начаться затуханиям, электроника расправлялась с помехами во всю свою мощь.

Внесли свою лепту в общее дело и химики, разработавшие специальные бесшумные пластмассы, из которых делают современные грампластинки.

Таким образом, совместным наступлением на многих фронтах удалось восстановить многие ленинские речи. Но есть записи, которым особенно не повезло. До сих пор не удалось отыскать ни их матриц, ни малозагранных пластинок.

И вот тогда ученые решили призвать на помощь... свет. Ведь современная техника позволяет не только услышать звук, но и увидеть его. Кинограммы записей широко используются в современных кинотеатрах, в спектральных физических и медицинских исследованиях.

— Попробовали и мы сделать нечто подобное, — говорит Сергей Михайлович Горский. — Переписали речь Ленина на фотопленку. Получилась вот такая картина. — Он протягивает мне снимок. — Видите? Вот эти извилистые линии — спектральные характеристики ленинского голоса. А беспорядочная россыпь точек и штрихов — следы помех...

Метод борьбы с ними напрашивается сам собой — нужно замаскировать, ретушировать помехи, оставив лишь полезный сигнал. Но как это сделать на практике? Неужто работать кисточкой?

— Можно и кисточкой, — к моему удивлению, согласился Горский. — В первых опытах мы так и делали. Закрашивали краской все видимые помехи, а



Апрель с сухими, теплыми днями, с темповой работой, сверхплановыми кубами прямоком катился к праздникам. Заалели свежим кумачом и белилами обновленные плакаты в котловане. Зачастили на площадке нормировщики и работники планового отдела, подбивая бабки. И в прорабском вагончике, споря до хрипоты, заседал по вечерам постройком, подводя итоги предметского соревнования. На одном из таких заключительных заседаний член постройкома звеньевой Валентин Прасков сидел как именинник. Для многих в управлении случившееся было полной неожиданностью: бригада Фоменко, наполовину из зеленых, только вчера приехавших на стройку комсомольцев, и пополненная «условниками», чисто обошла передовой бавыкинский коллектив по всем показателям. Уложила вместо 1200 кубов по плану полторы тысячи.

Поздним вечером, когда члены постройкома расходились по домам, Валентин Прасков, выйдя из прорабской, заметил, как ярко светятся в их вагончике окна. Он осторожно открыл дверь, чтобы не помешать разговорам. Но в вагончике, заполненном людьми, стояла тишина. Только клубы табачного дыма плавали устойчивыми кругами. И казалось, воздух в этом

золотом оттиснуто «Передовик производства», бавыкинцы производили внушительное впечатление.

Фоменко даже поначалу и не обратил внимания. Где определили место, там и пойдем. Но Тофик заметил:

— Бригадир, надо к нашим. У этих и так кумача много. Что им наше знамя, — и решительно направился назад к бригаде, которая стояла за бавыкинцами.

— Знамя в голове колонны. Перед передовой бригадой! — заволновался распорядитель.

— Что вы говорите! Это же не их знамя, — обозлился Тофик, прижимая к себе древко с еще скатанным полотнищем.

— Позвольте? Как не их? Вот у меня по сценарию записано: вначале бригада Бавыкина, со знаменем... — Распорядитель потряс перед Тофиком машинописными листочками. — Это та бригада? Или... — обратился он к бавыкинцам.

— Та! — мрачно ответили ему.

— Так что вы мне морочите голову? — накинулся распорядитель на Тофика и Фоменко. — Скорее на место!

— А знамя не их. Наше знамя. — Тофик упрямо гнул свою линию. — И ленты наши. Мы — передовики.

Тофик или Эльбрус. Третьего мая он появился на площадке. С опозданием, но появился. Внешне весь внимание и почтительность — выслушал проработку звеньевой и бригадира, понимающе кивнул головой, когда Арсен объявил, что согласно коэффициенту трудового участия ему придется снизить заработок. И тоном исполнительного солдата произнес: «Виноват. Больше не буду». Держался он при разговоре подалше и дышать старался в сторону.

Фоменко да и все решили: инцидент исчерпан. Борьба за ростверки вступила в завершающую фазу. Бавыкинцы, подхлестнутые поражением, наступали на пятки. На бетонном случилась заминка. И было не до единичного опоздания. А зря! Фоменко потом не раз упрекал себя за это.

Через два дня после обеда Удачливый исчез. Опять же тихо, незаметно и бесследно. Они ставили опалубку последних трех ростверков. Бетон принимали маленькими силами. Это был еще один тактический ход бригадира, дававший выигрыш во времени, построенный на полной отдаче. Каждый работник на счету. Исчезновение Удачливого — как внезапная подножка при стремительном беге. Выкладываться всем пришлось до доньшка. Даже рассердиться по-настоящему

Вера ДОРОФЕЕВА, Виль ДОРОФЕЕВ

НЕПРОСТЫЕ ДЮЖА

замкнутом пространстве, и дощатые стены, и даже грубо сколоченные лавки, на которых сидели плотными рядками бетонщики, были пропитаны ожиданием чего-то важного, большого, которое должно случиться, разбить эту тишину, но почему-то не приходит. И, поддаваясь общему настрою, Валентин попробовал тихо примоститься на краешек лавки у двери. Но его заметили.

— Ну, как? Что решили? — Голос бригадира стал почему-то резким, злым.

— Что — решили? — не понял Валентин.

— Ты на постройке был?

— Да.

— Так что решили? Кто первый?

— Я думал, ЧП какое. Вы, что же, меня ждали?

— А то кого же? Деда Мороза?.. Так что решили? Или это свертка?

— Какая тайна! Первые мы. Уже проголо...

Закончить Прасков не успел. Его хлопали по плечам, спине. Его обнимали. На нем висели, жали руки. Он пытался докончить рассказ, но ему не давали... Они стали первыми!

И как-то незаметно проскользнула еще одна новость, которую до этого момента Фоменко считал очень важной: каждый в бригаде заработал за апрель по 300 рублей. Но когда он сказал об этом, кажется, лишь Арсен мельком заметил:

— Не в деньгах счастье... Сделали бавыкинцев!..

Через три дня стояли на сцене под аллодисменты зала и надсадный туш оркестра Георгий Фоменко и Валентин Прасков, комсорг Саша Минаков и звеньевой Арсен Дударов. Стояли со знаменем, за которое они дрались там, в котловане, сражаясь с временем и бетоном, воюя с опалубкой и арматурой, а больше всего с самими собой... Зал приветствовал победителей предметского соревнования аллодисментами. Жора держал отполированное древко знамени, слушал громкие аллодисменты в такт и, всегда сдержанный, невозмутимый, улыбался. Хотя стоявший рядом Валентин Прасков тихо, словно про себя бурчал: «Взять-то взяли. А вот удержим ли?»

Валя слыл пессимистом.

Оркестр во главе колонны почему-то в темпе марша в который раз играл вошедший опять в моду вальс «В лесу прифронтовом». Фоменковцы в своих одинаковых костюмах самозабвенно танцевали на мостовой с отделочницами из «Жилстроя». Колонна строителей собралась на первомайскую демонстрацию.

— Становись! Товарищи, разберитесь по бригадам! — кричали люди с красными повязками, на которых солидно значилось — распорядитель.

Один подбежал к Фоменко и Тофику Сулейманову, который по решению бригады должен был нести на демонстрации завованное знамя.

— Что же вы стоите здесь? Быстро в голову колонны!

Они заняли место сразу за подразделением управленцев. Но за Фоменко и Тофиком со знаменем вплотную стала бригада Бавыкина. С широкими красными лентами через плечо, на которых было

— Как не их? — Распорядитель в растерянности сбавил тон.

— А так, — наконец вмешался Фоменко. — Сценарий когда был затвержден?

— Кажется, дней десять назад.

— А мы знамя получили третьего дня, заняв первое место. И пойдем с ним впереди бригады. Или меняйте нас местами.

— Так сценарий же...

— Переиграйте, посоветуйтесь. Вон парторг управления. С ним и решите. А мы к своим.

Парторг разобрался с полуслова. Быстро погасил все больше заводившегося Тофика, мимоходом обронив:

— Не кипятись, колени ошпаришь, — и отвел Фоменко в сторонку. — Со сценарием неувязка вышла. Но бавыкинцы — коллектив известный, сколько кварталов знамя брали.

— Теперь не будут.

— А если? — парторг хитро посмотрел на Фоменко.

— Не будут, — еще более твердо ответил бригадир.

— И потом. Есть маленький нюансик. У Бавыкина все, так сказать... по собственной воле. А у тебя? Комсомольцев лишь половина, а остальные...

— Бетон всех уравнил. У нас в бригаде нет «чистых» и «нечистых».

— Правильно. В принципе. А если ЧП? А твои ребята во главе колонны. Цвет и гордость управления.

— Знамя должны нести впереди бригады. Поймите. Для дела это нужно... Чтoб не было этого самого ЧП.

Ленты передовиков — бог с ними... Пусть красуются другие. Но знамя...

Запахавшийся распорядитель вновь подтрусил к ним.

— Так что решили? — И уже укоризненно, рыдающим голосом прибавил: — Время! Товарищи! Время! Разберитесь...

— Так говоришь, не отберет знамя Бавыкин. Уверен? Ладно! Сломаем сценарий. Ставь бригаду впереди. Только чтоб без ЧП.

Под звуки марша из кинофильма «Высота» Фоменко вместе с Тофиком Сулеймановым, несшим знамя, впереди бригады вступили на городскую площадь. Михальч оглянулся на своих. Те шагали следом, чеканя в такт марша шаг, твердо ставя ногу на асфальтовое тело площади.

Парторг помянул о ЧП. Но разве сорвется теперь Тофик, прошедший со знаменем по площади? А Эльбрус, а Коля Огрызков... С другой стороны, жизнь не праздник. И в колонне демонстрантов они шагают два раза в год...

— Сюда, товарищи! Сюда! — Распорядитель стоял у устья улицы. Фоменко еще не знал, как, впрочем, и другие члены бригады, что через две недели им придется разбирать ЧП.

Удачливый «вошел в штопор» в два праздничных майских дня. Никто из бригады и не заметил, как он исчез в толпе, растекавшейся после демонстрации. Не обратили внимания, что его нет, и когда всей бригадой ввалились в новую, еще не обжитую квартиру Фоменко. Удачливый вообще был человеком скромным, старался держаться в тени, не то что

на беглеца было некогда. И только в автобусе Эльбрус бурчал про себя:

— Ну, Удачливый! Ну, погоди!

Сил, чтобы идти разыскивать, выяснять, вести дискуссионные беседы, не осталось ни у кого.

Удачливый возник на площадке через сутки. Они принимали бетон на два ростверка сразу. Времени на разговоры не оставалось. А он как ни в чем не бывало взялся за лопату и работал всю смену на совесть. С усмешечкой, снисходительно поглядывая на ребят, отделяваясь ничего не значащими словами, говоря, что лечил зубы, потому что боль схватила адская, а очередь к стоматологу длинная. Бетон шел потоком. Даже обедать приходилось по очереди. Бригадир поддерживался со второй сменой. Ребята в автобусе молчали. И Удачливый с облегчением вздохнул: «Пронесло!» О заработке он не беспокоился. Подумаешь, на две десятки меньше. Много ли ему надо, если в прошлом месяце вышло по три сотни на каждого.

А потом был День Победы, еще два выходных подряд. Ребята помогли оборудовать бригадирку на новой квартире: сверлили дырки для карнизов, клали плитку на кухне, расставляли мебель. Удачливого с ними опять не было. После праздников он на площадке не появлялся. «Зубная боль» не отпускала. Ростверки росли без него.

Фоменко даже не знал толком, что предпринять... Бригада молчала, делая вид, будто ничего и не произошло. И злость откровенная, резкая не только к Удачливому, но и ко всем «этим» все росла и копилась внутри у Михальча. Злость на равнодушие, какое-то молчаливое, тайное согласие, как казалось ему, членов бригады и на свое бессилие. Ну что он мог сделать этому недавнему карманнику? Да и прежде чем что-то предпринять, еще надо разыскать его. А где?

В тот вечер Фоменко вновь задержался со второй сменой, помогая Валентину Праскову расставить людей по-новому. И с удивлением остановился в дверях вагончика. Он думал, там уже никого нет. А вагончик был переполнен. Посредине на табуретке с независимым и гордым видом восседал Удачливый.

— Нагулялся?! — Вся злоба, копившаяся у Фоменко за эти дни, будто аккумуляровалась в том вопросе.

— Погоди, Михальч, — поднялся с лавки Арсен. — Сами привели этого, — пренебрежительный кивок в сторону Удачливого, — сами и толковать будем. А ты уж решай.

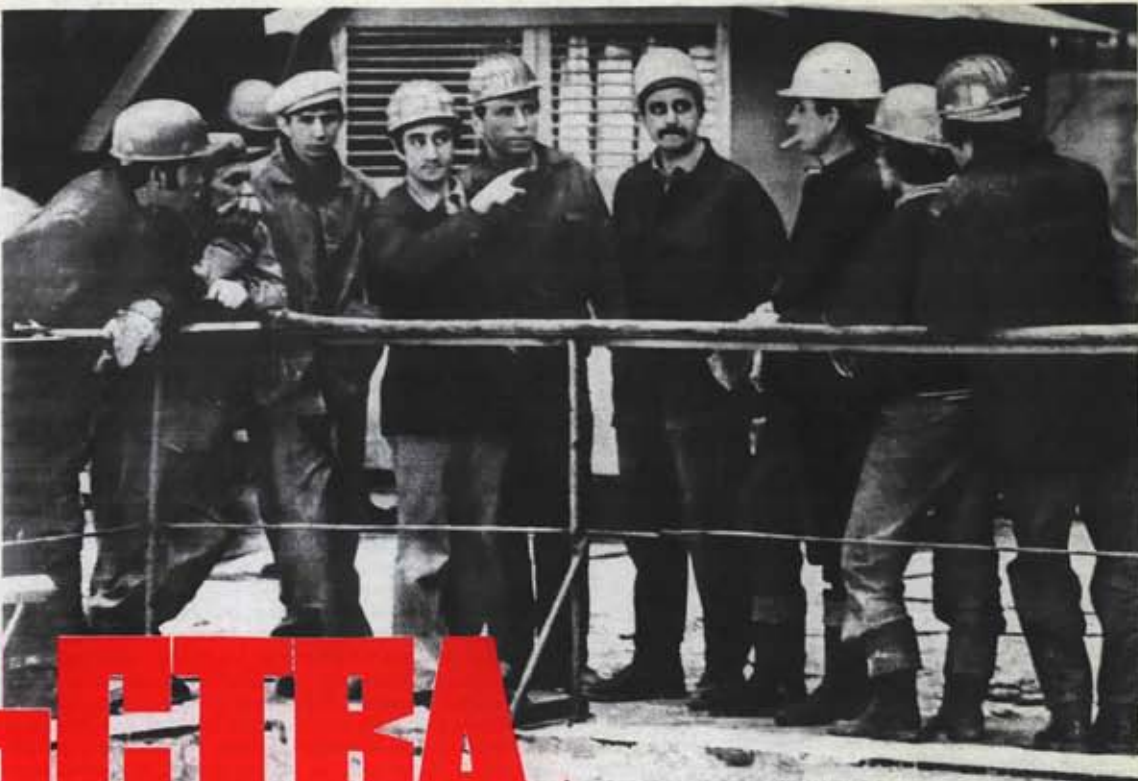
И это неторопливо-рассудительное «сами» обезоружило Фоменко. Он устало прошел на свое привычное место за столом. И уже без злости посмотрел на Удачливого. Но в сказанном Арсеном видно было такое, что ударило и по «виновнику торжества». Слиял Удачливый, сжался на своем персональном табурете, пригнул голову в обтерханной кепчонке-восмиклинке с пупочкой на макушке. И вспомнил почему-то Фоменко то, первое, собрание бригады, на котором держал свою невразумительную речь Удачливый, путаясь, называя его то «гражданин бригадир», то «товарищ бригадир». Тогда Удачливый был для Фоменко одним из двадцати, с кем предстояло работать. Сейчас он стал всего лишь одним, не из «тех», а вне «тех». Потому что «те» превратились в бригаду — его бригаду...

Слова не звучали, а неслись, обрушивались на парня, одиноко сидящего на табуретке.

За шесть лет работы Фоменко научился избегать громких фраз. Он предпочитал обходиться выражениями «надо сделать», «сделаем так», «поднажмем», «сработаем красиво», «чистое дело». Он предпочитал работу, ясность чертежей и реальность бетона. А в разговорах — слова попроще, способные передать, донести до собеседника зерно мысли без пышных одежек шелухи. Когда его не понимали, он старался показать, сделать. Это срабатывало безотказно.

Два последних месяца он действовал именно по этому принципу. И сейчас сидел, молчал, слушал, удивлялся. Фоменко и не знал, что его ребята такие ораторы. Они не были молчаливками. Разве что Арсен. Но другие, увлекаясь, могли со вкусом часами травить, например, Эльбрус Гусейнов о штормах на Каспии, морской болезни, жизни иранского порта. Могли весь вечер «держать площадку» за столом, как Коля Огрызков, рассказывая о повадках лошадей,

Фото Юрия УСТИНОВА



ЗАТЕЛЫСТВА

особенностях дорожки Ростовского ипподрома. Но все это были повествования из «той», прошлой жизни, отсеченные от нынешней бедой и виной. О событиях текущих, свежих они не рассуждали. События эти складывались в памяти, как в кладовую, на будущее. И Фоменко казалось, что он даже не знает, что думает бригада о происходящем нынче, каждодневно. Потому, наверное, и мучился все эти дни, когда выматывал душу Удачливый. И молчал сейчас.

А Тофик Сулейманов, всегда взрывчатый, детонирующий от любого пустяка, сейчас собранно рубил правой рукой воздух.

— Нет, Удачливый. Тут все свои. И цену пломба знаем. Три шестидесят две и четыре двенадцать. Тебе не стыдно. А нам стыдно. Особенно перед комсомольцами. Хорошо, их здесь сейчас нет. Один бригадир. Пусть слышит, как мы тебя... без кассаций и обжалования...

Смысл последних слов даже не сразу дошел до Фоменко. И только когда Эльбрус бросил безжалостное: «В зону!» — ему стало понятно, что имел в виду нарочито спокойный сегодня Тофик. Девятнадцать судили одного. Судили по своему жесткому закону оскорбленных, обманутых людей. Судили яростно, потому что проступок одного стал их болью, от которой было одно избавление — безжалостное хирургическое вмешательство.

Девятнадцать человек поднялись в тот вечер в вагончике с грубо сработанных лавок. Девятнадцать раз упало в тишину произнесенное по-разному — резко, категорично: «В зону!»

Для бригадира это понятие было отвлеченным. Но эти девятнадцать и один, низко пригнувшийся на табуретке, помнили ту жизнь в деталях. Они несли в себе то ощущение несвободы, которое пришло как возмездие. И то ощущение собственной значимости, которое вернулось к ним здесь, на стройке, сплавляясь с памятью о той недавней жизни.

— Все, Михалыч. Мы решили. Твое слово. — Арсен говорил, будто процеживал слова. Фоменко посмотрел на него, потом перевел взгляд на сжавшегося Удачливого. Девятнадцать пар глаз проследили его взгляд. А он глядел на эту съежившуюся, одинокую фигурку на табуретке, накрывшую острые колени, выпирающие из-под серой ткани дешевеньких джинсов, и волна безысходной тоски и жалости поднималась, вспухала в Фоменко. Он готов был забыть и обиду, нанесенную лично ему — бригадир, и свое смирение, и свою растерянность перед бесцеремонной, никак, казалось, не наказуемой наглостью. Арсен сочувственно обронил:

— Не жалея, бригадир. Он тебя уже не пожалел. Да и всех нас...

И было в этих словах такое, что Фоменко понял: он может своей властью, вопреки всем оставить Удачливого. Но тогда потеряет, отсечет напрочь этих девятнадцать, которые уже не простят ничего ни Удачливому, ни ему, бригадир. Он, еще словно отступая, сделал последнюю попытку:

— Может, поговорить с администрацией... Стройка большая... В другую бригаду...

— Зачем засорять другие бригады? Ты же сам говорил вчера: ростверки кончаются. Ждет работа высшего класса.

— Да, ростверки... С вилами на бетон завтра уже не погрешь... Там работа ювелирная... — Фоменко отпустил фразы, словно время тянул. — Значит, сами решили?

— Сами.

Эльбрус и Коля Огрызков повелительно бросили: «Пошли!»

В их сопровождении Удачливый шагнул из вагончика, сцепив руки за спиной.

Гнали на «просторе», как выразился новый группкомсорг Коля Терехин, последние ростверки. И помалкивали, чувствуя тревогу, озабоченность бригадира. Иная пора надвигалась на стройку...

Фоменко знал это состояние тревожного ожидания, когда работал на стройке КамАЗа. Подходит к концу одна работа, уже привычная, кажущаяся несложной, — и наступает период «высшего пилотажа». Все вновь — кропотливо, хитроумно, сложно. От мускульной силы зависит немного, а главное — умение, точность, класс. Достанет ли его у бригады, сроку которой всего три месяца?

Знакомясь с документацией, рассматривая чертежи будущих работ, Фоменко часто вспоминал Удачливого. На чем сломался этот парень? Не выдержал напряжения, физических усилий, темпа? Или взяла верх тоска по прежней безалаберной жизни? А может, не так все прямолинейно, однозначно?

Напряжение, которое выдерживает бетон, он, бригадир, знает. Забыл, возьмешь таблицы, сверишься. А человек? Какое он может выдержать напряжение?

Три последние ростверка еще белели опалубкой, когда к Фоменко подошел Коля Терехин.

— Михалыч! Имею вопрос. — Коля не привык к тому, что он в некотором роде начальство, и стеснялся мучительно.

— Раз имеешь, поделись. — Фоменко оторвался от листов синьки.

— Ребята интересуются твоим настроением, бригадир.

— А конкретнее?

— Чувствуем, держишь что-то. Но молчание... А оно не всегда — золото...

— Рано еще об этом.

— Смотри, как бы не было поздно. Да и ростверки клепать надоело. Ребята спрашивают: а дальше-то что?

— Так в чем вопрос? Я не понял. Молчу, ну, что дальше?

— И первое и второе... Ты не чужой, да и мы не бесчувственные...

В вагончике были только они двое. Солнце уже ушло с их стороны. И в затененном полумраке Коля не видел, как потеплели глаза бригадира.

— Тебя комсомольцы послали?

— Нет, все. И Арсен и Тофик... Все. Они Удачливого клянут. А я чувствую — не то... Вот и пришел. Вообще-то сам... Так как, бригадир?

— Собирай народ.

— Пока комсомольцев?

— Нет, всех. Бетон один будет.

Фоменко обрадовался, когда начальник участка протянул ему аккуратно сложенные листы синьки.

— Вот помозгуй. Фундаменты под оборудование в тридцатиметровом пролете. Справятся твои орлы?

— Справятся.

Сейчас бригадир колдовал над чертежами. Интересное дело. Необычное. Но... объем. Проклятый объем. Ведь платить-то будут по-прежнему: за кубы. А предстоящая работа не ростверки. Здесь на бетон с лопатами наперевес не погрешь... Расчет нужен. Для него, бригадира, персонально интересно. А для бригады? Загорятся ли? Или весь интерес потушит, задавит всеильный для некоторых рубль?

...Вагончик был тесен, и бригада собралась прямо у последнего ростверка. Мимо к транспортному пятячку тянулись со смены люди, то и дело бросая:

— Эй, передовики! Кончай митинговать. Автобус ждать не будет...

И Тофик в который раз в сердцах отвечал:

— Да иди ты...

Бригадир шагнул вперед:

— Товарищи! Нам предстоит нелегкая работа. Но интересная. Не ростверки штамповать...

Коля Терехин сидел на доске, положенной на кирпичи, привалясь к ободранному боку сварочного аппарата. Фоменко бросал, словно рубил фразы: «Фундаменты под оборудование... Ювелирная работа... Сегментная опалубка... Моральная готовность... Самоотдача...» Коля понимающе кивал головой, соглашаясь с бригадиром, принимая его слова на веру.

— На ростверках передовиком стать несложно. Укладывай кубики. Нам знамя хоть и за труд дали, но как бы авансом. Настоящая работа впереди на фундаментах. Там не только количество, там качество требуется. Там наша бригада или знамя сохранит, или вниз пойдет. Особенно если рублем все мерить.

Фоменко отвел глаза от комсорга и посмотрел на других. Вон как напряглись при этих словах и Тофик Сулейманов, и приехавший полтора месяца назад на стройку по комсомольской путевке Витя Щербаков, и Арсен, и Коля Ковалев, оставивший хорошую должность в Красном Сулиме, почти инженерную, ради того, чтобы построить «свой завод, свой город». Для них возможная потеря в заработке не фактик, а фактище. У Коли детишки, семья — сам четвертый да пока еще и квартиру снимает. Арсен хоть и живет в общежитии, но тоже домой посылает переводы. Нелегкие у них в последние месяцы были деньги, но и немалые. А к ним человек быстро привыкает.

Ковалев смотрит на бригадира в упор. Тяжело смотрит. И у Вали Праскова в глазах тревога. И у Эльбруса. Даже Коля Ершов, почти пацан, неизменно довольный жизнью, всегда с улыбочкой, и тот лицом закаменел. Да, могуч еще рубль в сознании. Могуч.

Может, поторопился бригадир? Поддался настроению, рубанул сплеча комсоргу: «Собирай всех». Наверное, надо было исподволь с каждым по душам: растолковать, разъяснить. Дескать, проигрыш временный. Приобретем класс — наверху.

А стена непонимания между ним и ребятами растет, пухнет, как на дрожжах. Глухая монолитная стена. В нее хоть сердцем стучись, хоть динамитом взрывай. Не пробьешь.

Говорит бригадир от усталости неторопливо. А сам думает: «Уйду из бригады к чертовой матери. Уйду».

И замолкает на полуслове. Ждет чего-то. И произносит уже привычное:

— У меня все. Решайте сами.— А потом с болью добавляет:— Только мы завод строим, а не шашкичим. За нас никто эти фундаменты проклятые не сделает. Никто.

Трепещут, бьются в заглубленных ладонях лодочкой огоньки спичек. Молчит бригадир, окутавшись клубами табачного дыма. Хорошо спрятаться за затяжкой, оттолкнуться, сохранить сомнения. Но быстро тлеет пересохший табак. У Николая Ковалева второй раз испеленный окурок кончики пальцев прихватывает. И он, погасив его о доску, на которой пристроились они с Арсеном, отбросив щелчком чинарик в сторону, поднимается медленно, словно со штангой на плечах.

Два месяца назад Ковалев выбрал их бригаду. Он имеет право выбирать, Коля Ковалев. Таких рабочих пока на стройке по пальцам можно пересчитать. За плечами у него почти высшее образование — четыре курса вечернего отделения факультета обработки металлов под давлением, работа инженерным диспетчером на заводе металлоконструкций под Ростовом, нелегкий разговор в кадрах треста.

— Пойдете старшим диспетчером в СМУ-5.
— Да нет, хочу попробовать бетонщиком.
— Вы же учитеесь на вечернем в институте.
— Взят академический отпуск...

Он и чертежи читает легко, как музыкант играет «с листа», и с нивелиром может работать, и людей расставить, организовать полочнее. В звене у Арсена он держится в тени. Но Фоменко знает, что Ковалев во многих начинаниях Арсена — стержень всему: пока действует — крутятся колесики и шестеренки. Усомнился Ковалев в разумности дела, и замедлился темп, засбоилась. Бригадир и сам не раз выверял на Ковалеве правомочность своих идей, получал негласную визу на действие. В бригадной ведомости Ковалев по алфавиту стоит где-то в середине. А по сути, первым номером идет. И, наверное, с ним надо было все обговорить заранее.

Ковалев уже возвышался рядом с Фоменко, положив опаленные сигаретой пальцы правой руки на прохладный сыроватый бок опалубки.

— Ты раньше времени... бригадир...
Вот и все. И существовать теперь коллективу на бумаге. Когда Ковалев в чем-то несогласен, он всегда Фоменко по должности называет. А так они «Михалыч» и «Леонидыч».

— ...Нас всех обидел. Конечно, можно людей и рублем мерить. Только повода к этому никто не давал. Никто! — Ковалев резко развернулся вполоборота, стал в пространстве между Фоменко и бригадой.

— До нынешнего часа мы думали: ты и себя и нас делом меряешь. А ты рублем! Ты, значит, осознал, какой завод строим, а мы же — нет? О заработке нашем печешься? Как же, трудовая копейка для рабочего человека — главное. А нас ты спросил, что главное? Да за иную работу и рублем поступиться не грех. Нам эти ростверки, между прочим, — Ковалев провел ребром ладони по горлу, плотно охваченному резинкой старенького свитера, — во как обрыдли. Понимаем, что надо, вот и вкальваем. Тут же интересная работа, так бригадир сомневается, что для нас дороже, дело или рубль.

Резко говорит Ковалев, обидно, а Фоменко доволен. Коля Щербакоев даже привстал от нетерпения.

Не всякое поражение — провал. Уж это Жора за шесть лет строительной практики усвоил хорошо. Тактика — дисциплина не только военная. К концу ведет речь Ковалев. И уже спокойным голосом по-деловому предлагает:

— Совету бригады во главе с Михалычем помогать, как лучше организовать новую работу. Соображения доложить всей бригаде. Для такого дела поседать еще раз не грех.

Автобус уже давно ушел. И Фоменко с Ковалевым шагают в город, надеясь голоснуть на трассе.

— Скажи, Михалыч... — Голос Ковалева звучит душевно, под стать сумеркам, размягченно. — Ты про рубль и прочее нарочно заговорил сегодня или искренне?

— Искренне, — выдыхает Фоменко. Шагает Ковалев после этого ответа молча. Только сигарета похихивает. А бригадир молчит. Сказать нечего.

— Значит, правильно я тебя при всех, при пацанах?..

— Правильно, Коля...

За плечами у Фоменко — школа КамАЗа: мастер, прораб, начальник участка. Он и на здешней стройке начинал начальником участка. И уж кто-кто, но Фоменко знал, что значит на стройке бригада и... квалифицированный бригадир. Первое, с чем он столкнулся, приняв участок нулевых циклов, — отсутствие толковых руководителей в бригадах. На его участке их просто не было. Вплоть до самого возглавить бригаду и показать всем, как надо работать... Сначала эта мысль показалась Фоменко бредо-

вой, но потом он неоднократно возвращался к ней. Что мешает ему попробовать? Но кто позволит, если взять армейский табель о рангах, самовольно разжаловаться из капитанов в сержанты? А ведь бригадир должен быть качественно другим, нежели десять лет назад.

Все это было сложно и тяжело, но нашлись такие, которые вникли, и поняли, и оценили... Фоменко назначили бригадиром.

Фундаменты, фундаменты. Бетонные колодцы. С гулкой, утробной пустотой. С аппендиксами и тупичками энергопроводки, в которых должна спрятаться вся «кровеносная система» будущих станков.

Работая, бригада все больше погружалась в глубь фундаментов-колодцев. Но в показателях фоменковцы неумолимо поднимались вверх. И в сводках, рапортах, докладах, в подписях под газетными снимками, рядом с цифрами уложенных кубов, сэкономленных материалов, перевыполненных месячных и квартальных заданий неизменно следовали слова: «методом бригадного подряда...»

Совет бригады после того памятного собрания в котловане собрался не один раз. Сидели, мозговали, прикидывали. Без заработка все же никто оставаться не хотел. Мускульное напряжение, уплотнение времени, которое принесло им выигрыш там, на ростверках, тут явно не годилось. Требовалось нечто новое в организации всего процесса. То, о чем некогда говорил, думал Фоменко: преодолеть разрыв в цепи командных звеньев. Ради этого Фоменко «разжаловал» себя в бригадиры. И не фокус здесь был нужен, а трезвый, четкий математический расчет, который бы вообрал в себя все: и самолюбивую взрывчатость Тофика Сулейманова, и почти инженерную подготовленность Коли Ковалева, и неторопливую основательность Вали Праскова, и осознанную порывистость, самоотверженность Коли Щербакоева, других ребят, приехавших сюда по комсомольским путевкам, лишь жадно постигающих таинства, такой «грязной, черной» работы бетонщика и мечтающих о высотах мастерства.

Всякий раз, когда собирался в вагончике совет бригады, всплывал новый фактор, который надо было «учесть», «увязать», «уладить», «принять во внимание»: от ритмичной подачи раствора до нормального обеда в переполненной столовой. В расчетах планового отдела никак не связывались кубы уложенного бетона и часы работы продуктового киоска в котловане или месторасположение цистерны, торгующей квасом. Там мыслили масштабами штаба фронта, в крайнем случае армии. А здесь была полоса наступления стрелкового взвода, максимум роты, свои «высотки» и «лощинки», свой «огневой рубеж», свой «тыл». И приходилось рассчитывать, не что сделать, а как сделать. И все же точный математический расчет сработал и породил цифры, которые поразили поначалу даже их самих.

Месяца полтора назад они уложили полторы тысячи кубов, вырвали у бавыкинцев знамя победителей. Сейчас в их прикидках, расчетах, планах вырисовывалась, выплывала, как парусник из мглистого тумана, иная цифра — 2 тысячи 500 кубов каждый месяц. Когда Фоменко в первый раз назвал ее, никто из совета бригады не поверил. А «парусник», как флагман эскадры, вел, тянул за собой иные показатели.

Но цифры эти опирались теперь не только на математический расчет. Не случайно под листком социалистических обязательств их комсомольско-молодежной бригады красовались не только подписи «треугольника» — бригадир, профорг, комсорг, — но и каждого из тридцати семи плотников-бетонщиков.

Правда, был в тех обязательствах пункт без громких цифр. На непосвященный взгляд — мелочь. Но существенная!

«Вовремя и начинать и выполнять работу. За вынужденные простои несет ответственность администрация».

Начальник участка только головой закрутил.

— Хитрый ты мужик! Михалыч. Ой, хитрый. И бригаду себе под стать сколотил. Я это еще в апреле заметил, когда знамя вырвали.

Стройка не завод с отлаженным, выверенным годами ритмом цехов и конвейера. Поэтому выкладки Фоменко среди инженеров управления не встретили энтузиазма. Говорят, что один из них, тертый, бывалый, даже заключил пари с начальником участка на ведро раков «и все, что к нему причитается». Он был твердо убежден, что ничем не рискует: через неделю, максимум две Фоменко уже забудет о всех расчетах и начнет действовать, применяя к сложившейся ситуации.

— Так было, так есть и так будет, — пророчески заявил инициатор пари, стискивая ладонь начальника участка и бросив свидетелям: — Разбейте!

Теперь он раз в два дня непременно появлялся на «фоменковских редуках». Слух о пари докатился до бригады. И когда над фигурными колодцами вверху возникла невозмутимая фигура в итэзовской зеленой спецовке, Коля Огрызков заводился непривычно быстро, с пол-оборота.

— Ходит и смотрит. Ходит и смотрит, — кипел Коля. — Что я, лошадь ему? Есть потребность, ездай в Ростов на ипподром. Делай ставки на ординар и на дальной. А я не лошади...

— Ты не фаворит. Точно! — посмеивались над Огрызковым ребята. — Только доказать это надо ему — любителю раков. Пусть знает, где они зимуют.

— А мы что? Разве мы не докажем? — Спустя три первые недели тому опытному строителю, как инициатор пари, уже стало ясно: он проиграл. Бригада Фоменко, точно следуя расчетам, упорно, методично, внешне неприметно уходит вперед. И где теперь доставать ведро этих чертовых раков, если еще не сезон?

Они уложили в тот первый месяц две с половиной тысячи кубов. И снизили себестоимость фундаментов на запланированную сумму. И выполнили все, что длинными строчками формулировок плотно заполняли лист их сообразительности.

Эта невзрачная деловая бумага, опечатанная под копиру, пришла в бригаду неожиданно. И расплывчатые строки отбитых копиркой букв гласили: «За отличную работу и примерное поведение в быту подлежат досрочному...»

Странное чувство испытал Фоменко, вчитываясь в этот плотный листок. И радость за ребят, которые на его глазах преодолели нелегкий рубеж, стали надежными работниками и не менее надежными друзьями. И горечь неприменной разлуки, потому что он слишком хорошо знал их. Об этом не раз было сказано, когда ребята выплескивались перед Михалычем до доньшка. Эти беседы на официальном языке носили суконно-бюрократическое название: «Воспитательная работа с членами бригады». После одной из них Эльбрус обронил Фоменко: «Хороший ты мужик, Михалыч, но разный. В деле — кремень, в жизни — воск. А всех жалеть нельзя. Объягорят».

Сейчас, читая невзрачную бумагу, вспоминал Фоменко тот разговор и другие беседы. Неспешные, душевные. Трудно было решать за ребят, перечисленных в документе: уедут или останутся. И стоит ли с ними заводиться на эту тему разговор?

Пожалуй, не стоит. Слишком уж тосковал по Каспию Эльбрус Гусейнов. Сколько раз, глядя на мелководную чашу Цимлянского водохранилища с белыми башаками на плавных волнах, произносил с горечью: «Нет, не море».

И не меньше, чем Эльбрус по морю, томился по лошадям, по запаху конюшен, по неровному ритму ипподрома в день больших скачек, по азартному слитному реву трибун, когда фаворит «привозит остальных на хвосте на три корпуса», Коля Огрызков. В воскресные дни — Фоменко знал это точно — Коля маялся, уходил один далеко за город, в степь в надежде встретить «простую конягу». Но по просохшим дорогам уверенно пылили переполненные автобусы и многотонные «Колхиды», «КраЗы». А по тугой ниве плыли громады комбайнов.

Тофик Сулейманов был весь как на ладони, само откровение. Сколько раз слышал Фоменко да и другие ребята, как он на полном серьезе, горячась, доказывал тому же Эльбрусу, какому-нибудь парню, приехавшему на стройку из Азербайджана, что Сумгаит, конечно же, лучше Баку.

Нет, не останутся ребята. Они исчерпали стройку, которая дала им немало. А все же не сосллись с ней, не сроднились, не прилепились, как он, бригадир Фоменко, ко всем этим ростверкам, которые уже засыпаны грунтом, к узким щелям бетонных колодцев. Но он строитель. А они? Наверное, не стоит уговаривать их, а проще и лучше проводить достойно.

Автобус, выдохнув на толпу остающихся едкое дымное облако, по-слоновьи плавно пошел вперед, спеша выбраться на трассу. За зеркальными, запорошенными дорожной пылью стеклами уплывали улыбающиеся лица Эльбруса и Тофика Сулейманова. Они еще что-то говорили за стеклами, улыбались, жестикалировали. Но Фоменко, круто развернувшись, зашагал от автовокзала. Валя Прасков постоял мгновение, помахал рукой ребятам и поспешил догонять бригадира. Было грустно. Вчера уехал в Сальск Коля Огрызков. Два раза провозать за сутки — это много.

Бригадир в кургузой парусиновой курточке, в разношенных сандалиях шел молча, сосредоточенно. Спешил уйти от суетящегося торжиза автовокзала — от всего, что было теперь связано с проводами ребят.

Сколько раз он ставил свою подпись на «бегунке», когда рассчитывались люди. За эти годы он привык к частой сменяемости лиц, судеб, проводам и отъездам. А вот уехали эти трое, и что-то ушло с ними. Придут другие.

Фоменко поймал себя на том, что думает о тех, кто придет в их бригаду на место ушедших, с некой долей отчужденности.

Окончание следует.



Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

Анатолий КОРСАКОВ

РАССКАЗ

КАК ПОМОЧЬ ХОРОШЕМУ ЧЕЛОВЕКУ

Поезд набирал скорость, и дома за вагонным оконцем все убыстряли свой бег, пока совсем не скрылись из виду. Дальше начался лес, высокий, густой. Ели и сосны жались друг к другу, словно от испуга перед громыхающим составом. Изредка пропархивал рядок тонконогих березок, и снова толпились ели, строгие и задумчивые. Быстро темнело, и пока это было единственной приметой уходящего лета.

«Давно ли был март и наша свадьба,— подумал Сергей,— а теперь август и наша самая серьезная ссора». Сергей грустно усмехнулся, сопоставив в памяти две картины.

— Ты специально взял эту командировку, тебя никто не посылал! — застыл в ушах голос Наташи.— Я знаю— ты мной тяготишься...

— С чего ты взяла?

— Конечно, я тебе надоела своими постоянными напоминаниями о квартире, которую тебе обещали и до сих пор не дают, а ты не можешь напоминать другим каждый день, ты гордый.

— Ты же знаешь— дом сдадут осенью.

— Осенью, осенью! А та квартира Лобановых— почему ты не просил ее? Почему ты не пошел к директору? Конечно, тебя это не волнует, ты слишком занят чертежами своих несчастных балалаек, то, что жена таскает воду ведрами, тебя не интересует.

Наташа ходила по комнате растрепанная, зябко кутаясь в халат... Сергей укладывал в портфель две рубашки и свитер и никак не мог уложить. Он старался не смотреть на ее злое, покрывшееся красными пятнами лицо.

— Я работаю не меньше твоего. Ты думаешь: детский сад— это игрушки?! Послушай—ка детей изо дня в день, изо дня в день— слезы, капризы— не одного, нет, десятков, да, десятков! Я прихожу домой, и твоя мамочка не спускает с меня глаз: как я кормлю Сережу, что я варю, правильно ли я все положила. Ах, Сережа не любит так много соли!

— Хватит.

— Нет, не хватит. Выслушай до конца. Я устала.

— Не устраивай мне концерта. Устала, устала, а я не устал? Несешь какую-то чепуху. Кто за тобой следит? Что ты производишь?

— Я горжусь?! Ну, хорошо!

Наташа выскочила на террасу и тут же вернулась с пустым чемоданом.

— Хватит, я тоже уезжаю в командировку!

— Не сходи с ума.

— Еще посмотрим, кто сходит. Счастливого пути! Мне в другую сторону.

Вагон покачивало в разные стороны, колеса стучали и стучали, неумолимо отмеряя километры, все больше отдаляя Сергея от дома, от ссоры, от коричневого, увесистого чемодана Наташи. Нет, хватит вспоминать. Он дернул ручку купе и вошел, бегом оглядев своих попутчиков. Двое играли в шахматы, а третий ел бутерброд с сыром, запивая чаем из термоса.

— Пат, ничья. Еще разок?

— Нет, хватит. За сегодня так вымотался— завалюсь, и все. Вы мне позволите?

— Да, да, конечно.

Сергей снова вышел в коридор и закурил.

«И с чего Наташка так взъелась? Не может быть, чтобы она не поверила, что меня послали. Это глупость. Но тогда что же, что?»

Он решил не думать об этом и, успокаивая себя, походил по коридору. В окно уже нельзя было ничего различить, кроме собственного отражения. Поезд вспарывал темноту и никак не мог вырваться из ее обволакивающей мягкости.

Нет, всякие старания успокоиться бесполезны, пока не перегорело в душе все

невysказанное, никакие словесные примочки не помогут. И чем больше успокаивал себя Сергей, тем больше раздражался, восстанавливая в памяти случившееся.

Отправился спать. Но сон не шел. Сергей пробовал считать, повторять одну и ту же фразу— бесполезно. Глаза не слушались.

Стук колес отдавался в ушах, проходил через все тело. Было душно, и хотелось пить, но он заставлял себя лежать, чтобы не потревожить преспокойно посапывающих попутчиков.

Неожиданно в купе ворвался пучок света и пропал, снова ворвался, поезд замедлил ход. Станция. Минутное затишье разрезал голос диктора: «На второй путь прибыл поезд...»

«Горланит среди ночи»,— подумал Сергей и почувствовал, что становится брюзгой. Кто виноват, что ему не спится, кто заставлял его ругаться с женой и теперь думать об этом?

Да еще эта ненужная ему командировка, с которой и началось.

Вызвал главного инженера и кратко пояснил задачу: нужна фанера, поставщик тянет с отгрузкой, и надо подтолкнуть.

— Неужели на фабрике нет никого, кроме меня, неужели, кроме конструктора, послать некого?

— Снабженцы загружены, все в разъезде.

— Евгений Петрович, я не могу, вы же знаете, мы осваиваем новый баян.

— Да, знаю, знаю, только к баяну мы можем вернуться и через неделю, а вот если через неделю мы не получим фанеру— плана не будет. Ясно?

— Евгений Петрович!

— Без лишних слов, пожалуйста. Сейчас ответственный момент. Все.

Сергей повернулся на спину и закрыл глаза. Веки отяжелели, а сна не было. «Подтолкнуть, выбить фанеру... Странное слово «выбить». Вы-бить... Выбить то, что нам положено без всяких проволочек, по закону, без чего наша работа немислима? Чертовщина какая-то! Ненормальные они все там, что ли! Вот приеду и скажу: «Братцы, дело надо делать!» Вы-бить... чудно...»

В управлении комбината Сергеем отметили командировку и отправили к ответственному лицу, должность которого он не разобрал.

Медлительный, рыхлый мужчина сидел за небольшим, заваленным бумагами столом и что-то писал неторопливым ровным почерком. Он выслушал Сергея молча, полез в ящики, и на свет появилась папка— коричневатая и обшарпанная. Мужчина порылся в бумагах и ответил монотонно:

— Да, не отпустили, но недельки через полторы— две с фабрикой рассчитаемся.

Сергей, поддавшись этой усыпляющей медлительности и спокойному голосу, молча кивнул, поднялся со стула и вдруг очнулся:

— Как через две недельки! Нам через два дня фанера будет нужна!

— Ничем не могу помочь.

— Да вы что! — возмутился Сергей.— Я же не для себя прошу, там же фабрика встанет. Да и потом я не прошу— я требую, вы обязаны.

— Все требуют, и всем мы обязаны,— отпарировал мужчина, щелчком сбивая муху с рукава. Он поглядел в окно, потом куда-то поверх Сергея и добавил: — Денька через три приходите, поглядим. Некоторые организации в срок не получают, бывает возможность... А пока устраивайтесь в гостинице, звоните своему начальству, докладывайте и ждите. Всего хорошего.

«Да, командировочка,— думал Сергей, оглядывая трехэтажное управление фанерного комбината с улицы.— Удружил главный, нечего сказать. А попробуй не доставь через неделю фанеру— живьем съедят. Да потом полгода вспоминать будут... Квартиры-то еще не расписаны— могут припомнить. Э-эх!»

Дел больше не было, в гостинице место обещали вечером, и оставалось одно: бродить по городу. Но и бродить особенно негде. Тридцатитысячный город

тянулся одной длинной улицей с высокими домами и просторными магазинами, несколько стареньких пыльных переулков ответвлялись от нее и затихали около широкого, поросшего лопухами оврага. На главной улице было тоже немногочисленно. Только старушки с детьми в колясках пестрели разноцветными платками.

Сергей завернул в небольшой скверик, сел на скамейку и начал разглядывать улицу из теневой прохлады. Машин почти не было, но часто сновали велосипедисты.

Неожиданно на другой стороне улицы вскрикнула гармонь, умолкла и тотчас же заголосила снова. Сергей поднял голову на ее голос и увидел молодоженов, сопровождаемых свитой родственников и лихим музыкальным аккомпанементом.

По обочине дороги бежали мальчишки, глазели на молодых.

Сергей проводил взглядом праздничную свиту до дверей, рядом с которыми висела доска с золотистыми буквами «ЗАГС», и вспомнил свою совсем еще недавнюю свадьбу...

Двери загса захлопнулись, мелодия оборвалась, улица стала обыденной и скучной, словно луч солнца осветил ее на минуту и снова погас в пышной пене облаков.

Сергею стало тоскливо и зябко, будто он выскочил из теплой, обжитой избы в тайгу, заснеженную и морозную. И подумалось ему: «Разные мы, наверно, с Наташкой люди».

Вечером, получив обещанное место в гостинице, Сергей наметил план будущего дня. Он решил как следует потрясти рыхлого поставщика, перебирающего бумажки, и походить по цехам комбината: его конструкторское чутье подсказывало — тут найдется немало интересного.

Он так и сделал. Вчерашний мужчина, оказавшийся Поликарпом Григорьевичем, несколько не удивился его приходу, заученным движением открыл ящик стола и вынул знакомую папку. Сергей покраснел и начал говорить гораздо быстрее обычного. Поликарп Григорьевич глядел в окно и отвечал односложно, но отчетливо:

— Не имеем возможности.

Сергей пошел к заместителю директора. Тот проблему не решил, посоветовал зайти к директору.

Директор принял Сергея перед обедом, выслушал, записал что-то в календарь и пообещал учесть и помочь, но как учесть и когда помочь, Сергей понял не совсем, однако выяснить не решился. Ледяная обстановка обширного директорского кабинета надежно охраняла его хозяина, не позволяя говорить лишнего слов и уточнять мелочи.

Сергей потерял уверенность, почувствовал: в горячке залетел высокомерно, да и, наверно, зря, потому что записанное в календаре снова спустится по ступенькам к Поликарпу Григорьевичу, который заболитливо присовокупит его к делу и захлопнет в коричневой папке.

Он стоял в коридоре управления и размышлял, как быть дальше. Выхода не было, он закурил и спустился к Поликарпу Григорьевичу, попросил разрешения посмотреть цехи.

Станки на комбинате стояли новенькие, деревообрабатывающий цех его фабрики годился здешним в дедушки. Современные поточные линии, о которых Сергей читал только в учебниках, работали перед глазами, удивляя своей будничностью. Он познакомился из любопытства с производством шпона и свернул в механический, хотелось увидеть штампы, шаблоны, поглядеть чертежи...

— Серега! Княжев! Не узнаешь?

— Володька! Здорово!

Сергей крепко стиснул руку бывшего однокурсника по лесотехническому институту.

— Какими судьбами? — спросил Володька, оглядывая Сергея быстрым оценивающим взглядом.

— Случайными.

— Как случайными?

Сергей кратенько, под удары тяжелого пресса, передал суть своего дела.

— Ну ты хорош! — Володька хлопнул его по плечу. — Если бы я тебя не встретил, так и не зашел бы...

— Так откуда я знал?!

— Ах, да, совсем забыл, меня же не сюда распределяли. Ты на каких там должностях? Рядовой? Не густо, не густо, брат. А я вот заместителем главного инженера тружусь. Также скажешь, когда успел! Я вот тебя имею право спросить: когда ты не успел, ведь пятый годок идет, как мы институтские пенаты покинули?

Володька улыбался широкой добродушной улыбкой. Выспрашивая Сергея о жизни, он все больше доблел, потом, совсем растрогавшись, обнял и повел к себе в кабинет, хотя в институте они были не самыми закадычными друзьями. Впрочем, жили в одной комнате и знали друг о друге многое.

— Вот тут мы и заседаем. Входи!

Володька распахнул дверь и встал сбоку, давая дорогу Сергею.

— Как кабинет?

— Неплохой, хотя у вашего директора немного получше будет.

— Ты и у директора побывал? Напористо действуешь, молодец. А насчет кабинета, как говорится в детских книжках: «Дайте только срок — будет вам и белка, будет и свисток». Ах, да, совсем из головы выскочило: ты где остановился? Там вообще-то неплохо, но сегодня ко мне. Сейчас звоню домой. Никаких дел, и слышать не хочу — пять лет не виделись. Ты только подумай — пять лет! Пока жена там готовится, мы все осмотрим: и прессы, и станки, чертежи увидишь, все будет — не спешить.

Жил Володька просторно, как и полагается в его должности. Трехкомнатная квартира в новом доме еще пахла краской. Обставлена она была просто и со вкусом.

— Нравится?

— Еще бы!

— Жена постаралась, она у меня мастерица в тонких вещах. Модельер! Это в нашем захолустье звучит. Лена, Леночка! Ты куда запропастилась? Кто же гостя встречать будет?

Из кухни вышла Лена, на ходу снимая передник.

— Вы же без звонка, а у меня там все жарится, шипит, ничего не слышно.

После ужина Володька оглядел чуть посоловешными глазами Сергея и сказал в радужном удивлении:

— А все-таки странно, Серега, что тебе так не повезло: работа не ахти, квартиры нет. Ты ведь, помнится, неглупым был парнем, вьедливым, я, признаться, думал — ты всех нас обскочишь.

— Почему это не повезло? — не дослушал Сергей, уловив обидные для себя

нотки в его голосе. — Это не мне не повезло, это тебе удача улыбнулась. А у меня все нормально, все путем, как говорится.

— Было в тебе что-то такое, занозистое, я бы сказал. Помнишь, как ты Лешку Гаврилова срезал, когда он рекомендацию в партию на курсовом собрании просил?

— Если таких Лешек туда пускать...

— А ведь и другие, Сереженька, его не хуже тебя различали, но вперед не высывались. Ты не задумывался, почему тебе его баты после этого случая трояк по материаловедению влил? — Володька снял полуботинки, сунул ноги в домашние тапочки, и на лице его изобразилось блаженство. — Дело прошлое, вспоминать не стоит. Вот ты говоришь: удача улыбнулась, повезло. Везет, по-моему, тем, кто живет, действует, а не спит в благодушном ожидании своего часа. Жизнь не поезд — и на твоей станции тебя никто не разбудит.

— Верно, Володя, я же так, без зависти. Каждый прыгает в меру своих сил. Разговор смолк. Пришла Лена из другой комнаты показать новую шубу. Володька начал расхваливать покупку, Сергей вторил ему, хотя глядел на шубу без особого интереса.

— Вот так и живем: шубы, моды. — Володька стрел жену в охапку и посадил на колени. — Я вот хвалю, а сам думаю: зачем это все, зачем? Не мудреет человек, нет, из века в век повторяется одна и та же история — хватать больше.

— Володя, ты мне фанеру заготовить не сможешь?

— Фанеру? Ах, да, фанеру... Дело сложное, сам понимаешь, я этими вопросами не занимаюсь...

Лицо у Володьки вытянулось, брови сжались у переносицы, теплота в глазах подернулась пленкой холодного размышления!

— Сергей, я знаю жизнь комбината изнутри и могу тебе подсказать один беспроигрышный ход, только между нами, понял? Директор, зам, Поликарп, — пустой номер, им не до тебя. Ваша фабрика — комар для нашего слона. Мы вас можем не замечать сколько угодно. В общем, завтра отправляйся к заведующему складом готовой продукции, поговори, он человек очень понимающий, длинных околесиц не любит, посидите в ресторане — и все. Что для слона комариный укус! Вам две-три машины и надо. Он оформит в счет отгрузки какому-нибудь крупному нашему пожирателю, который вагонами фанеру глотает. Для него твои машины не имеют никакого значения: в обед не съест — на ужин больше достанется, а тебе польза.

— Неудобно как-то... Да и потом, я законное прошу, не для себя...

— Ох, уж эти мне моралисты! Неудобно! А чего тут неудобного, вся эта мелочь, вроде вашей фабрики, зачастую так делает.

— Все? И неужели не замечают?

— Замечают, да у каждого за свое дело голова болит, смотрят сквозь пальцы, до поры до времени, конечно.

— Но ведь это не решение вопроса для всех, наоборот, даже для вас самих неразбериху создает.

— Что поделаешь, всех за один присест не накормишь, кому-то и во вторую очередь приходится за стол садиться. Впрочем, смотри сам. Мое дело подсказать — твое дело отказаться.

Володька умолк, насутился, но тотчас снова превратился в радушного хозяина. Начал выспрашивать о делах общих знакомых, но разговор треснул и снова не склеился. Оставалось одно: посмотреть телевизор и спать.

Как ни пытался Сергей вырваться поспать в гостиницу, Володька и Лена были неумолимы и уложили гостя в большой комнате, рядом с телевизором.

Ночь выдалась тихая и теплая. Сергей открыл дверь на балкон и вышел, ощущая на щеках легкую прохладу ветра. Перед домом уличный фонарь вырезал ломтик света в парном мякише темноты. Две бабочки кружились около фонаря, и шуршали неподалеку кусты совсем неразличимыми листьями. Звезды, точно веснушки, смотрели с лица неба, разомлевшего от покоя. Пахло лесом и едва уловимой свежестью осени.

Сергей сел на раскладной стул и, откинув голову, расслабился, целиком отдаваясь чарующей красоте и силе ночи.

Терпкий ветер доносил издали шуршание колесных шин об асфальт и тенорок напрягающегося на взгорках мотора.

Сергей смотрел на двух бабочек в пучке света и думал о Наташе. Это были мысли остывшего от ссоры человека, потому что самое обманчивое и легкое — считать себя правым. Каждому свойственно щадить свои недостатки, объясняя ссоры вздорным характером другого, но нельзя долго оставаться в заблуждении, если тот, другой — Наташа, милая его Наташка.

Разговор с Володькой разбередил душу. Сергей встал и вернулся в комнату. Блеск Володькиного благополучия, отвечающий в каждом углу просторной квартиры, заставил Сергея взглянуть на себя другими глазами.

«Действительно, Наташа права. Что я ей дал? Она тысячу раз права — у меня в голове только чертежи и мечта о диссертации, а живем у мамы, отгородившись ширмой. Ну, насчет мамы она погорячилась, мама к ней относится хорошо, нет, тут я не согласен, а в остальном?»

Сергей прошел по комнате, сел на кровать, приготовленную ему, и сжал голову руками.

Теперь он упрекал себя за все и даже за то, что не просил месяц назад квартиру Лобановых, о которой напомнила ему Наташа. Да, он мог получить ее, если б не Герка, сослуживец по конструкторскому, совершенно не приспособленный к жизни человек, с двумя ребятишками и женой-ревматиком... Сергей нарочно не пошел с заявлением в фабком и до сегодняшнего вечера считал себя правым, но сейчас уверенность таяла в нем...

Он снова встал, пытаясь заглушить горечь сомнения ходьбой вдоль четырех стен, увешанных коврами и репродукциями картин маститых художников, но это совсем не помогало.

«Володька прав — я дремлю, я не умею просить, я делаю вид, что у меня все в порядке, а зачем? И если я сам не шевелюсь, то какое дело до меня другим?»

Утро выдалось солнечным. Лето веселилось последним теплом, готовясь уступить свое место осени.

Но Сергей не почувствовал трепетного тепла августовского солнца. Только открыл глаза и вспомнил: дело стоит на месте. Володьки уже не было. За утренним чаем Лена не без гордости сказала:

— Володя ждет повышения: главный инженер вот-вот должен уйти на пенсию.

Сергей кивал ей, думая о своем. Вскоре он начал прощаться. После солнечного света в коридоре нельзя было ничего разглядеть, и Сергей едва не упал, споткнувшись о что-то, прикрытое плюшевой накидкой. Из-под плюша посыпались книги. Сергей, пристыженный своей неловкостью, принялся торопливо собирать их.

— Ах, оставьте, оставьте, я сама все сделаю, — отговаривала гостя Лена. — Они давно тут мешают. Но ничего, скоро расставим. Вот только боюсь: будут выцветать.

— А вы шторы повесьте,— посоветовал Сергей, сдерживая улыбку.
«Может, Володька тысячу раз прав, но по его совету я действовать не буду»,— размышлял Сергей, добираясь до гостиницы по просторному пустынно-му тротуару.

— Вам телеграмма,— сказала дежурная по этажу, когда он поднимался в свой номер. Сергей, не разворачивая, сунул телеграмму в карман, решив, что она с фабрики. В комнате плюхнулся в кресло и присидел несколько минут в оцепенении, раздумывая, с чего начать день. Начинать следовало с телеграммы. Вытащил помятый листок, развернул и наткнулся на неожиданные слова: «Прости. Вина моя. Целую. Наташа». Сергей вздрогнул, пробежал еще раз глазами по строчке. «Откуда она узнала, что я в этой гостинице? А в какой я должен быть? Здесь одна гостиница...» Спохватился: и о чем он думает?!

Сергей подпрыгнул на месте, с гиканьем запустил подушку в стену и упал на кровать, сжимая в кулаке дорожную бумажку. Ему показалось, что разожми он кулак, и милые сердцу слова улетят обратно, лишая его внезапной радости.

На комбинат он решил идти не откладывая. Наскоро помывшись, растер голову полотенцем, чтобы волосы быстрее высохли, надел новую рубашку, повязал галстук, который носил только в редких случаях, и выскочил на улицу, чувствуя свежесть во всем теле.

В управлении в конце длинного коридора стоял Володька и что-то оживленно рассказывал человеку в клетчатой рубашке, из-под которой округло выступал глобус живота. «Да это же заместитель директора, тот самый!..» Мимолетом взглянув на Сергея, Володька отвернулся и сделал вид, что разглядывает что-то во дворе, но спина его — напряженная, чуткая — выдавала: заметил.

Сергей пошел в отдел сбыта. Старый знакомый Поликарп Григорьевич только развел руками, улыбнулся сочувственно. Сергей вдруг впервые увидел его немолодое, покрытое мелкими морщинами лицо и глаза — близорукие и уставшие.

Он возвратился в коридор. Подошел к окну, у которого только что стоял Володька, не утерпел, выглянул во двор — пусто. Только штабель березовых, почерневших досок возвышался, словно памятник на голой равнине.

«Да, не помощник мне Володька... Ну и ладно, сам пробуюсь».

Секретарша директора удивилась, узнав его.

— Вы же вчера у нас были!

— Да вот, понимаете, обстоятельства изменились,— попытался оправдаться Сергей.— Телеграмму я получил...

— Телеграмму? Откуда — с фабрики, из министерства?— Секретарша настрожилась, в глазах ее пробудилось любопытство и готовность изменить отношение к назойливому просителю.

— Из министерства,— бухнул Сергей, не раздумывая, и осекся, но было уже поздно.

— Давайте, я доложу.

— Я сам,— мрачно отозвался Сергей, готовясь убежать из приемной, как только секретарша скроется за дверью директорского кабинета. Но тут дверь отворилась, и очередной посетитель вышел. Секретарша кивнула Сергею:

— Проходите, пожалуйста.

Директор удивился появлению Сергея.

— Позвольте, позвольте, так вы вчера у меня были, и, помнится, я вам обещал помочь, что же еще вы хотите? Скатерти-самобранки у меня нет, золотой рыбки тоже...

— Понимаете, я не могу ждать две недели. Там же производство...

— Вы пришли, чтобы сказать мне это?

— Не только. Вы пони...

— Хватит. У меня комбинат на шее — ясно? С вопросом поставки фанеры обратитесь в отдел сбыта или в крайнем, повторяю, в крайнем случае к моему заместителю по этим вопросам. Всего доброго.

Из обширного кабинета в тесный коридор управления Сергей вылетел, будто птица на волю.

Оставалось одно: воспользоваться Володькиной подсказкой и сходить к заведующему складом. Сергей поморщился, скрестил руки на груди и привалился плечом к стене. И вдруг, подчинившись какому-то безотчетному желанию, Сергей вытащил телеграмму и прочитал еще раз ее. В этих четырех словах была его прежняя и неожиданно новая Наташка. Он и не предполагал, что она сможет так открыто и незащищенно просить у него прощения...

«Заваливаю командировку, а квартиры-то еще не расписаны»,— эта мысль неожиданно настигла Сергея, и он заторопился на склад. По дороге его не покидало чувство какой-то боязни. Неужели страшат «деловые» переговоры, вести которые Сергей был отнюдь не мастак. Нет, не это... Не заговорить Володькиными словами — вот чего он боится. И, поняв это, Сергей успокоился. И, усмехнувшись, подумал: «Поглядим, ребятки, кто кого»,— не про себя подумал, вслух сказал, как будто Володька, и незнакомый завскладом могли его услышать.

Заведующий складом, коренастый рябой мужичок в капроновой шляпе и помятых штанах, ничему не удивился и слушал Сергея с любопытством, оценивая коротким взглядом блуждающих глаз.

Сергей присыл и смотрел в одну точку на капроновой шляпе. С каждым словом твердость его решения ослабевала. Мужичок был понятен Сергею и не смущал его блеском зеленоватых глаз.

Причиной своей скованности был он сам.

— Да это можно,— наконец подал голос заведующий складом, и глаза его хитро блеснули.— Хорошему человеку чего не помочь. После обеда к станции машины подгоняй, там мы мебельному объединению отружаем, между делом пару машин и тебе отпустим. Хорошему человеку...

Мужичок говорил приятно и вкрадчиво, как обычно говорят взрослые гости с детьми хозяев, только глаза его поясняли: их разговор не из тех, какие следует слушать каждому. Сергей согласно кивал, а во рту у него пересыхало, в ушах поднимался звон, и отвращение к самому себе подкатывало к горлу. Он вдруг зримо представил, как сидит с этим мужичком в ресторане и поддакивает его болтовне, поддакивает... А Володька смотрит со своего растущего кресла и похваливает: «Молодец, учишь жить, старик...»

— Эй, мил человек, ты куда? Чего тебе, плохо? Лица на тебе нет... — прокричал вслед мужичок в синтетической шляпе.

Сергей прибавил шагу. Он почти бежал, подчиняясь непреодолимому желанию — подальше от этого голоса, подальше. И только у дверей управления, переводя дыхание, остановился и, еще не зная, что делать дальше, ощутил робкое, трепетное облегчение.

«Наташа меня поймет. Точно ведь — поймет»,— отбивало сердце новую, никогда прежде не испытанную им уверенность.

Многие нынче пишут стихи. Очень часто творения эти безупречны и стройны, очень часто несут в себе серьезные мысли, ценные сведения, говорящие об интеллекте пишущего. Такие стихи печатаются и читаются. Но в большинстве случаев они лишь следствие образованности автора, следствие возросшего общего уровня развития наших людей. И как редко в потоке таких произведений зазвучит вдруг голос самобытный и яркий, идущий из глубины души и потому берущий за душу.

Я счастлива была узнать поэзию Натальи Сидоровой. Стихи ее покорили меня самооткровенностью и открытостью, той просторной напевностью, какая рождается только в душах чистых и светлых. Они покорили страстной жаждой жизни, святым и трепетным отношением к ее тайнам, мудрым соглашением со всеми ее законами.

Выросшая в одной из глухих деревень Вологодской области, Наташа с детства впитала в себя прелести северной природы, и лучшие образы ее поэзии навеяны картинами окружающей ее красоты. Слова ее просты и подсказаны сердцем. «Небо тумурый дождь зашопал, лес, наверно, пуст и чист. У дороги старый тополь уронил последний лист...» «Был август. Бархатные ночи. И я видела наяву, как звезд серебряные очи неслышно падали в траву...» Болезнь, настигнувшая ее в детстве, лишила Наташу возможности бывать всюду. Остались только встречи с друзьями, мир ее ограничился домом. Но какой богатой, оказывается, предстает жизнь из окна, если у человека богата душа!

Да, у Наташи есть свое дело в жизни. Она пишет стихи. Их печатает грозовецкая районная газета, областная молодежная газета «Вологодский комсомолец», теперь — журнал. Конечно, не все написанное совершенно, есть немало стихов подражательных, предстает большая работа над словом. Но главное у Н. Сидоровой есть — ощущение высокой поэзии, собственный поэтический мир, собственное отношение к пребыванию нашему на земле.

Олег ШЕСТИНСКИЙ

НОВОЕ ИМЯ



Наталья СИДОРОВА



Скачут кони, мчатся кони!
Не звенит на них узда.
Кони, кони, кто вас гонит,
И спешите вы куда?

Кони, кони, погодите.
Смотрят огненно глаза!..
Вы меня с собой возьмите
За поля и за леса.

Мчатся кони, и не знаешь,
Как горячий бег уймешь.
Разве счастье обуздаешь?
Остановишь? Повернешь?

ЗИМНЯЯ НОЧЬ

Белое ровное спящее поле.
Как безмятежно сияет луна!
Ветер умолк, он притих на просторе—
Музыкой льется с небес тишина.

Словно земле непокой и неведом.
В пологе дымном из лунных полос
Дремлют стога, как большие медведи,
Снится, наверно, им дальний покос.

Слышится, будто одна за другою
Звезды вступают в торжественный хор.
Им отзываясь струною дорогою,
Рвется душа в этот дивный простор.



Любо мне смотреть, как сильный ветер
Разгоняет туч седое стадо,
И спокойно думать, что на свете,
Кроме жизни, ничего не надо.



Бродит осень в травке придорожной.
Птицы в перелет сбарались трудный.
Снова ветер тронул осторожно
Паутин серебряные струны.

Где цвели веселые ромашки,
Вдоль дорог теперь кусты чернеют.
Листья, как конфетные бумажки,
В мутных лужах брошенно пестреют.



Пустые окна наглухо закрыли.
И на дверях безжалостный замок.
Уехали, оставили, забыли.
А он такой смысленный был, ценюк.

Не вдруг поймет, что день бедою начат,
К чужим шагам прислушиваясь, ждет
И думает с наивностью собачьей,
Что вот хозяин вспомнит и придет.

Не может в одиночество поверить.
Готовый ждать счастливого конца,
Он не уходит от молчащей двери,
От снегом занесенного крыльца.



Ах, если б забыть хоть на миг
Холодные стены палаты,
В бредовой ночи чай-то крик
И белые эти халаты.

Забыть тусклых дней полукруг
И пухлых подушек томленья,
Увидеть ромашковый луг
И яблонь крутое кипенья!

И там, где дожди косяком
Шагают то влево, то вправо,
Пройти бы разок босиком
По мокрым некошеным травам!



У крыльца с тобой прощалась,
Вдруг в окошке свет погас.
Сердцем смутно догадалась:
Видимся в последний раз.

Как недавно было зелено
И светло у нас в саду!..
Мне любить тебя не велено—
Поплюбу свою беду.

Ты ж забудь мою тяжелую
Муку черную в глазах.
Вспоминай меня веселую,
С красной розой в волосах.

За достижение высоких результатов во Всесоюзном социалистическом соревновании и успешное выполнение плана экономического и социального развития на 1979 год награжден переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ с занесением на Всесоюзную доску почета на ВДНХ СССР коллектив дважды ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции производственного объединения турбостроения Ленинградский Металлический завод.



У ИСТОКА ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ РЕКИ

Леонид ПЛЕШАКОВ.
Фото Сергея ПЕТРУХИНА.
Специальные
корреспонденты
«Смены»

В город Винь я попал в июне 1975 года, всего через месяц после окончания войны во Вьетнаме. О существовании большинства городских кварталов можно было догадаться только по прямоугольным площадкам щебня, которые поднимались слева и справа от проезжей части улиц, к тому времени уже расчищенных от битого кирпича, снесенных столбов и вывороченных деревьев. Немногие каким-то чудом уцелевшие дома, с иссеченными осколками фасадами, в окружении палым и цветущим деревьям, тоже с израненными стволами, казались ирреальными оазисами на фоне каменного крошева, в которое превратили Винь американские бомбардировщики. Нас повезли на бывшую окраину бывшего города, к высокому кирпичному зданию, которое, не загороженное другими строениями, было видно теперь отовсюду. Городская теплоэлектростанция была главной целью американских ракет и бомб. В ее стенах зияли пробоины, а покореженные конструкции являли хаос противоборства металла с металлом. В машинном зале шел ремонт поврежденного агрегата. Он пострадал в первые бомбежки. Остальные успели демонтировать, укрыть в горных пещерах, где они давали энергию подземным заводам, фабрикам, госпиталям, школам. Этот, израненный, оставался на месте. И теперь его возвращали к жизни, чтобы он дал ток возрождающемуся из руин городу. Я прочел на агрегате фирменную марку «ЛМЗ» — Ленинградский Металлический завод.

А вскоре на Дунае, у Железных Ворот, мне довелось побывать на румыно-югославской гидроэлектростанции, где установлены девять уникальных поворотно-лопастных турбин с диаметром рабочего колеса в 9,5 метра. И опять на них была та же марка: «ЛМЗ». Память, как нитка, нанизывает бусинки фактов. Сначала им не придаешь значения, но когда они выстраиваются в логический ряд, начинаешь осмысливать все явле-



СБОРОЧНЫЙ СТЕНД ПАРОВЫХ ТУРБИН.

В СКБ ЗАВОДА РОЖДАЮТСЯ ПРОЕКТЫ НОВЫХ ГИДРОТУРБИН.

ние целиком. Я видел, как энергия, выработанная ленинградскими турбинами, работала на Оби, Енисее, Ангаре, Ниле, в Средней Азии, на Дальнем Востоке. И захотелось поближе познакомиться с их создателем — Ленинградским Металлическим заводом.

Заводы что люди: рождаются, растут, трудятся, стареют... Только смена поколений происходит у них иначе, чем у людей. Предприятие работает, выпускает продукцию, торопится, старается идти в ногу со временем, что-то меняет, что-то модернизирует, расширяет производство, обновляет номенклатуру. Приходит момент, когда этот не особенно заметный процесс приводит к качественному скачку, равносильному рождению новой жизни. Правда, здесь нет резкой разницы: вчера завод был одним, сегодня вдруг стал совершенно иным. Но если сегодняшний сравнить с тем, что стоял на этом месте лет двадцать — тридцать назад, тогда такой вывод правомерен. Завод стал другим, хотя и в новом кое-где проглядывают черты ветерана. И имя свое новый унаследовал от предшественника. Это как у людей фотографии разных поколений одной семьи: дед, отец, сын. Одна фамилия, похожие лица с «фамильны-

ГИГАНТЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ



восемь своих десятилетий век этот сделал немало великих открытий и был не единожды переименован (в век атома, в век космоса), все-таки и поныне он остается веком электричества. И производство электроэнергии по-прежнему превосходит по своим темпам все другие отрасли. В прошлом году в нашей стране было произведено ее в 26 раз больше, чем в предвоенном 1940-м. Даже тот факт, что во всех статистических отчетах производство электричества стоит всегда на первом месте, лишний раз подчеркивает определяющую роль энергии для успешной работы других отраслей хозяйства.

Энерговооруженность повышает производительность труда рабочих, инженерно-технических работников, служащих. В нынешней пятилетке производство электроэнергии в Советском Союзе увеличится на 341,4 миллиарда киловатт-часов в год и достигнет 1340—1380 миллиардов киловатт-часов.

А что такое киловатт-час?

Его достаточно, чтобы выплавить 1,48 килограмма стали, добыть 30 килограммов угля, испечь 36 килограммов хлеба, вывести в инкубаторе 30 цыплят. В среднем один городской житель расходует в год 302 киловатт-часа электроэнергии. Столько съедают наши электролампочки, холодильники, телевизоры, стиральные машины, электробритвы, кофемолки, миксеры — все, чем мы оснастили свой быт.

Таким образом, за сутки ленинградская паровая турбина мощностью 1 200 000 киловатт может выработать электроэнергию, достаточную для того, чтобы выплавить около 43 тысяч тонн стали или добыть 864 тысячи тонн угля. Этой энергии будет достаточно, чтобы вспыхнул свет и заработали бытовые приборы в квартирах примерно тридцати пяти миллионов горожан.

Есть и другая сторона дела. Крупные электростанции наиболее экономичны. Братская ГЭС, вырабатывающая ежегодно до 28 миллиардов киловатт-часов (больше, чем любая другая гидростанция в мире), уже пятикратно вернула

ДЕФЕКТОСКОПИСТ НАТАЛЬЯ КАЛЮПАНОВА ПРОВЕРЯЕТ КАЧЕСТВО ИЗГОТОВЛЕННЫХ ДЕТАЛЕЙ.

ОБРАБОТКА ДАЖЕ САМЫХ БОЛЬШИХ ДЕТАЛЕЙ ТУРБИН ТРЕБУЕТ ПРЕДЕЛЬНОЙ ТОЧНОСТИ.

ми» веснушками, а люди все-таки разные.

Исторические события не обходят стороны. Историю творят люди, они же строят заводы.

Прошлым летом коллектив Ленинградского Металлического завода провозжал на Саяно-Шушенскую ГЭС очередное рабочее колесо. Митинг состоялся прямо у этой отправлявшейся в дальний путь машины. Рядом с нею, на более скромной платформе, пристроилось еще одно колесо гидротурбины, которому после окончания торжественной части надлежало вернуться в свой цех № 19 на место «вечной стоянки» у стенда с цветными диапозитивами Саяно-Шушенской ГЭС, чтобы всем своим видом исторической реликвии продемонстрировать, с чего мы начинали электрификацию страны и чего достигли. А было время, это колесо славно поработало на Акуловской бумажной фабрике. Но и у машин наступает срок, когда нужно уходить на покой. Вот и оно перешло однажды в разряд экспонатов.

Первые гидравлические турбины Металлический завод начал выпускать в 1924 году. Их мощность — акуловская из той серии — равнялась 370 киловаттам. Турбина Саяно-Шушенской ГЭС, рабочее колесо которой провозжала на Енисей «бабушка» отечественной гидроэнергетики, способна в максимальном режиме достигнуть мощности 750 тысяч киловатт — в две тысячи раз больше!

Какие тут могут быть комментарии?

Ленинский план ГОЭЛРО, шестидесятилетие которого страна отметит в этом году, предусматривал строительство в течение десяти — пятнадцати лет тридцати районных тепловых и гидроэлектростанций общей мощностью в 1 миллион 750 тысяч киловатт. Сейчас Металлический завод спроектировал и изготовил для Костромской ГРЭС паровую турбину мощностью в 1 200 000 киловатт. Этот агрегат не только качественная ступень в отечественной энергетике, но и основа для серии паровых турбин до двух миллионов киловатт.

Это трудно представить: на одном валу будет сосредоточена энергия, превышающая весь план ГОЭЛРО! Поищем какие-то более простые ассоциации, более конкретные сравнения и показатели. Пора задумаемся немного с карандашом в руках, попытаемся отвлеченные цифры наполнить зримым содержанием, поддающимся анализу на основе личного опыта каждого из нас.

Пойдем от общего к частному.

В свое время великий русский физик Александр Григорьевич Столетов писал: «В электричестве человек нашел путь к решению самых разнообразных, самых фантастических задач своего ума». За минувшие с той поры годы применение электричества так расширилось, приобрело столь изощренные формы, что даже слово «фантастика» не может передать всех его нюансов. При рождении двадцатое столетие нарекли веком электричества. И хотя за



Рустем КУТУЙ

Возвращение

На земле хорошо!
Не придумать ни слаще, ни горше.
Прост и ясен, полынный качается куст.
Солнце под ноги стелет сухие рогожки.
Окликается ветер—сорокоуст!
Словно темный ручей,
табунок по долине петляет,
и задумчивой трубкой курится аул.

Это сердце мое,
а не угли в камнях, пылают.
Чуткий слух различает приятственный гул.
Здравствуй, край мой!
Твой полог душицею пахнет.
У порога ягненок копытцем стучит.
За околицей ворот простора распахнут,
где вот-вот
чудный конь вдруг заржет и промчит.

По изломам камней я прочел непосильную муку,
ледниковые слезы гора подносила в горсти.
И не раз человек в мою душу врывается без стука,
выходил из нее
с горьким вздохом: —Прости...
Над могилой отца
опрокинулись польские нвы,
но во мне его кровь густо, щедро
по жилам струит.
Я татарские песни пою
лучшей девушке тихой России,
когда месяц крылом одичало парит.
Я хочу, чтоб мой сын
шел своей, не отцовской, походкой,
чтобы день начинала
не месть,
не вражда,
не хула.
Перелетом звезды
над лугами притихшими кротко
ночь стога, золотясь, обожгла.
Сорок лет отаукалось,—
много иль мало?
Пепелища мои не простыли еще золой.
Жизнь как будто во сне,
прошумев,
на заре поднимала
стаи дней над осенней землей.



Эти милые превращения—
веточки в деревцо,
линии в лик—
боятся упрощения,
потому что мир велик.
Выдирается из сложностей,
как птенец из яйца,
розоватой кожей
и подобьем лица.
Так
в хитросплетениях сада
вдруг тесовый забор
просияет под листопадом,
где ютятся нежнейший сор.

Лопуха мясистое ухо
одиночество сторожит.
И темная старуха
что-то там ворожит.
А она просто слушает
и чует простоту—
ту,
которая ломится в душу
и прослышана за версту.
Тихо юная старость дремлет
в тенетах тишины...
Опускается лист на землю,
и все веточки насторожены.

НОВОЕ ИМЯ



ДМИТРИЙ ФИЛИМОНОВ



Раздвину шторы мрачных туч
Ликующим лучом.
Я человек! Я всемогущ!
Мне тучи—нипочем.

Во мне—цветение полей.
Во мне—оркестры птиц.
Весна! Любви не пожалей
Для милых сердцу лиц.

Раздай букеты добрых чувств—
Пускай цветут холмы!
Пусть ящик горя будет пуст—
Чтоб радовались мы!

Нам надо мало: выйти в путь
Весенним, ясным днем.
И чтобы счастье грело грудь
Негаснущим огнем.



Запах теплой земли пробирается в душу,
И шумит детвора на поляне весны.
Расцветают бутоны веселых веснушек.
Голубые глаза безрассудством полны.

Я иду по земле, прогибаются травы.
Наплывают огромные волны любви.
Будьте счастливы все, кто свободны и правы!
И живому всему говорю я: «Живи!»

Так нелепа печаль в этих солнечных чарах.
Пусть весна раз в году, но окупит сполна
Скуку серых дождей и тягучих туманов.
Я иду по земле, восклицая: «Весна!»

Когда-то мой отец Гамзат Цадаса получил письмо со стихами одного молодого человека. Отец откликнулся на послание стихотворением, которое называлось «Ответ молодому поэту». Он, в частности, писал, что когда познакомился со стихами юноши, то «запах одаренности отрадной мой старый нюх почуял в тот же миг».

Подобное ощущение испытываю ныне я, ознакомившись со стихами ленинградского студента Дмитрия Филимонова. По складу души, по манере письма он лирик. В застенчивой исповедальности чувств, в пейзажных зарисовках родной природы молодой поэт стремится выразить душевное состояние своего героя-ровесника.

У Дмитрия Филимонова все еще впереди: и зрелость мастерства и широта охвата повествования и изображения, но у него уже сегодня имеется поэтическое умение и самостоятельность позиции.

Если бы меня в настоящее время спросили, кем бы я хотел быть, я бы ответил:

— Студентом, начинающим писать стихи.
С благодарностью вспоминаю, что впервые в Москве мои стихи на русском языке опубликованы в журнале «Смена». Надеюсь, что когда-нибудь о своей первой публикации с благодарностью будет вспоминать и Дмитрий Филимонов.

РАСУЛ ГАМЗАТОВ



Я ошибся, снег не стоял.
Он лежит пластом тяжелым
Между желтыми листьями,
Синевою окруженный.

Знаю: солнечной весной
Стает медленно, по капле
И кору ствола умеет—
Светел, рад... А впрочем, рад ли?

Снежинка

Растаяла снежинка на ладони—
холодная и хрупкая звезда.
Погасли окна в привокзальном доме
и спать ушли электропоезда.

А капелька растаявшей снежинки,
летевшей с непонятной высоты,
не долетев к заснеженной тропинке,
лишилась и надежды и мечты:

попасть на землю,
слиться с белой массой,
среди таких же, как она сама,
пушисто-невесомых и прекрасных—
светлеть и жить, пока живет зима.

А мимо пролетали, заливаясь
веселым смехом, тысячи других.
И я смотрел, невольно улыбаясь:
все хорошо, наверное, у них!

затраченные на нее средства. Намного дешевле становится электроэнергия тепловых станций, если они оснащены мощными турбинами, работающими при высоком давлении и больших оборотах.

Так что агрегат, сосредоточивающий на одном валу весь план ГОЭЛРО, не плод гигантомании—его рождение диктуется экономической целесообразностью...

...А начиналось все на Ленинградском Металлическом с медной сковородки. Ее, прародительницу современных агрегатов, можно увидеть в заводском музее. Сто двадцать лет экспонату, а хоть сейчас ставь на плиту: сделана на совесть.

В середине прошлого века заневская

часть Санкт-Петербурга, что лежала против Смольного, представляла собой дачный пригород столицы. Располагалась тут крепостная деревенька Полуострово графа Кушелева-Безбородко, а вдоль берега реки тянулись особняки и усадьбы столичной знати и богатеев. Славился район целебными железистыми водами известных полюстровских источников, около которых обустроился модный курорт. Этим, видимо, больше всего и объяснялось, что место оставалось зеленым оазисом, к которому со всех сторон уже подступали заводики и фабрики развивающегося промышленного пригорода Петербурга.

В 1852 году в списке полюстровских землевладельцев прибавилась еще одна фамилия: 1-й гильдии купец, потом-

ственный почетный гражданин Сергей Нефедьевич Растеряев приобрел на публичных торгах продававшийся с молотка небольшой кожевенный завод разорившегося купца Авдеева—одноэтажный каменный корпус да несколько деревянных сараев. Фамилия Сергея Нефедьевича абсолютно не соответствовала его сути. Человек он был совсем не промах: владел в городе каменными домами, землями, химическим и кирпичными заводами, держал торговые лавки в Гостином дворе и Апраксинском рынке.

Постепенно полюстровская усадьба Растеряева расширялась и обустроивалась. В мае 1857 года тут устроили первую слесарную мастерскую с волочильным станом, пустили небольшую

паровую машину. Растеряевские лавки стали торговать проволокой собственного изготовления.

«Живая копейка» вызвала у купца новый прилив энергии. Он подает прошение, чтобы разрешили ему построить на Неве пристань напротив собственной усадьбы, так как задумал он устроить здесь завод.

Через несколько месяцев растеряевский завод преобразовался в акционерную «Компанию Санкт-Петербургского Металлического завода». Начиная завод скромно: оси и рессоры для экипажей, гвозди, винты, проволока, посуда. Та медная сковородка пришла к нам из этой его поры. Но пройдет несколько лет, и Металлический завод примется за дела куда более громкие. Он освоит

Огненный лось (лето 1972 г.)

Свой берег

Лиловый рассвет...
Темно-серая Волга...
Пастельная мягкость заречных лугов.
Тепло изыяное и с книгами полка,
Сварливый от ржавчины старый засов.
И ветер, сметающий яблоки наземь,
И влажной крапивы овражный настой,
И кто-то на лодке плечистый, как Разин,
И гребень волны, молодой и густой.
Казалось, я с тем не прощался вовеки—
С приволжскими селами, что близнецы,
Где солнце, открывшее сонные веки,
И горы, что гордо зовутся: венцы.
Казалось, все светом
И светом покрыто,
И память наполнена вся до краев.
И так, словно в сказке, пред далью открытой
Я это все заново видеть готов.
А может быть, это зевотно и скучно?
Махнуть вместо Волги в Сибирь, на Урал?
Но вот над лугами колышется тучка,
Которую я никогда не видал!
Рожденная волжским сентябрьским рассветом,
Рожденная тусклым осенним огнем...
И даже открытые случайное это
Меня оставляет на бреге своем!



У Касимова травы скосили,
Голубая легла целина...
Над Окою, в глубинке России,
Спит равнинная тишина.
Запустением садовым обаятая,
Вся в предчувствии строчки, стиха...
Над домами ночного Горбатова
Месяц всплыл гребешком петуха.
Этот звездный доверчивый кочет
Над вершинной холма присмирел,
И следил за движением ночи,
И будить тишину не хотел.
Всеиюльского неба хранитель,
Я тебе благодарен сполна,
Если в памяти главным событием—
Та равнинная тишина.
Что не выдумать, сидя в квартире,
Что нельзя запродать и купить:
Нам ее в этом яростном мире
Как последнюю влагу хранить.
На сухом обожженном пригорке
Жадно выпить студеной глоток.
...Снова голос далекой моторки—
Металлический резкий сверчок,
Как буравчиком, точит полночь:
Не до сна ему все, не до сна,
Встрепенул испуганно кочет,
Тишину зачеркнула волна...
Сам наследной казной небогатый,
От садов и туманов седой,
Все ж спасибо, негордый Горбатов,
Что делился своей красотой!



И. И. Бережному—писателю,
бывшему начальнику разведки
партизанской бригады Ковпака

Кленовых вспышек гневные соцветья,
Зажато солнце в огненной праще.
Денис Давыдов года сорок третьего
Идет бульваром в сереньком плаще.
Вот, как и все,

размеренно, небыстро,
За пачкой сигарет в карман полез
Тот, от кого дрожали бургомистры
И бесновались главари СС.
...Его дела мы знаем поименно,
Читаем книги,
Слушаем слова.
Работаем, как все.
И ночью, денно
Здесь—ворох дел: кружится голова.
И нет для поколенья пересменки:
Нас пламень греет одного огня!
(Ну, как мне дать истории оценку,
Когда она проходит сквозь меня.)
Дистанция нужна.
Десятилетия.
...Зажато солнце в огненной праще.
Денис Давыдов года сорок третьего
Идет меж нами в сереньком плаще.



Первая дорога

Над детством оттремели пушки,
Зарницей отошла беда...
Моя целинная теплушка:
Пятидесятые года!
Наш шелон, веселый, шалый,
К любым свершениям готов,
Звенел гармонию на вокзалах
Всех казахстанских городов.
Бродил в душе, как наважденье,
Немеренный избыток сил.
Над степью, полной изумленья,
Над скифской тишиной могил
Летели звезды, как шрапнели,
Под стать напористым речам!
Мы хлеб грузили,
Песни пели
И целовались по ночам.
Ведь после школьных коридоров,
Дворов родного городка
Отчизна, распахнув просторы,
Пришла безбрежна, широка!
И встреч размах и многолюдность,
Авралов жарких суэта...
Навечно озарили юность
Пятидесятые года.
И смотрят бригадиром строгим,
В историю шагнув давно,
Чтоб теплыми рождались строки,
Как то целинное зерно!



Среди болезней, жизненных невзгод
Вздохнет ровесник с чувством неподложным:
«Двухтысячный великий встретить год,
А там и умирать, пожалуй, можно!»
Как ведать это?
Глядя в небеса,
Вдруг не успею песню всю допеть я?..
Но сын трехлетний—он мои глаза,
Им в третьем заглянуть тысячелетье.



Мы в суете становимся черствее,
Все больше равнодушия в глазах,
Как серебро старинное, тускнеет
Прекрасный жанр «Послание в стихах».

Сердечной откровенности порывы,
Что колыхали пламя у свечей,
Нам почему-то кажутся фальшивым
Подобострастьем ветреных речей.

А разве есть в том капля униженья,
Похож тот миг на льстивую игру:
Учителю сказать об уваженье
Иль в дружбе признаваться на миру?

Нам чаще, чаще надо, человеке,
Быть откровенным, признаваться смель,
Чтоб серебро высокой чистой речи
Не разменять на стершуюся медь!



Строчка ящеркой ускользнула,
На беду мою, на беду.
Словом встречного захлестнуло
Мысль, с которой, как брат, иду.

И теперь не припомнить,
Не встретить,
Хоть до третьих сиди петухов...
Как сторожки минуты эти—
Сотворения строк стихов!



Не ведая закон Ньютона,
Но зная свой урочный срок,
Опавших гулких яблок тонны,
Созрев, лежат у самых ног.
И, ненасытный рот разинув,
Чуть пробуждается заря,
Плывут тяжелые корзины
По скользким тропкам сентября.

У песни не сменить зачина,
И в этом веру укрепи:
Все соразмерно,
Все причинно,
А время зря не торопи.

Земля, под мягким солнцем млея,
Не забывает дать урок,
Что даже мысль тогда созреет,
Когда ее наступит срок.

изготовление подъемных кранов, пневматических и воздушно-нагревательных приборов, паровых котлов, поворотных кругов для паровозов. Он построит первые железнодорожные мосты через Оку и Волгу. Ажурное здание оранжереи Ботанического сада—его рук дело. И перекрытие Верхних торговых рядов в Москве—нынешнего ГУМа—тоже его. В 1872 году ему будет заказано устройство парового отопления в Зимнем дворце, и он получит многозначительное звание «поставщика двора его императорского величества».

Его профессиональная разносторонность поражает: берет за любую работу, связанную с металлом. Но из всех «впервые» для его биографии наибольшее значение имели два события. В

1869 году завод принял первый крупный заказ главного артиллерийского управления, что стало началом его перехода на военное производство. В мае 1879 года произошла первая в его истории стачка рабочих бомбочной мастерской.

В военном деле он преуспел. Выпускал снаряды, артиллерийские установки, клепал башни для броненосцев (в том числе первые с электрическим приводом), спускал на воду эсминцы и подводные лодки.

Но был он не только кузницей оружия. В его стенах ковались революционные кадры. Ленинское слово несли металлистам их товарищи по труду—большевики-подпольщики. К первой русской революции пролетарии Металлического имели достаточный опыт стачечной

борьбы. И неудивительно, что уже седьмого января 1905 года здесь началась забастовка солидарности против увольнений на Путиловском заводе. Через два дня, в «Кровавое воскресенье», представители металлистов были в рядах тех, кто шел на Дворцовую площадь. Несколько из них пали под царскими пулями. В октябре 1905 года большевистская газета «Новая жизнь» писала, что на Выборгской стороне Металлический завод задает тон революционной борьбе целому ряду других более мелких окружающих предприятий, как в Невском районе это делают Семянниковский или Обуховский.

И когда пришел октябрь 1917 года, отряд его красногвардейцев участвовал в штурме Зимнего.

В тридцатые годы А. М. Горький предложил издать знаменитую книжную серию «История фабрик и заводов». В список семнадцати предприятий страны, чью биографию должно было писать в первую очередь, включили и Ленинградский Металлический завод. Великий пролетарский писатель видел, что это предприятие, как немногие другие, могло стать иллюстрацией и развития капитализма в России и начала революционного движения.

Если взять всю жизнь Металлического с момента его основания, то Октябрьская революция делит ее на две примерно равные части. Он был национализирован в июне 1918-го. Много больших и малых событий произошло в жизни завода в последующие шестьдесят лет.



завод отец — слесарь-сборщик Бугров Георгий Александрович. Он, в свою очередь, стал металлостроителем по примеру своего отца — токаря Александра Ивановича Бугрова. А основателем рабочей династии был столяр Иван Федорович Бугров, пришедший на завод в ноябре 1884 года — почти сто лет тому назад.

Кроме Бугровых, есть на заводе и другие рабочие династии. Пусть таких вот, в пять-шесть поколений, немного, но в два-три встречаются часто. А это тоже большое дело: семейная приверженность одному предприятию способствует, как замечено, сохранению и умножению добрых трудовых традиций и среди людей, не связанных родственными узами.

Заводы, что люди: у каждого свой характер.

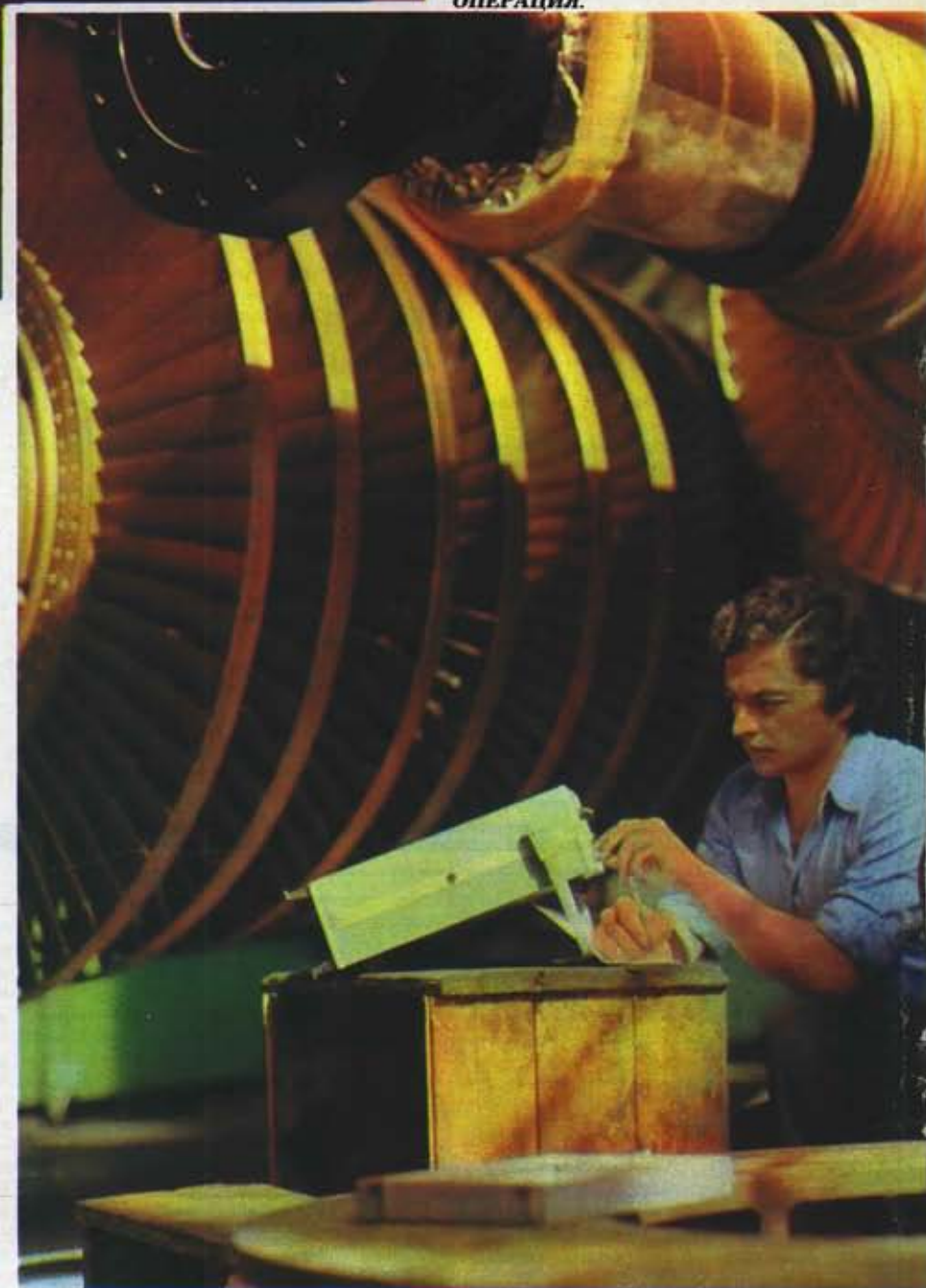
Есть он и у Металлического. Если бы спросили о главной его черте, я бы сказал: ответственность.

Знаете, есть такие люди: когда им говорят «надо!», — они делают нужное дело через «не могу». Вот и Металлический из этой породы. В его истории случались критические ситуации, когда, казалось, выстоять было невозможно. А он ничего, выстаивал.

Самым большим испытанием в его

ТУТ КАЖДАЯ ДЕТАЛЬ УНИКАЛЬНА.

РЕГУЛИРОВКА РОТОРА ТУРБИНЫ — НАИБОЛЕЕ ОТВЕТСТВЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ.



Стоит выстроить их в хронологическом порядке, и почти перед каждым придется писать «впервые»: впервые спроектирован, впервые освоен, впервые пущен... Это понятно: машиностроительный гигант многое мог, поэтому во многих делах ему доверяли быть первопродцом.

Когда идешь по его территории, он не производит впечатления очень крупного предприятия. Зажатый между Невой, другими заводами и жилыми кварталами Выборгской стороны, он не мог расти территориально, хотя производство требовало строительства новых цехов. Выход из положения нашли в другом. Пять лет назад было создано производственное объединение турбостроения Ленинградский Металлический завод, в которое, кроме головного предприятия, вошли еще три завода и специальное проектно-конструкторское и технологическое бюро электрообработки. Разумеется, объединение значительно превосходит прежний завод и по объему производства, и по числу работающих, и по задачам, которые оно может решать. Однако основой его, первоначальным, так сказать, геном остался старый ветеран — Металлический.

Только в цехах начинаешь понимать, на что способен он.

Даже человека, знакомого с крупным производством, поражают размер и количество уникальных станков, которые сверлят, строгают, фрезеруют, обтачивают не менее уникальные детали.

Об одном карусельном станке мне сказали: таких, как этот, во всем мире можно по пальцам перечесть.

Диаметр его планшайбы — 19 метров, что, как любят сравнивать репортеры, превышает арену цирка. Он может обрабатывать детали размахом в двадцать два метра и весом в десятки тонн. В

одну смену его обслуживает бригада из четырех человек. Для удобства работы над планшайбой устроены переходные мостки, как на боевом корабле. Ни одна большая деталь гидротурбины не минует этот станок, так что всюду — на Енисее, Ангаре, Волге, Дунае — вертятся сейчас, вырабатывая энергию, рабочие колеса, которые первое свое вращение получили здесь. На их телах по сию пору видны следы резцов этого станка.

Но техника — это техника. Без людей она мертва. Уровень квалификации работников завода станет понятным, если вспомнить, что с 1930 года тут работает собственный втуз, готовящий специалистов нужного профиля, что два технических училища выпускают квалифицированных рабочих наиболее нужных профессий. Естественно, кроме своих кадров, приходят сюда и выпускники других вузов и училищ.

На общий уровень квалификации, или, если можно так выразиться, на уровень технической культуры, немалое влияние оказывают и традиции. Сто двадцать три года — срок достаточный, чтобы выработать их.

В девятнадцатом цехе я познакомился со слесарем-сборщиком Георгом Бугровым. Из своих тридцати лет он уже тринадцать работает в этом цехе. Пришел после девятого класса. Работая, окончил среднюю школу. Отслужил армию — вернулся сюда же. Их бригада собирает аппараты регулирования и автоматики гидротурбин.

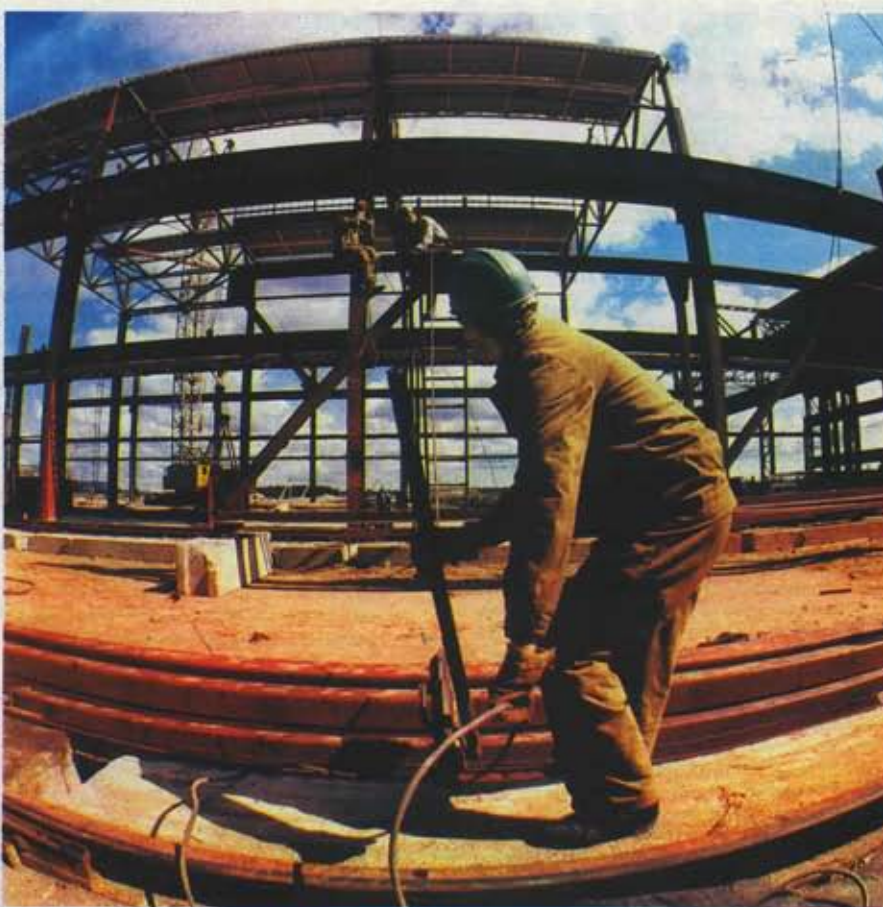
— В этом железном шкафчике, — показывает Георг на собранный аппарат, — заключены мозг и нервы турбины. Наш участок единственный на всю страну! Так что на каждой ГЭС — наша работа.

Руководит бригадой отец Георга — Борис Георгиевич. И того привел на

жизни была, естественно, минувшая война. О том, что выпало на долю Ленинграда, хорошо знаешь и всегда помнишь. Но, сталкиваясь с новым для себя фактом, всякий раз все больше поражаешься мужеству этого города и его жителей.

Металлический завод начал эвакуироваться уже в июле 1941 года. Естественно, на восток увезли не все оборудование. Осталась на заводе и часть его работников. Им-то и предстояло перевести предприятие с единичного крупного машиностроения на серийный выпуск вооружения и боеприпасов. Сделать это было чрезвычайно трудно. Они сделали. Давали фронту зенитные и артиллерийские снаряды, строили железнодорожные артиллерийские батареи, вооруженные морскими дальнебойными орудиями, ремонтировали прибывавшие с фронта, — проще сказать, с окраин Ленинграда — танки.

В заводском музее экспонируются записи, сделанные осенью 1941-го командиром отделения связи при штабе МПВО Металлического завода Валентиной Петровной Жих. На листках из тетради в клетку карандашные столбики цифр: какого числа, во сколько часов и минут началась очередная воздушная тревога, когда дали отбой. И общая сводка по итогам дня: сколько было тревог, как долго они продолжались. Привожу данные выборочно. Четвертого октября тревога объявлялась десять раз (длилась в общей сложности девять часов 25 минут). Шестого октября — шесть раз (пять часов 51 минута). Седьмого октября — три раза (шесть с



Ивану Васильевичу было всего пятнадцать, когда в первые месяцы войны в смоленскую деревню Конная ворвались немцы. Они стали угонять молодежь на работу в Германию. Василий ухитрился сбежать из поезда где-то в Белоруссии. До 1944 года воевал в партизанском отряде. Потом гвардии рядовым в минометной части. С боями дошел до Восточной Пруссии. А заканчивал мировую войну броском через Большой Хинган и освобождением Порт-Артура. На Металлическом заводе он тридцать лет. И здесь к его боевым наградам прибавились трудовые. Главная из них звезда Героя Социалистического Труда.

Такой вот характер у завода и его людей.

Нынешним молодым трудно похвалиться такими же подвигами, которые выпали на долю их предшественников. Но у почти шеститысячного отряда комсомольцев завода немало трудовых побед, которые продолжают славные дела прежних поколений. В 1924 году комсомольско-молодежная бригада Петра Старосельцева досрочно изготовила паровую турбину в три тысячи киловатт. С тех пор доброй традицией комсомольцев завода стало шефство над наиболее важными заказами народного хозяйства. Для этого у молодых металлостроителей хватает и опыта и знаний. Сейчас более полутора тысяч молодых

ЗАВОД НЕПРЕРЫВНО РАСШИРЯЕТСЯ.

КОРПУС СБОРОЧНОГО ЦЕХА.



половиной часов). Девятого — шесть раз (девять часов). Но, несмотря ни на что, завод работал, давал продукцию фронту, даже когда бомбы и снаряды рвались на его территории.

А потом начался голод. В ноябре 1941-го в гидротурбинном цехе, где собирали танки, числилось 1365 рабочих и служащих. В январе 1942 года на работу приходило всего 225 человек. Голод косил людей, но они не сдавались до последнего вздоха.

Бригадир сборщиков танков Федор Васильевич Задворный от слабости уже не вставал. Комсомольцы его бригады помогли ему подняться с постели, прийти в цех. Он мог руководить их работой только сидя, но так ему не видно было, что делается в танке. По просьбе бригадира кресло, в котором он сидел, обвязали веревками и краном подняли до уровня башни. Теперь Задворный мог видеть каждую операцию. Он так и умер во время ремонта танка.

Заводской электростанции нужно было топливо, и недалеко от Ладожского озера завод организовал лесосеку. Валка и трелевка деревьев легли на плечи женщин. Они построили в лесу землянки, баню, кухню. Тянули изо всех сил, но топливную проблему завода решили.

Часто заводские мастера выезжали для ремонта танков на фронт. Некоторые гибли там — со слесарным инструментом в руках. Но передовая проходила тогда и через цеха завода. И здесь у своего станка мог настичь вражеский снаряд. Ведь за время войны на территории завода, кроме многих тысяч зажигательных, разорвалось 96 фугасных бомб и 165 шрапнельных снарядов. Но металлостроители работали, и рядом с ветеранами стояли мальчишки и девчонки 14—16 лет, комсомольцы, защитники города на Неве. Они отдали все для фронта и Победы.

А знаете, каким был их первый гражданский заказ во время войны? В августе 1943 года, уже после прорыва блокады, вражеский снаряд вывел из строя паровую турбину Первой ленинградской электростанции. Город сразу потерял несколько десятков тысяч киловатт энергетической мощности. И металлостроителям поручили вернуть агрегат в строй. Тогда-то они снова вспомнили свою мирную профессию турбостроителей.

Когда говорилось «надо», завод переступал через «не могу».

Сколько лет с той поры миновало, а военный подвиг по-прежнему все еще живая и близкая наша история. Ведь тем мальчишкам военной поры, которым из-за малого роста приходилось у станков сооружать специальные помосты, сейчас всего каких-нибудь пятьдесят с небольшим. Они еще трудятся, а рядом работают их сыновья, которые унаследовали отцовский характер, для которых отцовская жизнь — постоянный пример.

Сказано это отнюдь не для красного словца. Георг Бугров, рассказывая о своем бригадире, вспомнил такую деталь: в День Военно-Морского Флота отец любит пуститься в воспоминания о боевых делах.

По моим подсчетам, он не мог принять участия в войне. Поэтому я попросил рассказать о том подробнее.

А было так. Дед Георга, Георгий Александрович Бугров, всю блокаду проработал на заводе. Вспоминать те времена он не любил, и уже по этому можно было догадаться, чего он тут натерпелся. Жена с дочкой Людмилой и сыном Борисом вернулись из эвакуации только в 1944-м, и шестнадцатилетний Борька решил, что обязан лично мстить фашистам. Он сразу же добровольцем уходит в армию. Но в боевых действиях ему участвовать не довелось: победу он встретил в Ораниенбауме, охраняя водный район. Но война и после войны война. И Борис свое наверстал. Уже в мирное время. Балтика была напичкована минами. Когда они, случилось, всплывали у берега, где Борис нес охрану, он садился в тузик с двумя килограммами тола, залпалом и папироской в зубах для бикфордова шнура. Надо быть ловким и очень смелым, чтобы подплыть к мине, закрепить шашку, поджечь шнур и успеть на веслах уйти на безопасное расстояние. На свой счет Борис Бугров записал двенадцать мин, о чем не без гордости рассказал мне его сын Георг Бугров.

А вот что мог бы рассказать о бригадире карусельщиков — с того гигантского станка — Ивану Васильевичу Морозову его сын Василий, который после окончания заводского втуза работает диспетчером транспортного отдела.

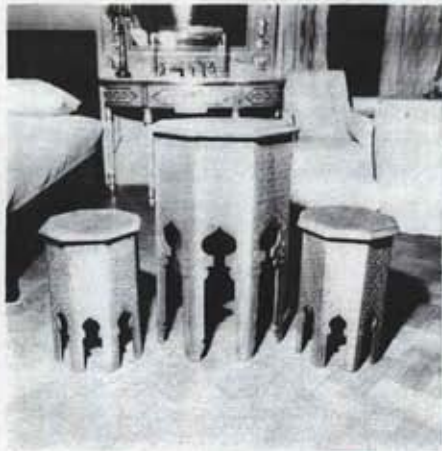
рабочих сдают продукцию с первого предъявления. Сто пять человек имеют личное клеймо ОТК. Ежегодно проводятся конкурсы профессионального мастерства «Золотые руки», в которых участвуют представители семи ведущих специальностей.

Совет молодых специалистов объединяет 600 передовиков производства. Только за десять месяцев прошлого года экономический эффект, полученный от внедрения предложений молодых рационализаторов, составил 168 тысяч рублей.

Воспользуемся расхожим сравнением: турбина — сердце электростанции. На ее валу рождается энергия, которая, преобразовавшись в электрическую, станет вращать станки, зажжет лампочки и экраны телевизоров, будет плавить сталь и ткать ситец, делать еще массу нужных и хороших дел. Почти половину этой энергии вырабатывают «сердца» с маркой ЛМЗ. Будем справедливы: сердце не единственный главный орган даже у человека. Вот и электростанция, чтобы она дала энергию, нужны еще генераторы, плотины, паровые или атомные котлы... Много еще нужно всего, что смастерят и поставят ей другие заводы-гиганты. А тем, в свою очередь, помогут металлом, станками, оборудованием, знаниями третьи. Вот так они и трудятся, держа на своих плечах все народное хозяйство страны.

На то они и гиганты отечественной индустрии.

ПОДАРОК ИЛЬИЧУ



«Товарищам Кузибаю Юнусову и Кадыржану Хайдарову.

Дорогие товарищи! Владимир Ильич поручил мне передать Вам его искреннюю благодарность за привет и подарок и пожелания успешной работы. Не сомневайтесь, что если бы Ильич был здоров, он охотно поговорил бы с Вами сам об условиях жизни и работы кустарей Туркестана. К сожалению, этот разговор придется отложить до его выздоровления, которое, я надеюсь, не за горами.

С сердечным приветом к Вам, дорогие товарищи.

Мария Ульянова».

57 лет назад получил это письмо молодой резчик из Коканда, а ныне народный художник Узбекской ССР Кадыржан Хайдарович Хайдаров.

В 1923 году вместе со своим товарищем Кузибаем Юнусовым он вырезал из золотистого ореха восьмигранный столик и три табурета, украшенных тонким восточным орнаментом. Через всю страну везли они этот подарок из Узбекистана в Москву, в Кремль...

Ныне в народе Кадыржана Хайдарова почтительно называют усто — мастер. Стамесками разной формы режет он свои изящные орнаменты, как будто бы дошедшие до нас из седой древности.

К столетию со дня рождения вождя

он сделал тончайшей резьбы парадные двери филиала Центрального музея В. И. Ленина в Ташкенте. Испокон веков дверь была главным украшением узбекского дома. Для «Ленинского дома» Кадыржан-ота создал уникальное творение. Трехстворчатые двери из мореного ореха составляют целостную композицию.

В Ульяновске, в парке Дружбы, который создавали все союзные республики, на волжском утесе воздвигнута ротонда — воздушная беседка на восьми резных семиметровых колоннах. Это тоже работа Кадыржана Хайдарова.

Ученик своего отца, замечательного народного орнаменталиста Хайдара Наджметдинова, Кадыржан Хайдаров и сам стал наставником талантливой молодежи. Кадыржан-ота — требовательный учитель. Получить у него «фетьву» — разрешение на самостоятельную работу — нелегкое дело.

...Скрипит резец, пенится желтая стружка. Мастер трудится, мастер создает новый шедевр.

— Ничто не тяжелее тех трудов, которые нам не дают плодов. Так писал наш знаменитый поэт Алишер Навои. Я счастлив, я вижу, как зреют мои плоды, — говорит Кадыржан-ота.

Иосиф СТЕРКИН.

Фото Анатолия ИОЛИСА.

МОЛОДОГВАРДЕЙСКАЯ ЛЕНИНИАНА

«Зовут меня Владимир Ильич Ульянов. Родился я в Симбирске 10 апреля 1870 года. Весной 1887 г. мой старший брат, Александр, казнен Александром III за покушение (1 марта 1887 г.) на его жизнь».

Это ленинское факсимиле смотрит на читателя с обложки маленького томика, ставшего первым в новой серии книг «Молодой гвардии». Через несколько лет она составит целую библиотечку, которая раскроет перед сегодняшней молодежью удивительную жизнь величайшего мыслителя и революционера XX века.

Уже в преддверии 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина читатель поставит на свою полку три книги этой серии. Исследование публициста Ж. Трофимова «Великое начало» рассказывает о гимназических годах Владимира Ильича. В сборнике «Подписаны Лениным» собраны многочисленные ленинские декреты, постановления и другие документы о детях. Новая работа лауреата премии Ленинского комсомола В. Чикина «Круг на великом круге», названием которой стали ленинские слова о движении человеческой мысли, призвана помочь молодому читателю научиться анализировать произведения Ленина.

Все книги «Молодогвардейской Ленинианы» будут выходить в едином формате и с общими элементами художественного оформления. Следите за новыми поступлениями в книжные магазины!

Михаил СОКОЛОВ.

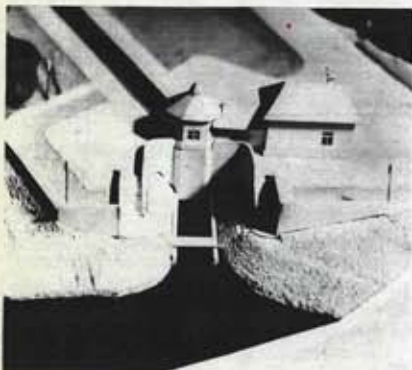


ГЛАВНЫЙ ИНЖЕНЕР... ФОНТАНА

Да, так называется должность И. Горбачева. Дело в том, что фонтан Днепропетровского театра оперы и балета не совсем обычен: он «цветомузыкален». Едва над городом опускается вечер, струи этого фонтана расцветаются наподобие радуги, и начинает звучать музыка.

Восточная мелодия сменяется чарующими звуками Чайковского, стремительные ритмы кавказского танца прекрасно сочетаются с яркими пульсирующими огнями, разноцветным каскадом воды. И всем этим управляет за специальным пультом главный инженер фонтана.

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ ГЭС



Сколько же было радости, когда диво-дивное — электричество — залило крестьянские избы четырнадцати деревень Волоколамского района. Было это в 1922 году, когда дала ток первая в стране крошечная ГЭС, сооруженная на реке Ламе, в старинном русском селе Ярополец.

А началось строительство, можно считать, благодаря Владимиру Ильичу Ленину, посетившему Ярополец в конце 1920 года. Ленин буквально зажег крестьян идеей электрификации района, помог достать чертежи ГЭС, оборудование. И вот оно есть, свое деревенское электричество, преобразившее жизнь тысяч крестьян.

В 1939 году, когда уже давали миллионы киловатт Днепрогэс и Волхов, Ярополецкой ГЭС, предвестнице будущих энергогигантов, было присвоено имя В. И. Ленина. В 1942 году гитлеровцы, откатываясь под ударами наших войск, уничтожили ГЭС. Но вскоре она вновь заработала, восстановленная руками фронтовых саперов. Естественно, в спешке тех дней они не могли воссоздать прежний облик станции, но ток она давала исправно.

Но вот было принято решение — восстановить Ярополецкую ГЭС в ее изначальном виде, в том, который одобрил в свое время Владимир Ильич. Первый проект энергоузла обнаружили в Политехническом музее, найдены были и старые фотографии ГЭС. Восстановление проекта было поручено комсомольцам и молодежи московского института «Гидропроект». Коллектив проектировщиков взял обязательство закончить работу досрочно, к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

И вот проект завершен, его главный инженер Борис Грознов и главный архитектор Владимир Серебрянский рапортовали о выполнении почетного задания. Ярополецкая ГЭС на Ламе вскоре впишется в общий ансамбль живописного парка. Среди старинных усадеб оживут ручьи и озера, напоенные водой Ярополецкой плотины. А электричество, выработанное первенцем сельской энергетики, пойдет на фермы, в мастерские, в дома.

Ян ПЕТРОВ.

ПРОФЕССИЯ —
БАРСОЛОВ

По стопам отца

В зоопарках Москвы, Вены, Софии, Варшавы прекрасно себя чувствуют снежные барсы, обитатели памирского высокогорья, животные редкие, уже давно записанные в «Красную книгу». Посетители этих зоопарков могут любоваться ими благодаря знаменитому следопыту Чинибаю Набиеву. Недавно ему исполнилось семьдесят пять лет. Более сорока из них он отдал профессии барсолова.

А самого первого барса, как рассказывает сам Набиев, он взял, что называется, голыми руками: накинуд ему на голову халат, а связать зверю лапы помогла дочь-школьница Айгуль. Это был и ее первый барс.

Дочь пошла по стопам отца — она тоже стала известным следопытом и барсоловом.

А
ЧТО
У ВАС?

«Мастак» спешит на помощь

Мы знаем, что курить вредно, что по утрам надо делать зарядку, а лицу переходить на зеленый свет светофора. Но курящие по-прежнему курят, и дорогу многие переходят на красный свет. Как сократить этот разрыв между «знаю» и «делаю»? Как объяснить человеку, что новая технология на его предприятии ускоряет научно-техническую революцию? Вот уже почти десять лет ответы на эти вопросы ищут (и весьма успешно!) сотрудники кафедры деловых игр и конкретных ситуаций Института повышения квалификации руководящих работников и специалистов судостроительной промышленности. Кафедру возглавляет доктор технических наук, профессор, заслуженный изобретатель РСФСР Рэм Федорович Жуков.

В последнее время особую популярность завоевал разработанный кафедрой метод активного социологического тестирования анализа и контроля («Мастак»)... себя. «Мастак» не только собирает советы и рекомендации, которые принесут немалую пользу любому руководителю, но и предлагает каждому их оценить. А потом, словно в школе, поставить оценку самому себе: как на собственной практике выполняются эти самые рекомендации и советы... Разность в оценках — реальный путь к самоусовершенствованию своего стиля руководства. Появилось уже несколько «Мастаков» — для мастеров и инженеров, начальников цехов и наставников молодежи, для лекторов-пропагандистов.

Достаточно широк и диапазон деловых игр, разработанных кафедрой. Как, например, относительно быстро, но достаточно приемлемо для практики выбрать лучший вариант технологического процесса, нужный станок, судно? Кого назначить на должность начальника цеха, который в прорыве? Или цеха, готового к пуску? Принцип организации игр — тот же самостоятельный поиск решения, заинтересо-

ванность, дух соревнования. Только соблюдая эти условия, можно побудить весьма компетентную, не принимающую ничего на веру аудиторию, состоящую из директоров заводов, главных инженеров, ведущих специалистов, не только задуматься над полученной информацией, но и постараться применить ее на практике. На кафедре вам непременно расскажут такой случай. Недавно после очередной «игры» исчез один директор. Всполошились, стали искать. Выяснилось, что он в тот же день улетел домой. Наконец-то он понял, в чем его ошибка, и срочно бросился ее исправлять, чтобы вывести свой завод из прорыва.

Такая реакция не единственный показатель эффективности деловых игр. На кафедре подсчитали: если на обычной лекции усваивается 30 процентов материала, то в «игре» 80—90. Но дело не только в цифровых показателях. Люди учатся думать, творчески подходить к решению самых сложных деловых вопросов.

Людмила КОХАНОВА,
кандидат филологических наук.

Ждем
ваших сообщений,
фотографий,
рисунков

АЭРОСТАТ-ВЕНТИЛЯТОР

Вид аэростата всегда вызывал во мне чувство тревоги: он ассоциировался в моем сознании с военным детством.

Но с недавних пор мое отношение к аэростатам изменилось. Потому что у них появилась новая служба. Теперь они стоят на страже чистоты.

Столица Казахстана со всех сторон окружена горами. И родился этот город, как сказал поэт, «в ладонях гор». Ветры здесь — явление очень редкое, а проветривать этот современный промышленный центр крайне необходимо. Множество различных решений этой задачи предлагали специалисты, но лучшим был признан оригинальный проект использования аэростатов. Он к тому же оказался и самым дешевым.

Вскоре над Алма-Атой поднимутся гигантские аэростаты. Их черные оболочки, нагреваясь от солнца, будут притягивать городской воздух вверх. На двухсотметровой высоте эти восходящие потоки встретятся с мощными горизонтальными воздушными течениями, которые и унесут их за пределы города. И воздух в Алма-Ате всегда будет чистым.

Ким МУСТАФИН.

ПРОМЫСЛЫ
И РЕМЕСЛА

РУШНИКИ И... МИКРОСКОПЫ

Новый павильон ВДНХ рассказывает о промыслах и ремеслах. Сюда прислали свои изделия подсобные предприятия колхозов и совхозов. И не только вещи, традиционные для народного творчества. Рядом с петухами украинских рушников — микроскопы. Напротив крысони, расшитой блестящими шляпы, — полиэтиленовые заготовки. Такое соседство удивительно только на первый взгляд. Цифры на стендах говорят о выгодах, которые приносит кооперация с промышленными предприятиями. Детали, сошедшие с конвейеров сельских заводов, возвращаются из города машинами,

оборудованием для агрохимических лабораторий.

Каждое село славится особым умением: где лепят игрушки, а где вышивают. Но везде — строят. Хаты, избы, сакли. Из глины, туфа, леса. Что под рукой, то и годится. Строители из колхоза «Октябрь», Краснодарского края, объединились в бригаду, которая выполняет любые заказы. Чудесно украсят дом кружево из жести на трубах, узор металлической ограды, резной наличник. Это для тех, кто строит самостоятельно. А вот калининское объединение «Облсельхозлес» привозит новоселам... готовые избы. 970 срубов выпускает в год его поточная линия — целую деревню.

Есть в павильоне и «вкусный» раздел. В нем — варенья и маринады, соленья и компоты. Янтарную прозрачность черешни, аромат абрикосов, томатный румянец сберегли для нашего стола подсобные предприятия. Ведь от садов до городских хранилищ и комбинатов порой сотни километров. Чем длиннее дорога, тем сложнее уберечь урожай от потерь. Нежные плоды гибнут в пути и в ожидании перевозок. А сельские заводы делают утомительное путешествие ненужным. Нам — вкусно, хозяйствам — выгодно. В колхозе «Октябрь», например, доход с одного садового гектара вырос вдвое после пуска консервного завода.

Рассказ об интересном и нужном деле в новом павильоне только начался. В олимпийском году его продолжит выставка сувениров, подготовленных народными умельцами.

Елена ГОЛОВАНЬ.
Фото Сергея ВЕТРОВА.

НАША
ПОЧТА

«Мы узнали цену хлеба...»



В редакцию пришло письмо от читательницы Л. Гридасовой с просьбой передать его знатному хлеборобу, Герою Социалистического Труда М. Е. Довжику.

Надеемся, что, публикуя это письмо, мы выполним просьбу Гридасовой — Михаил Егорович Довжик прочтет теплые строки, обращенные к нему, вспомнит далекие дни 1957 года, когда работал бригадиром в совхозе «Ярославский», вспомнит юных студентов Ташкентского педагогического института, которые помогали его бригаде в убогую страду...

«Добрый день, дорогой Михаил Егорович! Прочитала я Вашу статью в журнале «Смена», и так мне радостно стало... Мы помогаем Вашей бригаде убирать хлеб с неоглядных полей целины. Мы узнали цену хлеба, а также что такое быть хлеборобом и жить среди простых, сердечных людей, самоотверженно относящихся к своей работе. До сих пор я с хорошим чувством вспоминаю нашу поездку на целину и работу в Вашей дружной, веселой бригаде. Среди моих целинных фотографий есть два одинаковых снимка: Шибайкин (он тоже работал в бригаде) держит на руках Вашего первенца Вовочку. Посылаю Вам снимок, думаю, эта фотография порадует Вас... Будьте всегда таким же бодрым и оптимистичным, каким Вы запомнились нам.

С большим приветом Л. Гридасова. (На снимке я стою в центре — черненькая)».



УВЛЕЧЕНИЯ

«ДВИЖЕНИЕ»

Молодые горьковчане назвали так свой вокально-инструментальный ансамбль не случайно. Этот самодельный коллектив и в самом деле постоянно в движении. С путевой обком комсомола он объездил десятки городов и поселков, выступал в самых отдаленных уголках области.

«Движение» — ансамбль политической песни. И каждое выступление ансамбля — откровенный, страстный монолог о сегодняшнем дне, о заботах и устремлениях молодежи.

Это всегда отмечают не только слушатели, но и строгое жюри. «Движение» — неоднократный лауреат городских и областных конкурсов. А в прошлом году ребята стали лауреатами международного фестиваля политической песни в Ереване.

Альберт ЛЕХМУС.
Фото автора.



**САВЕЛИЙ ЯМЩИКОВ
В МАСТЕРСКОЙ.**

шалось чаще, чем «Здравствуйте». Немедленно родилось и племя самодеятельных коллекционеров и расторопных хищников, накинувшихся на иконы и старые книги. Все искало защиты и изучения. Ямщиков ушел на вечернее отделение и стал работать во Всероссийском реставрационном центре. Дальше в трудовой книжке новых записей нет. Рассказывая автобиографию, человек в таких случаях обыкновенно заканчивает: «Где и работаю по настоящее время...»

ОКРУЖЕНИЕ

Я встретил его в пору, когда А. Тарковский снимал в Пскове «Андрея Рублева», и простодушные местные статисты, одетые мужиками, бегали по городу показываться домашним и возлюбленным, а помощники режиссера вылавливали их. Город светлел от исторических воспоминаний. Ямщиков — консультант фильма — в меру сил помогал на съемках и одновременно делал обычную свою работу, просматривая запасники Псковского музея и отбирая иконы для последующей реставрации. Профилактическую помощь оказывали памятникам тут же, в Поганкиных палатах, под тесными сводами старых купеческих кладовых.

Я приходил к реставраторам и смотрел, как «лечат» старые доски — уколами, пластырями, терпением и любовью. Иногда под громкие советы или исторические экскурсии глухого заведующего музейным древлехранилищем Л. А. Творогова — одного из тех провинциальных ученых, которые больше известны городу своими причудами, чем открытиями. Так, улыбаясь привязанности Творогова к бездомным дворнягам, обыкновенно мало кто знал о том, что его исследования «Слова о полку Игореве» высоко ценились специалистами, а его забота о сохранении рукописей и старинных псковских книжных собраний была ис-

В СВЕТЛОЙ ГОРНИЦЕ

Валентин КУРБАТОВ

**Фото
Сергея ПАРХОМОВСКОГО**

Очень жаль, что мы стыдимся старых методов жизнеописания, остерегаясь повредить своим героям неосторожным словом. В результате они теряют в «объемности», вызывая в читателе скуку своей одномерностью. Между тем житейский опыт скоро научает нас, что человек, в особенности человек, работающий в искусстве и известный в своем кругу, редко воспринимается безоговорочно. Искусство — организм капризно тонкий, часто замешанный на субъективизме, даже пристрастии, и два человека, даже близкого понимания мира, редко сходятся в оценке одного явления, тем

более явления едва становящегося и еще не освященного традицией.

На выставки, организованные Савелием Ямщиковым, выстраиваются очереди, его альбомы, проспекты, каталоги невозможно купить. Это признание высокой культуры, тонкого чутья, умной ориентации в предмете. Вместе с этим в среде профессионалов я слышал по его поводу выражения столь решительные, что их здесь и привести нельзя. Я вслушивался в интонацию и ловил недоумение («Как это ему удастся?»), досаду («Этот кого хочешь обойдет!») и удивление («Когда он все это успеет?»). И чем более вслушивался, тем отчетливее понимал, что дело, может быть, просто в недостаточном словаре, потому что назови я его только ученым, мне не поверят, только реставратором — обвинят в непонимании сути реставрации, только искусствоведом — напомнят, что он неспециализирован и даже иногда поверхностен. А дело-то,

кажется, просто в том, что он профессионал новой отрасли, порожденной сегодняшней тягой к исследованию и усвоению прошлого. Это область посредничества, высокопрофессионального просветительства, сопряженного с обширной организационной деятельностью. Время потребовало специалистов этой новой становящейся области, и они должны были прийти. Савелий Ямщиков — имя из них наиболее заметное.

ПРИЗВАНИЕ

Реставрация не была детским призванием Ямщикова. Домашняя среда у него была другая. Реставрация была призванием времени, и он верно расслышал призыв. Он поступил на историческое отделение Московского университета в 1956 году. То было время «исторического» взрыва: старые города переполнились туристами; «Какой это век?» слы-

полнена торжественной скупости, которая ведома только очень большим книжникам.

Однажды случайно выяснилось, что Ямщиков с Твороговым — воспитанники одной школы профессора Н. П. Сычева. При разнице лет (один учился у Сычева в 20-е, другой — в 50-е годы) это неожиданным образом углубляет общение, и ориентиры бесед расставляются вернее. А беседы тут были не праздные — уточнялась датировка того или иного памятника, прояснялись сюжетные отклонения. Глухота отделяла Творогова от будничного шума, надо было сразу идти к сути. Это постоянное напряжение иногда утомляло, но сейчас, когда старого ученого уже нет, пустота обозначилась резко и отчетливо и его советов недостает. Не менее важно было и то, что в старом «отшельнике» кипела живая душа Пскова, а это дорожка книжного знания.

Меня поначалу удивлял круг знако-

ных Ямщикова в Пскове — реставраторы, кузнецы, врачи, журналисты, но скоро я увидел, что случайности тут не было. Все вместе они были — город, и кроме обыкновенной практической пользы, которую при нужде оказывали делу, были духовным кислородом, подсказчиками внутренних ритмов, ускользающей духовной стилистики, которую порою не прочтешь как следует, живя в одном только профессионально-художественном и историческом мире.

По обмолвкам Ямщикова я знал, что у него и в остальных старых городах, куда его заносит служба — в Костроме ли, Ярославле, Петрозаводске, — этот дружеский круг не тесен: при встрече он часто оговаривается чужими именами так, словно все мы давно знакомы друг с другом — это только отчасти происходит от рассеянности, больше же от действительного желания породнить всех для пользы дела.

Мне редко приходится бывать в его московской мастерской во Всеволожском переулке, но я люблю эти часы. Всякий раз я застаю там кого-нибудь за беседой с хозяином. Актеры, спортсмены, поэты, музыканты и уж, конечно, художники-реставраторы — всем здесь хорошо. Толпы обычно нет — приходит то один, то другой, но и когда сходятся, не теснят друг друга. Тут нет клубной атмосферы, беседа может показаться и монотонной, но временами она вспыхивает чисто и ясно, касается вопросов дорогих, важных, и тогда понимаешь ценность такой широты круга — тогда предмет освещается сразу со всех сторон и является неожиданно богатым, стереоскопическим. Чтение редко балует нас такой острой многосторонностью, удвоенной тем, что это делается сию минуту на коротких пространствах живого спора.

Я знаю, что тут нет предварительной хитрости, спровоцированности таких столкновений. Просто Ямщиков — настоящий москвич в стародавнем смысле: есть в нем эта коренная веселая энергия, эта бодрость психологии, это неперенное желание тотчас перейти

и он точнее называет ее «раскрытием» памятника. Каждая доска иконы, таит ли она под собою совершенный лик высочайшей школы или только твердую руку тверского богомаза, каждый холст, скрывает ли он великолепную кисть умного портретиста XVIII века или наивно мудрую живописную фантазию какого-нибудь кологривского «отшельника», есть открытие, есть дверь в полное света и глубины историческое миропонимание народа.

Реставратор — профессия, может быть, самая синтетическая. Живописец, философ, историк, ремесленник, психолог должны не соседствовать, а сплавляться в нем в живое целое с той свободой, которой порознь, может быть, и не было и в раскрываемых им великих мастерах. Совершенно сегодняшний человек, он все время живет подвижно в нескольких веках; раскрывает же он эти доски, листы, холсты, фрески не для вчера и не для одного сегодня, но для завтра, и это завтра должно быть внятно ему не менее прошедшего, чтобы мировоззрение его было устойчиво и труд делен и полнокровен. У этой профессии три лица повернуты в разные стороны, и шум времени в ней слышнее, чем в остальных человеческих занятиях.

Открытия (то, что зовется ими) — это мгновения, вспышки света, а между ними будни и будни, но в этих буднях нельзя ослаблять душу, потому что открытие не предсказуемо, оно может блеснуть вот из-под этой темной пелены олифы. На этом измятом листе. Это может быть сродни охоте и вырабатывает в реставраторе, в движении его руки хищную вкрадчивость, расслабленная кисть может враз сделаться цепкой, а ленивый взгляд собранным и точным. Я знаю это в Ямщикове. Я это видел, хотя судьба не приводила меня присутствовать при его открытиях.

Итак, все-таки об открытиях. Журналы и газеты применяли это слово к двум большим событиям, непосредственно связанным с именем Ямщикова. Оба были костромского корня — живописец



ГРИГОРИЙ ОСТРОВСКИЙ.
ПОРТРЕТ М. М. ЧЕРЕВИНОЙ.
1773 ГОД.

ЕФИМ ЧЕСТНЯКОВ.
ДЕТАЛЬ КАРТИНЫ «КОЛЯДА».



ИСКУССТВА

на «ты», чтобы скорее сделать собеседника или явление «своим», но не присвоить, а усвоить. И иногда это хорошо наблюдать — как приготовленные к очередной выставке работы, которые порою можно застать в его мастерской, переключаются с ним, как он с уважительной настойчивостью, временами переходящей в нетерпимость, вживается в их мир, готова проспекты и каталоги, как они «оглядываются» друг на друга и как хорошо входят в мир сегодняшних гостей, как, положим, простодушно-чопорный, холодновато-изящный XVIII век Григория Островского отзывается вольной, а то и бесцеремонной энергией XX.

ОТКРЫТИЯ

Это мы так называем. Это читательская и зрительская тоска по неожиданности, все реже утрачиваемая пестрым, отучившимся удивляться веком. Для реставратора открытие — вся его работа,

XVIII века Григорий Островский и художник, мыслитель, драматург, литератор Ефим Честныков, умерший в 1961 году, но чье имя грянуло внезапно как из дальней дали, — такая в нем была возрожденческая, прадавняя цельность и неохватность, до сих пор лишь краем задетая в статьях, исследованиях и даже одном романе об этом человеке.

Оба имени уже отделились от имени Ямщикова, и достойно и уверенно стоят в истории искусства. Все правильно. Имена открывателей опадают как строительные леса, и памятник стоит высоко и торжественно, словно стоял всегда. Так что же движет открывателями? Что побуждает всякий раз со страстью пропагандировать новое имя, преодолевая инерцию и лень, недоверие и опаску тех, от кого зависит, будет ли помещение для выставки, бумага для каталога, типография для публикации, что заставляет пускаться с головою в нервные, порою даже слегка авантюрные пред-

приятия, если уже не первым опытом открыватель знает, что его имя отойдет вместе с краткой жизнью журнала или газетного листа? Как легко подозревать честолюбие! Конечно, и не без него, но что стоит все это рядом с именем нового великого художника, который теперь навсегда останется на небосводе нашего искусства! И останется именно благодаря настойчивости и последовательности человека, часто рискующего репутацией, потому что, увы, доброе дело не всегда делается с ласковой обходительностью и всюду надобна агрессивность, а то и обходной маневр. Да что обходы! Бывают ситуации, когда надо сжать сердце и пойти к умирающему человеку, которому не до тебя, не до земных забот, и беспокоиться о передаче коллекции государству, как было с И. М. Вороновым в Печерах. Тяжело смотреть в глаза доброму к тебе человеку, тревожить его в такой момент светлыми делами, а надо о деле думать. Не для себя, а для дела же, чтобы не умерла вместе с человеком прекрасная коллекция, достойная лучших музеев, чтобы не сгинули в неизвестности и не разлетелись по темным частным углам великие холсты, которые должны войти в фонды музеев. И пусть картины в замечательной сохранности и сразу идут в экспозицию, но и это открытие, потому что новые работы даже и известных мастеров новым светом озаряют землю, мир, судьбу человека, его высокую и обыденную историю.

БУДНИ

Но, может быть, самая благодарная работа Ямщикова и не в возвращении знаменитых имен, не в непременно безупречных каталогах, не в редких по вкусу афишах и приглашениях, вернее, не во всем этом по отдельности, а именно в комплексе, в новизне подхода и особенно в том, сколько великих безымянных мастеров иконописи, сколько ошеломляющих образов показано зрителям разных городов, возвращено музеям и живет теперь ровной деятельной жизнью. Всероссийский реставрационный центр, где он работал двадцать лет, как и Всесоюзный институт реставрации, куда он недавно перешел, расчищают за год довольно много досок и понемногу группируют по столетиям и школам, отправляют некоторые в запасники, некоторые в экспозиции, иногда выставляют, но часто без необходимого сопроводительного материала. Работы не остаются без зрителей, но аудитория их все-таки недостаточно широка.

Тут мнений два. Первое — что именно так спокойно и надо выставлять новые открытия, что все эти афиширование, реклама, типографские хождения недостойны такого благородно несуетного дела, как икона. Пусть посмотрит десяток людей, но тех, кому это действительно нужно. Второе — напротив: пусть идут все, пусть узнают и радуются. И это при многих издержках — гораздо существеннее. Ямщиков — сторонник второй точки зрения. Можно сразу догадаться, что репутация его в тихих, сосредоточенно работающих реставрационных кругах многосложная. Но если на «тихих» выставках все прибавляется зрителей, и если эти выставки встречаются все с большим волнением и любовью — это заслуга «громких». Это следствие широко оглашенных выставок древней Вологды, древней Карелии, периодических выставок новых открытий и одной из лучших выставок последних лет — живописи древнего Пскова.

Это были выставки Ямщикова, хотя на афишах не стояло его имени. Это были лучшие часы и лучшие открытия. И это были экспозиции, которые не грех было показать миру и не покраснеть при этом за их устройство, за их печатную продукцию, начиная, как в псковской выставке, с дивного, горящего кармином отрока с трубой, написанного в XVI веке, который звал на выставку с пригласительного билета, до почти драгоценной афиши со спешащими на поклонение волхвами. И к каждой выставке он готовит такой обширный материал с группой неразлучных помощников, сформированной в долгой дороге совместной работы. Около полусотни изданий, отмеченных вниманием и добрыми словами больших мастеров реставрации и искусствознания, — это нешуточная работа. Это несколько страниц в понемногу, но неустанно складываемой истории русского искусства.

Мне, признаться, не всегда близко то, что пишет Ямщиков. Его тексты подчас академически бесстрастны, в них царствует почтительность комментариев, что, вероятно, достаточно для специалистов, но не утоляет вновь посвященного. Но, может быть, иначе и не надо, потому что перед зрителем горят бережно напечатанные репродукции, оживляя текст мудрым, много значащим цветом старой русской живописи и возбуждая дремлющее над текстом воображение. Слово верит цвету и оглядывается на него — вместе они лучше формируют историческую память.

История — предмет беспокойный. В ее летописях льется кровь, свистят стрелы, гремят орудия, падают головы царей, и редко найдется строка для медленной записи о временах мира, когда совершенствовался ум и цвела красота. Непрочные памятники письменности улетали с черным дымом пожаров, но, по счастью, по храмам и крестьянским избам, дворцам и окраинным скитам оберегалась и из пожара спасалась живописная история национального самосознания, и теперь в этих спасенных сначала русскими мужиками, а затем умными руками реставраторов памятниках мы можем прочесть истоки уверенности и стойкости народа, понять глубину его мысли и восстановить духовную колыбель сегодняшней культуры. Это многого стоит.

Савелий Васильевич Ямщиков — отличник культуры, серебряный медалист Академии художеств, один из большого отряда добрых людей, чьими руками и терпением, пронизательностью и профессиональной внимательностью возвращается мир вчера для понимания сегодня и чистоты завтра. С ним приходит новый тип реставрационного работника, и, как всегда при таком рождении, не все идеально, но затворничество, вероятно, уже невозвратимо. Время ищет открытого диалога, хорошо поставленного художественного просветительства, и человек приходит на зов.

Мы много говорили. Он хотел, чтобы я непременно написал о друзьях, хотя бы о псковских, которых знаю лучше других, и написал поименно. Я пробовал. Пробовал и его работу представить в частностях, в мелочах бесед, в терминологии и технологии. Ничего не пригодились. Все осыпалось и казалось неважным. Душа искала обобщения, наброска, прежде всего новой, смутно проступающей профессиональной основы. Я понимаю эскизность и незавершенность этого очерка. И все-таки хочу его показать: есть портреты, которые надо писать сообща.



ЛИМПИЙСКИЙ ТУРНИР ЗНАТОКОВ



Повторяя в этом номере «Смены» вопросы и задания II тура «Олимпийского турнира знатоков», мы хотели бы напомнить участникам этого заочного соревнования болельщикам, что их ждут учрежденные редакцией призы:

Три равных первых приза для победителей конкурса — дорожные велосипеды марки «КАМА».

— Десять призов для активнейших участников читательского турнира — олимпийские сувениры «МИШКА».

— Пятнадцать поощрительных призов — олимпийские подарочные альбомы «ОТ АФИН ДО МОСКВЫ» с автографами победителей Олимпиады-80.

К сведению тех, кто включится в борьбу со второго либо третьего тура! Авторы самых верных, обстоятельных и остроумных ответов смогут претендовать на поощрительные призы.

Срок отправки ответов на вопросы II тура — до 1 мая 1980 года (дата отправки письма будет определяться по штемпелю на конверте). Просим не забывать делать приписку на конверте: «На «Олимпийский турнир знатоков». И еще одно условие: в конце письма надо сообщить свою фамилию, имя и отчество, адрес, профессию и место работы, возраст.

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ II ТУРА

1. Как определялись победители Олимпийских игр древности?

3. Кто из советских легкоатлетов-мужчин стал первым олимпийским чемпионом?



4. Попробуйте предугадать состав олимпийской сборной СССР по футболу.



2. В истории Олимпийских игр был беспрецедентный случай, когда олимпийские медали, завоеванные легкоатлетом, были отобраны расистами. Назовите имя этого спортсмена и расскажите его историю.



5. Назовите имя будущего обладателя золотой медали Олимпиады-80 в плавании на 100 метров вольным стилем среди мужчин.



Рисунки
Сергея
ТЮНИНА

Его полное имя — Эдсон Арантес ду Насименту, но во всем мире он известен как Пеле. Его называют лучшим футболистом всех времен. Он единственный на планете трехкратный чемпион мира по футболу, обладатель не одной сотни почетнейших призов, кумир болельщиков всех континентов. Об игре Пеле говорит тот факт, что в официальных матчах, проводившихся в 88 странах, он забил почти 1300 голов — в два раза больше, нежели ближайший конкурент.

Как же случилось, что тихий, робкий, замкнутый пятнадцатилетний мальчишка, получивший приглашение играть в одном из футбольных клубов в Сан-Паулу, всего за полтора года превратился в кумира международного футбола? Как удалось ему эту популярность умножить в течение двадцати лет? Многие специалисты — то ли в шутку, то ли всерьез — утверждают, что в голове у Пеле природно вмонтирован своего рода «микрокомпьютер», который мгновенно реагирует на постоянно меняющееся положение мяча на поле и перемещения других игроков, что позволяет ему всегда оказываться в нужном месте в нужное время, чтобы в конкретной игровой ситуации сыграть самым эффективным образом в интересах команды. Но, может быть, вернее сказать, что Пеле «запрограм-

мирован» годами тренировок и игры, мучительно приобретающимся опытом, жизнью, без остатка отданной футболу.

Учитывая огромную популярность Пеле, организаторы провокационной кампании вокруг предстоящей Олимпиады-80 попытались вовлечь в антиолимпийскую шумиху и его. Но Пеле разочаровал провокаторов: в интервью представителям прессы он заявил, что политика и спорт — это две разные вещи, и Олимпийские игры не могут бойкотироваться по политическим мотивам.

Недавно вышла книга Пеле «Моя жизнь и прекрасная игра футбол». Она уже переведена на множество языков и издана во многих странах. Готовится ее издание и в Советском Союзе. Автор рассказывает о своей блистательной спортивной карьере, которой предшествовали нелегкие годы детства и юности, годы под знаком нищеты, которая «подавляла разум, иссушала дух и отравляла жизнь», но которая оказалась не в состоянии погасить его неистребимую любовь к замечательной игре под названием футбол.

Мы публикуем отрывки из главы, рассказывающей о детстве Пеле, о его родителях, о первых ударах по мячу будущего трехкратного чемпиона мира.

ЭДСОН АРАНТЕС
ДУ НАСИМЕНТУ

ФУТБОЛ: ИГРА КАК ЖИЗНЬ

Я родился в ночь на 23 октября 1940 года в маленьком городке Трес-Корасаес бразильского штата Минас-Жерайс. При крещении был наречен Эдсон Арантес ду Насименту, но лишь сравнительно недавно узнал это свое настоящее имя, потому что в семье все звали меня Дико. Я ездил в свой родной город, чтобы посмотреть на дом, в котором родился, частично из естественного в таком случае любопытства, частично из чувства уважения к городу, власти которого одну из улиц назвали в мою честь, да еще распорядились укрепить на стене дома табличку. Этот небольшой дом стоит в ряду ветхих строений, сложенных из использованного кирпича и связанных воедино растрескавшейся штукатуркой и облупившейся краской, а также, в каком-то смысле, сегодня и упомянутой табличкой.

Я нередко пытался нарисовать в сознании сцену моего ночного рождения в том маленьком доме. Я могу представить себе мою юную мать дону Селесте — глаза искрятся, она гордо держит на руках худенькое крохотное извивающееся черное тельце. Рядом моя бабушка Амброзина, сияющая от счастья. Мой дядя Жоржи говорит: «Сомнения нет, цвет кожи у него достаточно черный». Отец почти одного возраста с моей матерью, он наклоняется, чтобы лучше рассмотреть меня, своего первенца; затем слегка сжимает мои бедра и авторитетно заявляет: «Что ж, из него выйдет хороший футболист, ноги у него что надо».

И если я реально представил себе эту сцену, вполне возможно, что брошенная реплика сплунула улыбку с лица моей матери. Я зримо ощущаю, как она покровительственно заключает меня в свои объятия и резко отвечает: «Все сделаю, чтобы этого не было! Одного футболиста на нашу семью более чем достаточно. Достаточно? Даже чересчур много! Он наверняка станет врачом и кое-чего добьется в жизни. Футболист? Вы сами посудите, ну зачем ему желать зла?»

Если моя мать Селесте не произносила этих слов тогда, она достаточно часто повторяла их все годы, пока я подрастал. Мой отец Жоао Рамос ду Насименту был профессиональным футболистом, известным под прозвищем Дондиньо, он был прекрасным игроком и пользовался в тех краях широкой известностью, но не являлся ни самым счастливым, ни самым процветающим. Жить на скромный заработок, который получал в то время профессиональный футболист, особенно играя за небольшой клуб, да еще в таком небольшом городе, как Трес-Корасаес, было почти невозможным делом. Поэтому попытка прокормить семью на такие жалкие доходы могла вызвать только улыбку. Кроме жалования, которое мы называли по-португальски *mixaria*, не очень симпатичное слово, означающее «еще меньше, чем ничего», футболисты тогда редко получали вознаграждения за выигрыш, которые в наше время составляют значительную часть заработка профессиональных игроков. Но все дело в том, что мой отец прекрасно разбирался в футболе и любил эту игру больше всего на свете. Он остался верен футболу, несмотря на постоянные раздраженные разговоры моей матери и финансовые

затруднения семьи, которая становилась все более многочисленной. Он жил надеждой на то, что однажды получит приглашение играть за какой-нибудь известный клуб в каком-нибудь большом городе, и тогда мы преодолеем трудности и заживем как короли.

Эта мечта или по крайней мере первая ее часть действительно исполнилась. Самый значительный шанс в жизни представился в 1942 году, когда один менеджер, увидев его игру, предложил перейти в известный клуб «Атлетико Минейро» из Белу-Оризонти, столицы штата. Мне было слишком мало лет, чтобы это запечатлелось в моей памяти, и тем не менее можно представить себе всеобщее возбуждение в тот день, когда отец собрал в чемодан свои пожитки, расцеловал на прощание всю семью и уехал. Я знаю, какие надежды он связывал с этим отъездом. Я почти осмелю то розовое будущее, которое виделось ему во имя всех нас. Дондиньо был великодушным футболистом, игроком экстра-класса, и нисколько не сомневался в том, что ему требуется лишь одно — шанс проявить себя. И тогда все встанет на свои места.

Как я уже сказал, Дондиньо оказался неудачливым. В самой первой игре с его участием — против клуба «Сан-Кристован» из Рио-де-Жанейро — у него было резкое столкновение с Аугусто, тем самым Аугусто, который позже выступал за клуб «Васко да Гама» и был включен в состав национальной сборной, участвовавшей в чемпионате мира по футболу 1950 года, и даже избран ее капитаном. Так вот, когда Аугусто поднялся, Дондиньо продолжал лежать на земле, корчась в муках. У него был жесточайший разрыв связок правого колена. С первоклассным игроком подобное, конечно, случается не раз и не два, но в любом случае может иметь для него трагические последствия. Игра закончилась вничью со счетом 1:1, а во втором матче «Атлетико» с клубом «Америко» отец мой играть уже не мог.

Ему дали обратный билет в Трес-Корасаес, но я думал, что Дондиньо вообще не вернется. Но, видно,

он очень любил всех нас, он вернулся — совершенно обескураженный, и это состояние усугублялось тем, что он теперь прихрамывал, мучаясь от постоянной боли в колене, а еще оттого, что его непрестанно «пилила» жена — дона Селесте.

— Дондиньо! И раньше, когда обе ноги у тебя были здоровые, все складывалось достаточно плохо, потому что ты не мог прокормить нас своим футболом! Поэтому забудь это безумие! Найди себе нормальную работу, чтобы заработать на жизнь! Жоржи, скажи ему...

Но Жоржи ничего не мог сказать, потому что он любил моего отца и тайне завидовал ему, что он так здорово играет в футбол и что зрители на трибунах приветствуют его, а в городе люди специально переходят на другую сторону улицы, чтобы сказать ему «хелло». Дядя Жоржи, брат моей матери, моложе ее, поэтому он больше похож на моего старшего брата, чем на моего дядю.

Несмотря ни на что, Дондиньо футбол не бросил — хотя колено оставалось припухшим и боль не утихала. Дондиньо боялся делать операцию, и, учитывая уровень нашей местной больницы, он, наверное, был прав. В промежутках между матчами Дондиньо предпочитал обкладывать колено холодными компрессами, и это позволяло ему продолжать выступления за клуб «Трес-Корасаес». Ведь для него это была единственная возможность заработать на жизнь.

Все это я в основном почерпнул из рассказов родных. А вот мои собственные воспоминания связаны с городом Бауру, штат Сан-Паулу. Тогда мне было примерно четыре года. Я хорошо помню, что футбольная карьера Дондиньо занесла нас на короткое время в город Лорена и на еще более короткое — в город Сан-Лоренсо, причем всегда в безуспешной попытке заработать на жизнь. Бауру, однако, было суждено стать нашим постоянным домом. Впервые футбольный клуб не только закрепил за Дондиньо место в команде, но и обещал устроить его на государственную службу, чтобы тем самым облегчить его финансовое положение. Моя мать, которая вознамерилась затеять внутрисемейную войну, как только узнала о предполагаемом новом переезде, да еще о переходе в другой футбольный клуб, мгновенно сдалась, услышав о шансе мужа устроиться на государственную службу. Она надеялась и постоянно молилась об этом с того времени, как стала женой Дондиньо, — и вот мы

опять снимались с места, но теперь, видимо, уже в последний раз.

...К сожалению, город Бауру не стал землей обетованной, на что так надеялась наша семья. Клуб «Лузитания», заключивший контракт с моим отцом, был переименован в клуб «Бауру Атлетик», который возглавили новые менеджеры. Соглашаясь выполнить обязательства футбольного контракта, они в то же время всячески старались увильнуть от ответственности за обещанное устройство Дондиньо на государственную службу. Поэтому нам опять пришлось начинать на новом месте практически с нуля, только на этот раз в совершенно чужом городе, где у нас не было никаких знакомых, но зато добавилось домочадцев — моя бабушка по отцовской линии дона Амброзина и дядя Жоржи. Итак, в доме было семеро: моя бабушка, дядя, брат Жаир, сестра Мария Луиса, мои родители и я. В доме разгорались все более ожесточенные споры, и Дондиньо, помимо того, что ему приходилось играть в футбол с травмированным коленом, был вынужден делить свое время между попытками убедить дону Селесте, что ему действительно была обещана работа на государственной службе, и попытками доказать менеджерам клуба, что они обязаны или найти ему обещанную работу, или подыскать что-нибудь подходящее. Но ни то, ни другое успеха не имело.

А пока дядя Жоржи колот дрова, ходил по домам и продавал. Это ремесло он освоил еще тогда, когда работал у своего отца, однако в Бауру имелось слишком много конкурентов, поэтому зарабатывал он очень мало. Потом он нашел работу в большом магазине по оптовой торговле, в котором продавалось все — от яиц до топорика, так что его заработок в немалой степени помогал прокормить всю нашу семью. Кроме того, в Бауру по выходным приезжала тетя Мария, сестра Дондиньо, которая работала прислужкой в одном из богатых домов Сан-Паулу. Она привозила с собой фрукты, о существовании которых мы даже не подозревали, — яблоки и груши, а также поношенные вещи своих хозяев. Так мы существова-

ли. Но когда я подрос, до моего сознания стало доходить, что такое нищета.

Нищета — это бич, который подавляет разум, иссушает дух и отравляет жизнь. Когда мы не испытывали недостатка в элементарном, самом элементарном, — например, имели достаточное количество пищи в доме или немного денег, чтобы заплатить за квартиру, — мы считали себя счастливыми. В том маленьком доме было много любви, которая помогала преодолеть невзгоды, любви, которая дожила до сегодняшнего дня. Вместе с тем было немало жарких споров, резких взаимных упреков и неприятных стычек в связи с отсутствием самого необходимого для жизни, на что, как упрямо повторяла доня Селесте, у нас законное и неотъемлемое право, поскольку Дондиньо было обещано место на государственной службе.

Дом, в котором мы поселились, был деревянный, и для мастера, сработавшего черепичную крышу, кровельное дело, видимо, не являлось основным ремеслом. Сквозь крышу протекало, как через решето. Но в отличие от решета по какой-то неизвестной мне причине она, похоже, не протекала в одном и том же месте дважды, поэтому каждый раз трудно было угадать, куда положить матрац, чтобы спокойно проспать хотя бы остаток ночи в период ливневых дождей, которые обрушиваются на Бразилию.

Как проявление нищеты я не воспринимал то, что мне приходилось выходить из дома в темноте и, нащупывая руками щеколду уборной во дворе, размышлять, что могут предвещать странные звуки, долетающие из прохладной ночи. Нет, ведь даже у наших соседей, более обеспеченных, чем мы, уборная тоже находилась во дворе. Проявлением нищеты не являлось и то, что приходилось носить редко подходящую по размерам поношенную одежду или оставаться без ботинок, или то, что в холодную ночь всем нам приходилось спать в крохотной кухне вокруг дровяной печи, стараясь при этом лежать, прижимаясь друг к другу, чтобы не замерзнуть (и почему только американцы считают, что во всей Бразилии постоянно жарко?).

Нет, нищета для нас заключалась в постоянных тревожных раздумьях о том, что случится, если вдруг кончатся деньги. Это было страшно.

Нищета — это лишение человека чувства собственного достоинства и уверенности в своих силах. Нищета — это страх. Не страх смерти, который при ее неизбежности вполне оправдан. Нищета — это страх жизни. Жуткий страх...

Правда, в те первые годы, когда мы переехали в Бауру, нищета оставалась проблемой для моих родителей, для доня Амброзины и дядя Жоржи, но не для меня. В Бауру я был очень счастлив. Дело в том, что по соседству жило много мальчишек, моих сверстников, чернокожих, белокожих, — если вообще существуют абсолютно белые бразильцы, — и японцев. Наши игры продолжались с утра до вечера. Поначалу мы создали своеобразный цирк на заднем дворе, устроив трапецию на ветвях мангового дерева, которое росло там. Однако самая крепкая веревка, которую нам удалось раздобыть, оказалась чересчур изношенной, поэтому мое первое раскачивание, за которым следила доня Селесте, оказалось последним. Веревка оборвалась, моим приятелям было велено разойтись по домам, а я заработал свою очередную затрещину.

Поэтому мы решили играть в игры для взрослых, например, в футбол, в который, как мы видели, играют мой отец и другие профессионалы из клуба «Бауру Атлетико», или, как его кратко называют, БАК. Поскольку мы не могли позволить себе купить настоящий футбольный мяч, мы поступали так, как поступает в таком случае большинство мальчишек. Самый большой мужской носок, который нам удалось найти, мы набили тряпьем или смятой газетной бумагой, потом раскатывали его, стараясь максимально придать ему форму шара, после чего перетягивали веревкой. Со временем взрослая и приобретающая сноровку в игре, мы набили носок большим количеством тряпья, в результате чего получился более массивный и более тяжелый мяч. Носки, из которых мы делали мячи, мы часто снимали с веревки для сушки белья, и хозяин не всегда успевал разобраться, куда делись его вещи. Но нам казалось, что наши потребности вполне оправдывали это «одальживание». Ведь человек, мы были убеждены, в любом случае мог обойтись без носков, а вот нам, ребятам, обязательно требовалось подобие мяча, чтобы в него играть.

Несколько лет спустя, когда я проходил службу в бразильской армии, мне кто-то в шутку заметил, что в американской армии существует пословица: «Если оно движется, проводи его взглядом. Если неподвижно, подними его с земли. Если оно слишком велико, чтобы его поднять, нарисуй его». Такой девиз у нас в Бразилии выглядел бы следующим образом: «Если оно движется, ударь по нему ногой. Если неподвижно, ударь по нему ногой и заставь двигаться. Если оно



слишком велико, чтобы по нему ударить ногой, поменяй его на нечто меньших размеров и ударь по нему ногой». Бразильцы учатся наносить удар по мячу, как только они начинают вставать на ноги. Ходить они учатся уже позже.

Наше футбольное поле было расположено на Рубенс Арруда, где я жил. Воротами служили оба конца этой улочки — один на пересечении Рубенс Арруда с Улицей седьмого сентября, другой — тупик, где Рубенс Арруда упиралась в старое тренировочное поле соперничавшего с БАК клуба «Норозесте». Боковые линии поля совпали бы с краем обочины, если бы эта улочка была вымощена. Но поскольку это было не так, требовалось немало усилий даже для того, чтобы удержаться на ногах во время игры. Немало сноровки требовалось и для нанесения удара ногой по нашему мячу, поскольку менялся его вес в зависимости от характера «начинки», а также от частых попаданий его в грязные лужи. Но это не имело ровным счетом никакого значения. Удовольствие от удара по этому мячу, умение привести его в движение, способность заставить его повиноваться моей воле — все это внушало мне глубочайшее чувство собственной силы, которое я ощутил впервые в своей жизни.

Моя постоянная увлеченность футболом не вызвала особого энтузиазма у матери. Для нее футбол был почти тем же самым, что ограбление банка и семь смертных грехов. Но зато он держал меня подальше от более опасных шалостей. К тому же благодаря футболу я оставался у матери более или менее на виду, и в этом тоже был свой резон. За позволение играть мне пришлось взять на себя заботу о младшем брате Жаире, получившем прозвище Зока. Зока был маленький, но он вечно порывался участвовать в игре наравне со всеми, и каждый раз, когда кто-то спотыкался о него, он с пронзительным криком убегал домой, а мне приходилось прерывать игру, получая за это очередную затрещину.

Доня Селесте была (и осталась до сих пор) невысокой женщиной, в то время весом примерно в девяносто фунтов. В каждой руке — по тяжелой кастрюле. У нее была изящная фигура, мелкие, но очень правильные черты лица, красивая голова с копной блестящих коричневых волос, которыми она очень гордилась. Когда она улыбалась, это была самая замечательная улыбка в мире, но, к сожалению, никто из нас, членов

МОСКВА. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СТАДИОН ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА. ИГРАЮТ СБОРНЫЕ БРАЗИЛИИ И СССР. ВНИМАНИЕ: С МЯЧОМ — ПЕЛЕ!

Фото Анатолия БОЧНИНА

семьи, не очень способствовал тому, чтобы она улыбалась. Вместе с тем каждого, кто позволял себе суждение о доне Селесте, находясь под впечатлением ее очаровательной улыбки и ее миниатюрной фигуры, ждал сюрприз. Дело в том, что она управляла домом как всевластная хозяйка. У нее был жесткий принцип: семья Арантес ду Насименту бедна, но ведет себя достойно. Мы не воровали, не просили подаяния, никому не лгали, никого не обманывали; никогда не произносили бранных слов, несмотря на подстрекательство к этому; мы верили в бога и молились ему, хотя вовсе не рассчитывали на то, что он разрешит за нас наши проблемы; мы с уважением относились к людям старше нас; и, самое главное, мы повиновались своим родителям — а не то...

Задумываться над этим «а не то» было чересчур мучительно, ведь в основном мы соблюдали указанные правила, хотя сейчас я не могу не задать себе вопрос, почему мне, если я столь тщательно выполнял все предписания, доставалось столько подзатыльников. Мне кажется, причиной этого было еще одно из установленных доней Селестой правил — я не должен был удаляться от дома, чтобы постоянно слышать ее голос, который для такой хрупкой женщины был достаточно громким.

К сожалению, соседний аэроклуб был вне досягаемости ее голоса. Я украдкой бежал на летное поле каждый раз, когда не мог гонять футбольный мяч. Я долгие часы просиживал там, наблюдая за взлетом и посадкой маленьких самолетов, за тем, как разгоняются планеры перед взлетом и как они взмывают в воздух, словно птицы. Я не отрывал взгляда от летчиков в их защитных очках и кожаных куртках, когда они спускались на землю из своих удивительных летающих штук. Я мечтал о том, что настает такой день, когда я, тоже в защитных очках, куртке и летных сапогах, залезу в один из таких чудесных самолетов и с легкостью птицы взлечу в бескрайнее восхитительное небо. Все земные тревоги будут забыты, нищета отойдет в прошлое. Я посмотрю

рю вниз на землю и увижу наш крошечный домик, а перед ним изрытую дорогу, грязный задний двор с маленьким манговым деревом, и тогда я улечу прочь. Во сне я все время возвращался то к матери, то к сестре, то к отцу, то к бабушке, то к дяде Жоржи, но не к Зоке, а после этого я снова улетаю. Я поклялся, что обязательно добьюсь этого, когда стану большим.

Примерно с семи лет я стал работать чистильщиком сапог. Один мой приятель помог мне смастерить ящик, который отдаленно напоминал сапожную аптечку, а дядя Жоржи финансировал начало этого «бизнеса». По правде сказать, я прежде всего рассчитывал на то, что это новое занятие облегчит мне посещение аэроклуба, поскольку на самолетах, на мой взгляд, летают люди, которые обращают особое внимание на свой внешний вид и поэтому до блеска чистят обувь. Дона Селесте была решительно против и утверждала, что если мне так хочется чистить обувь, я могу заняться этим на нашей улице и чистить сапоги и ботинки нашим соседям. Поскольку большинство из них были такими же бедняками, как и мы, я не видел широких перспектив развития этого предприятия, но когда дон Селесте что-нибудь приказывала, я должен был повиноваться. Так целую неделю я послушно ходил из дома в дом, спрашивая, не желает ли кто-нибудь почистить обувь. За всю неделю только один сосед согласился, чтобы я почистил ему ботинки, но я не уверен, почему он согласился: может, из жалости, а может, потому, что я порядком ему надоел своей беспрестанной стукотней в дверь.

Ботинки соседа не были первым опытом обращения с обувью. Дело в том, что тетя Мария принесла мне пару ботинок, которые стали тесными для младшего сына ее хозяина и которые я тщательно берег, чтобы надевать эти ботинки только по воскресеньям и при посещении церкви. Они были в хорошем состоянии, видимо, мальчик носил эти ботинки аккуратно. Я очень гордился, что имел эти ботинки в собственности. Дона Селесте настаивала, что если у меня такое сильное желание чистить ботинки, я могу попрактиковаться на собственной паре обуви — и я брался за работу под ее строгим контролем. (Я хорошо помню ту пару обуви. Не допуская, чтобы ботинки стали мне тесными, как это произошло с сыном моего благодетеля, я однажды сыграл в них в футбол и истрепал в клоах. Откровенно говоря, мне очень хотелось попробовать удар по мячу обуютой ногой...).

Когда выяснилось, что наша улица Рубенс Арруда неспособна обеспечить мне достаточную клиентуру, я, наконец, сумел убедить Дондиньо, что он должен поговорить с доной Селесте, чтобы она разрешила мне в следующую субботу пойти на стадион, где будет играть БАК. Я собирался предложить свои услуги зрителям прямо на трибунах. Ведь среди них наверняка найдутся желающие почистить обувь — одни, чтобы произвести впечатление на своих девушек, другие, чтобы уязвить своих конкурентов, да и вообще мало ли какие могут быть мотивы. В то время я никак не мог понять, по каким таинственным причинам именно взрослые испытывают такое удовлетворение от начищенных ботинок. К моему удивлению, дон Селесте не стала упорствовать и согласилась, но при условии, что на протяжении всей игры Дондиньо не будет спускаться с меня глаз. Дондиньо, естественно, едва ли мог играть на поле в футбол и одновременно присматривать за мной, но когда игра закончилась и он пришел, чтобы меня забрать, я уже заработал более двух крузейро! Мы так вместе и пошли домой, обнявшись, — как два кормильца.

На узких улицах Бауру теснились магазины, предлагавшие все, что я желал, но чего не имел. В городе имелось немало маленьких гостиниц, одна из них напротив вокзала. Затаив дыхание, я наблюдал за приближением к платформе огромных паровозов, которые пытели и фыркали как какой-нибудь хвастливый дракон. Из вагонов вылезали люди, держа в руках всякие чемоданы, ящики и пакеты, перевязанные веревками, а иногда даже клетки с цыплятами (во внутренних районах Бразилии наиболее надежный способ обеспечить свежесть пищи — держать ее живой). В моем воображении проплывали удивительные экзотические места, откуда они приезжали и куда отправлялись: интересно, доведется ли мне когда-нибудь увидеть эти места?

Иногда по улице верхом проезжали также скотоводы, вместо седла — выкрашенная овечья шкура, без подпруги, без стремян, ноги свободно покачивались в такт движению, как раскрытые защелки для белья, сапоги все в грязи и в царапинах от чертополоха, кожаные шляпы затянuty шнуром под подбородком. По субботам после полудня кое-кто из них привязывал лошадь около вокзала, чтобы почистить свои сапоги. Надо сказать, для меня это всегда оставалось загадкой: к чему было чистить сапоги, если они вмиг снова будут грязные и в царапинах? Но тогда я был еще слишком молод, чтобы знать, что появление в баре в нечищенной обуви считалось признаком дурного тона.

Несмотря ни на что, я никогда не допускал, чтобы игра в футбол страдала от моей работы чистильщиком сапог. Поезда на северо-западном вокзале прибывали и отправлялись строго по расписанию, и поскольку оставаться там после полудня, когда отправлялся последний поезд, не имело никакого смысла, я спешил на футбольное поле. Оставив дома сапожную аптечку и заработанные деньги, я с мячом из набитого тряпьем носка под мышкой мчался к товарищам. Мы носились взад и вперед по полю, били по мячу, старались обводить друг друга, играя яростно и ненасытно, пока не стемнеет и не раздастся голос моей матери или ее связного Зоки.

Примерно в то время (мне шел тогда восьмой год или едва исполнилось восемь, точно не помню) Дондиньо, наконец, получил место на государственной службе — всего через три или четыре года после того, как она была обещана, что, как считают многие, по бразильским нормам совсем не плохо. Это было место санитары или, лучше сказать, мальчика на побегушках в больнице. Ему приходилось мести полы, мыть подкладные судна, помогать таскать носилки с пострадавшими из машин скорой помощи в травматологическое отделение, варить и подавать кофе, грузить и разгружать продукты и прочее — короче, делать все, что ему велели. Эта работа не была бог весть какая значительная, но она сразу изменила всю атмосферу в доме. Хотя получаемая отцом зарплата не избавила нас от нищеты, но она тем не менее вывела нас из самых нижних в верхние эшелоны нищенствующих. Поэтому можно сказать, что это был гигантский шаг вперед. Он также устранил основную причину споров среди домашних и еще больше сплотил нас.

Довольно часто, проводив последний поезд, я воздерживался от игры в футбол и отправлялся в больницу, чтобы по мере сил помогать Дондиньо. Я варил кофе, кроме того, выносил и обмывал подкладные судна. Я подсознательно ощущал потребность быть рядом с ним. И если в течение дня выдавалась свободная минута, что, в общем, случалось крайне редко, он садился и начинал рассказывать мне о разных командах, с которыми ему довелось играть, об известных футболистах, которых ему посчастливилось знать, и в каждом его слове чувствовалась любовь к этой игре. Он рассказывал мне о своем старшем брате, моем дяде Франциску.

— Если ты когда-нибудь станешь профессиональным футболистом, Дико, я уверен, ты унаследуешь его мастерство. Он умер, когда ему исполнилось всего двадцать пять лет. Мне было шестнадцать, и я думал, что ни за что не сумею оправиться после его смерти. Но он оставил мне кое-что в наследство — футбольные финты. Его звали Шикю ду Жонас. Люди старшего поколения до сих пор помнят его и его игру в таких городах, как Мокока, Каза Бранка, а также на юге Минаса.

Думаю, что именно эти беседы так сблизили нас. Мы были не просто отец и сын, а близкие друзья. Дондиньо был очень привлекательным мужчиной с прекрасными физическими данными. В отличие от Соединенных Штатов, где существует такой культ телосложения, как, например, у тяжелоатлета — сплошь мышцы да плечи, — у отца было пропорциональное гибкое тело, мускулистые руки и ноги. Во всем этом заложена недооцененная физическая сила — идеальная комплекция для футболиста. Если дон Селесте отличалась раздражительностью, Дондиньо был спокойным и уравновешенным. Прежде чем что-нибудь сказать, он всегда тщательно взвешивал и после этого отстаивал свое мнение до конца. Он был (и остался до сих пор) прекрасным отцом.

Как-то вечером, когда выдавалась свободная минута, он усадил меня рядом, чтобы поговорить как мужчина с мужчиной. Я до сих пор помню тот вечер; тусклый свет — лампочки в государственных больницах почти всегда сорокасвечевые, не более, если они вообще есть, — блестит кафель, недавно начищенный Дондиньо, на полу изношенный линолеум, постоянный запах карболки, напряженная тишина в ожидании того, что среди ночи кто-нибудь вдруг закричит от боли. Я хорошо помню также, с каким удовлетворением я воспринял намерение отца серьезно поговорить со мной.

— Дико, какие у тебя планы, когда вырастешь? — спросил он.

В общем, я не сомневался в том, какой ответ он ожидал от меня услышать. Наверняка, что я хочу стать футболистом-профессионалом, когда вырасту, как незнакомый мне дядя Франциску. Но вместо этого я, не задумываясь, произнес: «Хочу стать летчиком, чтобы летать на самолетах».

К моему удивлению, Дондиньо среагировал на это совершенно спокойно.

— Совсем неплохо, — сказал он. В его голосе звучали искренние нотки. — Но ты знаешь, что потребуется от тебя, чтобы стать летчиком?

— Конечно, — ответил я, удивляясь, что Дондиньо

может в этом сомневаться. — Учиться летать на самолете.

Дондиньо улыбнулся своей нежной улыбкой.

— Боюсь, это будет не сразу. Ты знаешь, летчики должны уметь читать карты, управлять самолетом, перелетая с одного места на другое и не сбиваясь при этом с курса. Не кажется тебе, что было бы полезно сначала научиться читать и писать, разбираться в арифметике, в других науках?

Я не задумывался над этим раньше, но сейчас, когда Дондиньо заговорил первым, мне это показалось резонным. Я не испытывал никакого отвращения к школе; фактически, чем больше я об этом размышлял, тем больше благих мыслей приходило мне в голову. Например, весьма полезным для жизни может оказаться чтение. Если умеешь читать, не будешь привязан к трескучему радиоприемнику, чтобы слушать радиорепортажи о футбольных матчах; научись читать, сможешь разобраться в том, что пишет о футболе «Дейли Джорнал», которая издается в Бауру, а также будешь в курсе всех футбольных игр лиги и будешь знать всех популярных игроков. Я решил про себя, что, если поискать, найдутся, наверное, и другие мотивы в пользу чтения и письма. Но тут были и свои проблемы.

— Пап, но я ведь еще сапоги людям чищу, как насчет этого?

— После школы ты поспеешь на вокзал до прибытия поезда.

— А как же футбол?

По лицу Дондиньо пробежала едва заметная улыбка.

— Несмотря на то, что тебе придется ходить в школу, работать чистильщиком сапог, помогать мне здесь в больнице, делать дома уроки, ты все равно выкроишь время для игры в футбол.

Он подмигнул мне.

— Ты ведь мой сын...

Когда сейчас с высоты прожитых лет я вспоминаю, с каким волнением в тот первый раз переступил порог начальной школы Эрнесто Монте... Трудно поверить, сколько с этим было связано хлопот. Вся моя одежда была заново и аккуратно заштопана. Меня так тщательно скребли щеткой с мылом, что у меня звенело в ушах. На мне были восковые ботинки (разумеется, начищенные до блеска). В руке я держал настоящий школьный портфель с двумя чистыми тетрадями и коробкой цветных карандашей. Мое сердце переполнялось восторженностью, а моего желания учиться хватило бы на десятерых.

Примерно в то время меня стали звать Пеле. Я не представляю себе, откуда могло взяться это имя и в чьих устах оно прозвучало впервые, потому что, насколько мне известно, оно ничего не значит ни в португальском, ни в любом другом языке. Я неоднократно приезжал в Бауру и каждый раз расспрашивал старых приятелей, но они тоже не могли сказать мне ничего вразумительного о происхождении моего имени. Они утверждают, что имя родилось просто так, неизвестно когда, после чего оно прилепилось ко мне, потому что оказалось подходящим, что бы оно ни означало. Правда, одно время, хорошо помню, я ненавидел это имя, из-за чего в школе нередко возникали драки. Видимо, в этих драках меня преследовали неудачи, так как имя пристало ко мне. Для всех знавших меня я стал Пеле, для всех, но не для родных, которые по сей день называют меня Дико.

Кстати сказать, за имя денег платить не надо, поэтому даже самый бедный, задавленный нищетой бразилец может позволить себе такую роскошь, как приобретение пышного букета имен. Так он и поступает. Он не скупились и на прозвища, возможно, по той же причине, причем очень немногие прозвища что-либо значат. Мне неизвестно, например, почему мой брат, названный при крещении Жаиром, получил прозвище Зока. Иногда я начинаю подозревать, что прозвища, особенно короткие, возникают не без влияния наших радиокomentаторов или же просто придуманы ими. Бразильский радиокomentатор, рассказывающий о важном футбольном матче, производит впечатление истеричного пулемета, стреляющего безумными очередями. И ему, конечно, очень помогает, если игроков зовут Пеле, Диди, Вава или Пепе. Я даже представил себе не могу такого радиокomentатора, который в своем репортаже произнес бы весь мыслимый набор типичных бразильских имен:

«...Эдсон Арантес ду Насименту получает мяч от Себастьяна да Силва Тенориу Тейшейра Араужу и передает его Валдемару Жоао Мендес де Мораис Филью, который обыгрывает Артура Рибейру Карвальо Жозе Бриту и проталкивает мяч Руй Морейра Акасиу Гимараенсу, который бьет головой...»

Прежде чем он успеет рассказать только об одном таком игровом эпизоде, пройдет добрая половина матча, и все болельщики в перерыве между таймами покинут трибуны, чтобы выпить по бутылке пива...

Перевод Владимира КОТЕЛКИНА.



Евгений
РЯБЧИКОВ

ОТ ВОЛГИ ДО ПОЛЮСА

Мощный ствол Обнинской башни, устремленный к облакам, предстал предо мной величавым деревом современной науки. У его железобетонных корней, влившихся в землю, раскинулись корпуса Института экспериментальной метеорологии, дальше виднелись строения первой в мире атомной электрической станции, тянулись улицы города науки. Внутри башенного ствола лифт поднял нас в обсерваторию, подобно ласточкину гнезду прилепившуюся к бетону и небу. Еще выше, над обсерваторией, — смотровая площадка с антеннами и рядами, обвешанными приборами.

Академик Евгений Константинович Федоров остановился на площадке около ограды, как на капитанском мостике. Он посмотрел на далекие дали, на ослепительно яркий горизонт, потом перевел взгляд на атомную электрическую станцию. Башня — зоркий часовой,

день и ночь следящий за состоянием атмосферы, и в частности за соблюдением чистоты воздуха. Эту единственную в то время в мире метеорологическую башню-лабораторию задумал Федоров и все сделал, чтобы она здесь и выросла. Когда строили институт и башню, Федоров перебрался с семьей из Москвы в Обнинск: для него институт и башня были не просто уникальными по тем временам сооружениями с весьма сложными лабораторными установками — они обозначали новый этап наступления на тайны метеорологических процессов, открывавших возможности воздействия на погоду.

Советская наука разрабатывала стратегию и тактику изучения земного шара, его атмосферы и окружающего космического пространства. Нужно было решительно переходить от метеорологических будок и флюгеров к мощным и масштабным исследованиям, используя при этом совершенные достижения науки и техники. Уже созрел грандиозный

план комплексных исследований всех слоев атмосферы, Мирового океана, ледников Антарктиды и льдов Арктики, рек и озер, подземных водохранилищ, чтобы получить единую и динамичную картину всей атмосферы и от наблюдений перейти к активному воздействию на погоду, к преобразованию природы.

Я смотрел на академика Федорова, в задумчивости стоявшего на вершине Обнинской башни, и вспоминал другую высоту, иное время и другого Федорова. В те далекие годы самолет в Нижнем Новгороде был редкостью, но ощущение высоты и полета над землей создавали венчавшие Волгу зеленый Откос и посевы в веках башни нижегородского кремля. Сюда и приводил нас, школьников, учитель географии, и мы, осматривая заречный голубой простор и широкую излучину могучей реки, видели Землю не в масштабах школьного глобуса, а в ее живом и реальном обличье.

Нынешний Горький, а тогда еще Нижний Новгород, сохранял в те годы свой бурлацкий вид, и на Миллионке — на «дне жизни» — можно было встретить персонажей из рассказов Горького; ныла и гуляла ночлежка Бугрова, на пристанских стенках красовались выведенные аршинными буквами названия бывших пароходных компаний. Но уже над белянами и расшивами, над плотами и горластыми буксирами выселись на Откосе мачты Нижегородской радиолaborатории, превращавшей в явь ленинскую мечту о газете без бумаги и расстояний. Призывно гудело и грохотало на стапелях листовым железом дымное Сормово; поговаривали о строительстве автомобильного завода и о новых пароходах на Волге. Старое и новое окружало нас, бередило души. История требовала познания героического прошлого, а будущее искало среди школьников своих подвижников. Теперь только начинаешь понимать, что уже тогда, многие годы назад, скромный и прилежный Федоров, с которым я сидел рядом на парте, увлеченно занимался изучением растений и птиц, мог часами наблюдать за движением облаков и звезд. Не тогда ли, думаю я, Волга и зеленый Откос, и заросшие травами древние башни кремля, и роши на Мызе стали для юного Федорова той природной лабораторией, в которой школьник дополнял учебные знания живыми наблюдениями за растениями, речной волной и облаками в небе.

У настоящего таланта цель в жизни выявляется, как правило, рано. И если многие из нас метались в поисках своих целей, — одни думали стать речниками, благо манила Волга, других притягивали к себе медицина и архи-

НЕОКОНЧЕННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

ИЗ ПОЛЯРНОГО ДНЕВНИКА

Евгений ФЕДОРОВ,
академик,
Герой Советского Союза,
член Президиума
Верховного Совета СССР

9 апреля 1972 года. Диксон. Вчера рано утром — в 7.30 — я заехал в гостиницу за Президентом АН Кубы Нуньесом Хименесом и его спутником, директором Института физики Земли АН Кубы Давидом. Оба уже сидели в вестибюле в новых, только что выданных им кожаных костюмах. На ногах теплые, собачьего меха, унты, рядом на полу большие рюкзаки со спальными мешками и всяким добром, на них лежат летние куртки на меху и брюки, теплые шапки-ушанки. В общем, всем видно, что к полету на полюс изготовились.

Вылетели из Быкова на «Ил-14» полярной авиации, который повезет нас по всему маршруту.

Нуньес давно хотел побывать в Арктике. «Дело нехитрое, — говорил я ему, — прилетай в Москву в марте или апреле, и отправим тебя в Арктику, а то и вместе летаем». И вот летим. Побываем на нескольких полярных станциях, обсерваториях и на СП-19 — она сейчас как раз в районе полюса.

Захотел повидать Арктику и Александр Васильевич Сидоренко — министр геологии СССР, с которым я давно знаком — еще по работе в Академии наук. Ему надо побывать в Воркуте и на Ямале, а в Центральную Аркти-

ку тянет интерес давнего путешественника. Председатель Совета Министров внял его просьбам и отпустил на неделю.

Нынешний «хозяин» Арктики — директор Арктического и Антарктического научно-исследовательского института Гидрометслужбы А. Ф. Трешников — отправил с нами своего заместителя В. И. Сердюкова. До Диксона с нами идет также известный полярный летчик Марк Иванович Шевелев.

Сейчас вся компания расположилась на нескольких креслах в передней части — пассажирском отсеке — фюзеляжа, отгороженной занавеской. Здесь тепло. За занавеской дополнительные баки с горючим и различный груз.

На столе грудой лежат фотоаппараты, кинокамеры — у Нуньеса и Давида их по несколько штук, стоят горячий чайник и кружки.

— Зачем столько камер, Нуньес?

— Да, знаешь ли, многие товарищи, — Нуньес называет фамилии некоторых видных партийных и государственных деятелей республики, — просили сделать фото- и киносъемки в Арктике именно их аппаратами.

Нуньес с помощью Давида, который учился у нас и говорит по-русски, выпрашивает Александра Васильевича об организации геологической разведки в Советском Союзе, о методах скоростного бурения, о поисках нефти и газа в Северо-Западной Сибири.

Мы с Марком Ивановичем и Сердюковым обсуждаем ситуацию, складывающуюся в связи с ликвидацией Уп-



равления полярной авиации и передачей ее отрядов в территориальные управления Министерства гражданской авиации. Обсуждаем, как лучше распределить обеспечение экспедиций и дрейфующих станций Гидрометеорологической службы между этими территориальными управлениями.

Совершив короткую посадку в Сыктывкаре, к 17 часам приходим в Воркуту. Здесь Александра Васильевича уже ждет большая группа геологов, специалистов-угольщиков, работающих в Воркуте, и разведчиков нефти и газа, прилетевших сюда с Ямала и низовья Оби. У них масса вопросов к своему министру, и он ведет совещание в течение двух часов, дольше невозможно — нам надо к вечеру добраться до Диксона.

В 20 часов московского времени мы прибываем на Диксон. Здесь уже глубокая ночь, однако встреча,

ющие — начальник Диксонского управления Гидрометслужбы Мироненко и секретарь районного комитета партии — считают, что спать еще рано, и усаживают нас за обильный стол.

Сегодня встали поздно — по диксонскому времени около 12 часов. Вместе с Мироненко осматрели его хозяйство. Радиоцентр только что построен, очень хорош. Приемная часть, расположенная в отдалении, на краю поселка, совершенно закончена. На передающем центре с большим набором мощных передатчиков заканчивается отделка. Хорошо выглядит Бюро погоды. Сведения со всей нашей Арктики поступают сюда быстро.

Но все это так и должно быть, а гордится Мироненко больше всего построенными в самое последнее время детскими яслями и садом.

Чистенькое и снаружи и, разумеется, внутри одноэтажное зданье, про-

тектура, третьих сормовская техника,—то Женя Федоров сразу определил свою цель, свои интересы, связанные с естествознанием, с огромным таинственным миром природы, и прежде всего с метеорологией.

После выпускного вечера, напутственных речей, клятв, тостов бродили мы до рассвета по Откосу, и каждый из нас мечтал о будущем.

Жизнь разметала нас по белу свету. Окончив школу, Федоров год работал радиотехником — разъезжал на телеге по деревням и селам, устанавливал в избах-читальнях радиоприемники. Радио еще было чудом, и на юного Федорова смотрели как на чародея. Едва включив приемник, он давал возможность крестьянам слушать музыку из Москвы. Осваивая радиотехнику, Федоров считал, что она обязательно пригодится ему в будущих экспедициях.

Целеустремленность Федорова сказалась при поступлении на физический факультет Ленинградского университета, — он избрал геофизическую специальность, справедливо полагая, что здесь он найдет ключ к экспедициям. И он не ошибся — после третьего курса он уже возглавил поисковую партию на Среднем Урале по программе Генеральной магнитной съемки страны. То пробирался со своей партией по таежным чащобам, то спускался по бурным рекам на лодках, Федоров познавал суровую и прекрасную жизнь исследователя, геофизика-магнитолога.

Но вот окончен университет. Можно было остаться в аспирантуре, но Федоров, все обдумав, пожелал работать в суровых условиях Арктики. Ее карта в те времена была усыяна «белыми пятнами», а пространства

высоких широт называли «кухней погоды». Евгению Константиновичу представилась счастливая возможность работать под руководством Ивана Дмитриевича Папанина на полярной станции Земли Франца-Иосифа. Во тьме полярной ночи, в трескучие морозы, под неумолчный рев и гул пурги Федоров аккуратно занимался исследованиями, тщательно вел свои наблюдения и зарекомендовал себя в высшей степени надежным работником. А потом была зимовка на мысе Челюскина, о которой с такой теплотой рассказывает в своей книге «Лед и пламень» И. Д. Папанин: «...мыс Челюскин из географического понятия стал для меня реальной землей, которую надо было обживать и обустривать... Я обрадовался, что на мыс Челюскин согласились поехать некоторые мои товарищи, с кем провел я год на Земле Франца-Иосифа, и среди них Женя Федоров. Он только что женился, и я предложил ему поехать с женой:

— Твоя Анна — женщина с характером и волей, к тому же дипломированный специалист.

Анну Викторовну уговаривать не пришлось. Ее зачислили на должность геофизика: она вместе с Евгением окончила физический факультет Ленинградского университета».

Супруги Федоровы работали самозабвенно. Пунктуальность, с которой выполнял Федоров все свои наблюдения, точность сведений о явлениях природы, беззаветность служения науке молодого геофизика и его жены произвели впечатление на бывалых полярников. Иван Дмитриевич Папанин, хорошо знавший суровый нрав Арктики, только восхищался, с какой стойкостью и скромностью несли свою

научную вахту Федоровы, с какой отвагой уходил Евгений в дальние походы на собачьих упряжках. И, когда формировалась первая экспедиция на Северный полюс, Иван Дмитриевич Папанин счел необходимым включить в свою «четверку» проверенного на полярных ветрах комсомольца Евгения Федорова.

Помню то весеннее утро 1937 года, когда таяли снега на Центральном аэродроме Москвы и около крылатых громад воздушной экспедиции завершалось последнее приготовление перед вылетом на Северный полюс. Все было удивительно скромно и просто, и не было ощущения, что люди готовятся к подвигу. О. Ю. Шмидт и М. И. Шелелев уточняли с М. В. Водопьяновым маршрут следования воздушных кораблей на вершину планеты. Одежды в меха Федоров проверял, как шутиливо говорил Кренкель, «каждый гвоздь в ящике, а не только приборы». Папанин отдал команду — готовиться к отлету. Мы обнялись с Федоровым, на миг вспомнили былое, школу, еще раз договорились: Евгений будет специальным корреспондентом «Комсомольской правды» на Северном полюсе. Забрав последние приборы, Федоров поднялся по узкой железной стремянке на борт воздушного гиганта, прощально махнул рукой, и вскоре тяжелые самолеты, сотрясая воздух моторами, пошли на взлет.

Что бы потом ни происходило на Северном полюсе во тьме полярной ночи, среди вздыбленных торосов, от Федорова регулярно поступали и научные сведения и репортажи. А льдины рвали предательские трещины, сокрушали валы из торосов, стужа обжигала лицо и

руки. Четверка папанинцев самоотверженно несли свою вахту мужества на вершине Земного шара, сообщила метеорологические прогнозы пролетающим через полюс в Америку экипажам Чкалова и Громова, информировала мир о «кухне погоды».

Когда теперь перечитываешь дневники Е. К. Федорова, которые он вел на полюсе, и написанные позже им книги, то видишь, как закалялся его характер. Личность формируется в действии, в труде, борьбе и дружбе, а всего этого на полюсе было в избытке. Сама жизнь на «макушке планеты» побуждала думать Федорова о Земном шаре, о грозной и жестокой природе, мечтать о том времени, когда Человек станет властелином планеты.

Земля и Человек... Как слаб был он в далеком прошлом и каким могуществом обладает теперь! Не пора ли готовиться к активному воздействию на климат, заставлять небо проливать дожди по расписанию — в определенное время и в заданном месте? Нет, это не были беспочвенные фантазии. После завершения героического дрейфа началась яркая, полная напряжения, неистовая и самоотверженная жизнь в науке. Став руководителем всей гидрометеорологической службы страны, Евгений Константинович Федоров совершил в ней коренную революцию — добился оснащения современной техникой, ввел новую методику, вырастил новые кадры, сменил в армии гидрологов и метеорологов смелую веру в победу над природой. С той поры протянулись духовные нити от Е. К. Федорова к новым экспедициям на Северный полюс и в Антарктиду, к первым метеорологическим ра-

сторные комнаты — спальни, комнаты для игр, полные разнообразных игрушек, столовые.

Улицы в поселке пока еще не очищают от снега, и в средней части каждой остается неширокий проезд для тяжелых грузовиков, тракторов и вездеходов.

Люди идут по тропкам, а ребяташек возят в ясли в крытых санках-«лимзуинах» — наподобие крохотных аэросаней, сработанных родителями, каждым семейством на свой вкус, пестро раскрашенных и разрисованных. Это практично. Ребенка можно доставить из дома в ясли в любую пургу.

Осмотрев свое хозяйство, собираем актив радиометеоцентра. Сейчас начинается напряженный период в его жизни. В полном разгаре воздушная навигация — идет смена персонала на полярных станциях, расположенных на отдаленных островах, на дрейфующих станциях. На всей акватории Ледовитого океана, на дрейфующих льдинах ведут исследования группы ученых — их доставляют туда легкие самолеты и вертолеты.

По всем направлениям пересекают океан самолеты стратегической ледовой разведки: ее задача — следить за движением ледяного покрова океана. Он отнюдь не однороден — гидрологи давно выявили основные массивы льда, перемещающиеся в соответствии с расположением барических областей и господствующими ветрами.

9 апреля. В Арктическом и Антарктическом научно-исследовательском институте в Ленинграде уже составляются ледовые прогнозы для всей трассы Северного морского пути. Ученым надо все время следить за ледяным покровом, уточнять прогнозы — ведь они служат основанием для того, чтобы правильно расположить ледоколы на трассе, определить наиболее благоприятное время прохода различных ее участков кораблями.

Однако позже, летом, когда начнется движение кораблей, работы будет еще больше. Ледовая разведка станет тактической — для определения наиболее выгодных маршрутов караванов судов, ведомых ледоколами.

Об этом докладывает Мироненко. Затем выступают руководители подразделений Центра. Они высказывают и некоторые критические замечания о своей работе и, как всегда, обращают

ся с просьбами о помощи. Не мешало бы дать вездеходы нового выпуска — нынешние «М-47» уже прошли несколько ремонтов, ненадежны. Штаты увеличить, выделить больше средств на жилые дома и т. п. В общем, идет обычное производственное совещание.

Интересно наблюдать за Хименесом. Это собрание его чрезвычайно интересует. Он внимательно слушает перевод Давида, часто переспрашивает, просит уточнить. Участники совещания чувствуют его интерес, это их подталкивает, выступления становятся серьезнее, предложения более продуманными, деловыми.

В конце совещания он выступает — вероятно, впервые на Диксоне звучит испанская речь. Он взволнованно говорит о том, как интересно ему все, с чем он здесь встретился. И природа этого острова, и то, что здесь сделано советскими людьми, и вот это собрание, обсуждение текущих дел, столь привычное для нас, но новое для него — представителя молодой социалистической страны.

Дежурный сноптик подходит к Мироненко и что-то тихо ему говорит. Тот ко мне: «Средний открыт, самолет подготовлен, можно лететь». Заканчиваем совещание, захватываем вещи в гостинице, и вездеход, спустившись на лед бухты, где расположен аэродром, быстро бежит к самолету, который ревет, прогревая двигатели на полных оборотах.

9 апреля. В полете. Остров Средний — СП-19. Остров Средний — один из группы небольших островков у западного берега Северной Земли. Недалеко от него, к юго-востоку, — остров Домашний, где сорок лет назад жила группа Ушакова, выполнявшая героическую работу в этих краях. Там до сих пор стоит их домик. На островке не хватало места, чтобы построить взлетно-посадочную полосу, и когда потребовалось создать в этом районе авиабазу, выбрали остров Средний.

Теперь это оживленный аэропорт на стыке Западного и Восточного секторов Арктики. Сейчас самый благоприятный период для полетов на дальние полярные станции, снабжения и смены персонала дрейфующих станций. В нескольких небольших деревянных домиках, расположенных у одного из концов взлетно-посадочной полосы, скопилось множество людей.

Нам предстоит выждать здесь несколько часов, и мы едем на вездеходе на расположенную недалеко полярную станцию.

Старенный вездеход «М-47» напоминает катер, он и в действительности может при нужде плавать. Металлический кузов с брезентовым верхом. Внутри по бокам скамьи. Неширокие гусеницы позволяют идти по крепкому снегу даже целиной. А сейчас он быстро бежит по протоптанной им же самим дороге, сильно качаясь на ухабах. Вспоминаю, как около 40 лет тому назад мы с И. Д. Папаниным впервые катили на танке-амфибии по таймырской тундре, часто проваливаясь в глубоком снегу и выгребая снег из-под броне машины.

Вот и станция. Типичная полярная станция — она расположена на берегу моря. Одноэтажный дом, в котором размещены метеорологическая и гидрологическая лаборатории, столовая, кухня и жилые комнаты.

Рядом «силовая» — домик, где стоят два дизеля: один работает, другой в запасе. Большая аккумуляторная батарея — на всякий случай. В 100 метрах метеорологическая площадка. Нас радушно встречает весь коллектив станции — 11 человек: три уже молодые супружеские пары, давно работающие в Арктике, три молодые девушки и два парня. Угощаем чаем, приглашаем обедать, но нам некогда. Проведя около часа на станции, возвращаемся в порт и вот уже третий час летим над Ледовитым океаном.

На Среднем к нам сел Красноперов — заместитель начальника нынешней высокоширотной экспедиции. Это на его ответственности лежит проведение различных исследований в океане летними отрядами и снабжение дрейфующих станций. Сейчас он курит здоровенную сигару, которой его угостил Хименес. Александр Васильевич дремлет.

Идем на высоте около 3000 метров. Выше нас небольшая облачность верхнего яруса, внизу — привычная для меня картина океана — ледяные поля, окаймленные грядами торосов, отделены друг от друга узкими трещинами или неширокими разводами. Местами от черной воды поднимаются испарения. Картина, знакомая мне и другим нашим полярникам, но совершенно новая для Хименеса и его спутника.

Взволнованные, с радостными, возбужденными лицами, они перебегают от одного борта к другому, смотрят, вжимаясь в иллюминаторы, спрашивают, что это виднеется там или там, фотографируют.

Штурман, видя это, пригласает Хименеса на свое место у широкого блистера. Здесь у Нуньеса отличный обзор, и он немного успокаивается. В 20 часов московского времени 9 апреля мы подходим к полюсу — дрейфующая станция СП-19 сейчас как раз в его районе.

9 апреля. 22 часа. Станция СП-19. Мы сели на СП-19 в 20.30. Вперед выпускаем Хименеса — пусть он первым станет на лед на Северном полюсе. Нас встречают несколько человек — полярники СП-19 и дежурный по аэродрому. Выгружаем привезенное имущество. Командир самолета Яков Яковлевич Дмитриев собирается сейчас же лететь обратно. За нами он прилетит завтра, 10 апреля, около 14 часов. «Яков, скажи штурману, пусть держит курс на Средний, а то опять полетишь в Америку», — смеясь, говорит командиру самолета начальник дрейфующей станции. Дмитриев немного смущен, но отшучивается.

Был с ним на днях досадный случай. Возвращаясь с СП-19, он, естественно, пошел на юг — от полюса других направлений нет. Но не на Средний, а по тому же меридиану в обратную сторону. Только через два с половиной часа штурман сообразил, что они летят в Канаду. Развернулись и едва дотянули до СП-18 — садились на последних каплях горючего.

Рюкзаки собирают рюкзаки, и мы, не торопясь, идем на станцию. Снег крепкий — уплотнен ветрами, нога не проваливается.

Везде заструги, только на взлетно-посадочной полосе они срезаны бульдозерами, а снег выровнен и уплотнен тяжелой волокушей, которую время от времени протаскивает по полосе трактор.

Ледяной остров — новинка для меня. Лишь один раз, в 1954 году, я пролетал над подобным островом, рассматривая остатки брошенной американцами дрейфующей станции. Хотя это большой плоский айсберг, отколовшийся когда-то от ледника, но его края не похожи на вертикальные синеватые ледяные стены береговых обрывов ледников, сползающих в море.

кетам и оборудованию самолетов под летающие обсерватории, к строительству Обнинской башни и расширению сети метеорологических постов и станций. Широкое использование спутников и кораблей науки, внедрение электроники и вычислительной техники и новейших средств связи, включая космическую, разительно изменило всю метеослужбу и позволило дерзновенно перейти к первым экспериментам по активному воздействию на погоду. Я видел, как с самолетов рассеивали специальные химические вещества, и под их воздействием набрякшие дождями черные тучи рассеивались, небо светлело, и дождя как не бывало. А в Алазганской долине Армении, защищая виноградники от града, стали обстреливать тучи из пушек, запускать ракеты и тем самым избавлять плантации от бед. Сейчас уже в ряде стран входит в практику «засевание» облаков в горах с тем, чтобы увеличивать снежный покров и таким образом обеспечивать водой турбины гидроэлектрических станций. В ряде случаев используется методика образования искусственного дождя над полями и плантациями.

Однако радость первых успехов омрачена фактами, заставившими некоторых ученых и мировую прессу забыть тревогу по поводу возможных необратимых изменений природной среды, в том числе и климата, из-за бурного развития научно-технической революции, роста могущества самого Человека. До середины XX века колебания климата сравнительно мало зависели от человека и его хозяйственной деятельности, но за последнее время это положение существенно изменилось. С момента, когда люди зажгли свои

первые костры, и до 1969 года на сжигание примерно 30 миллиардов тонн добытой нефти, 90 миллиардов тонн угля и более 8 триллионов кубических метров природного газа безвозвратно израсходовано 273 миллиарда тонн кислорода. Только в США ежегодно выбрасывается в воздух 172 миллиона тонн сажи, пыли и пепла. Атмосфера Земли насыщается углекислым газом, что ведет к образованию так называемого «парникового эффекта» — повышению температуры воздуха у земной поверхности. Угарный газ образует как бы своеобразную пленку, не позволяющую теплу солнечных лучей, отражаясь от планеты, уходить во Вселенную. Сохранение тепла может вызвать таяние льдов в Арктике и Антарктиде, что приведет к повышению уровня Мирового океана.

Вырубая на огромных площадях леса, создавая рукотворные искусственные водохранилища, озеленяя пустыни, человек тем самым влияет на состояние климата. Следовательно, борьба за чистоту атмосферы, забота о сохранении планеты и условий жизни на ней для человека приобрели глобальный, всемирный характер. В этом смысле знаменательно, что для академика Е. К. Федорова борьба за спасение планеты слилась с борьбой за мир, став нравственной необходимостью. Е. К. Федоров живет в непрерывном движении по странам и материкам. С одной стороны, он занимается исследованиями на Северном и Южном полюсах, на экваторе и в пустынях, в горах и тайге, а с другой — сражается за мир, за международную разрядку.

Не допустить безумия! — вот смысл активных и упорных действий академика Е. К. Фе-

дорова, главы Советского комитета защиты мира. Он хорошо знает, что только мир, только разрядка могут обеспечить людям жизнь. А жизнь — самое дорогое и неповторимое, что есть на свете.

Нужно оберегать планету Земля. Нужно оберегать человечество. И если объявлять войну, то войну войне.

Евгений Константинович Федоров, которому исполнилось 70 лет, — академик, член Президиума Верховного Совета СССР, председатель Советского комитета защиты мира. Трудно перечислить все, что делает и чем занят он! Но, несмотря на свою занятость, он не забыл выпускной вечер, Откос над Волгой, где мы так хотели собраться через десятилетия. И мы полетели с ним на юбилейную встречу одноклассников. В самолете вспоминали далекие школьные годы, Евгений Константинович рассказывал о своих полетах на дрейфующие станции «Северный полюс», о ледовых маршрутах в Антарктиду, по морям и океанам, в Сибирь и на Дальний Восток. Я слушал его и ловил себя на мысли: не каждому писателю выпадает счастливая возможность видеть на протяжении десятилетий становление Героя — сидеть с ним на одной парте, а затем наблюдать, как пионер становится комсомольцем, коммунистом, видным партийным и государственным деятелем, выдающимся советским ученым, оставаясь при этом неизменно милым, скромным, задушевным и очень простым человеком.

После бурных встреч в Горьком, выступлений перед школьниками и студентами собрались оставшиеся в живых одноклассники, и пошли мы на чарующий Откос и встали на то

место, где стояли после окончания школы. Удивительно изменилась Волга. Ни следа от коварных песчаных отмелей и перекотов, мощная река, «главная улица России» стала рекой морской, электрической, с зарегулированным стоком воды. Преобразился и кремль — величаво вознесся он над кручами и рекой, и мы восхитились тем, что наш друг, одноклассник Святослав Агафонов, став архитектором, так много сделал для сохранения и реставрации дивного памятника русской старины. Давно действуют в родном городе автогигант и авиационный завод имени Серго Орджоникидзе, над Окой и Волгой нависли стальные мосты, возникли новые районы, в глубинах земли прокладывается линия метро. Изменились и мы — седина в волосах, морщины на лицах, и каждый из нас — судьба. Какой яркой, большой и во всех отношениях поучительной стала вся жизнь Евгения Константиновича Федорова!

Ну, седина, ну, морщины, ну и что? Важно, что остается молодым сердце, душа в полете, голова полна дерзновенных планов, и цель ясна — делать все, чтобы хорошо жилось Человеку на планете Земля.



За время долгого плавания в океане обрывки обтаяли, обломались, и сейчас «берега» острова полого спускаются к морю — только гряда торосов очерчивает их контур.

Остров, уходящий под воду на глубину 25—30 метров, движется с иной скоростью, чем окружающий лед. Издали он кажется большим округлым блином, выделяющимся своей сравнительно ровной и однородной поверхностью на фоне исчерченного темными линиями разводов и трещин океанского льда. Его поперечник — 5—6 километров. У одного из концов взлетно-посадочной полосы пара домиков, мачта радиостанции и десяток бочек с горючим. А примерно в километре — поселок дрейфующей станции: около десятка таких же домиков и еще какие-то сооружения.

Мы туда и идем. Черная борода Нуньеса заиндевели. Не так уж холодно — около -35° , и ветра нет, но для кубинцев это страшный мороз. Однако они одеты тепло и держатся молодцами.

— Кинокамера замерзает, — жалуется Нуньес.

— А ты сунь ее под шубу, — показываю ему, как я прячу свою камеру на груди под теплым кожаным пальто.

Сейчас, хотя солнышко и светит и даже греет, время позднее. Поэтому мы только обошли поселок и устроились в отведенных нам домиках. А сейчас пойдем ужинать в каюткомпанию — большой дом, составленный из четырех стандартных.

10 апреля. 10 часов. СП-19. Сегодня встали в 03 часа и после завтрака прошли по всем лабораториям станции. Первое, что бросилось в глаза, — абсолютная чистота. На снежной поверхности ни малейшего мусора — как будто несколько дней люди здесь живут. А существуют СП-19 уже четвертый год. Четыре раза менялся ее состав. Сейчас тоже происходит его смена — новый состав прибыл, а старый только начинает улетать, так что на станции два почти полных комплекта сотрудников. Однако теснота не ощущается — места хватает.

В общем, бытовые условия значительно улучшились — не только по сравнению с СП-1, но и с СП-3, СП-4, на которых мне приходилось бывать. Типовые домики быстро собираются из щитов, скрепляются болтами. В каждом небольшой тамбур и одна ком-

ната площадью около 10 кв. м. Две койки друг над другом. Столик. Печка.

Раньше употребляли газовые печки, теперь переходят на жидкое горючее — солярку. Везде электричество, телефон. На силовой станции стоят два или три дизеля. Один работает, остальные в запасе.

Есть хорошая баня с парилкой. Кают-компания тоже собрана из щитов. Ее площадь около 40 кв. м. К ней примыкает кухня.

Научная аппаратура, разумеется, много совершеннее, чем была у нас на СП-1.

Хорошие моторные лебедки позволяют быстро спускаться в океан и выбирать батометры, вертушки для измерения течений и другие приборы, но самые эти приборы мало изменились. Метеорологические приборы также «классического» типа.

Очень хорошая магнитная обсерватория. Это, в сущности, большой ящик с хорошей тепловой изоляцией и термомостом, поддерживающим постоянную температуру. Внутри очень маленькие магнитные вариометры — они регистрируют изменения магнитного поля на медленно протягиваемой кинолентке.

Хименес с огромным интересом и вниманием знакомится с работой станции, ему хочется знать все подробности. Давид замучился, переводя ему. Иногда я помогаю на английском языке.

К 08 часам заканчиваем осмотр станции и проводим торжественную церемонию. Весь состав собирается у мачты с флагом. Вместе с советским флагом поднимается флаг Республики Куба. Это полотнище вручил Хименесу Фидель Кастро. На флаге — его подпись. Все мы испытываем дружеские чувства к кубинскому народу, они уже привычны для нас, но здесь маленькая группа советских полярников и как-то особенно отчетливо сознаешь близость наших стран, несмотря на разделяющее их огромное пространство. Могли бы в 1937 году представить эту встречу на полюсе с представителем социалистической Кубы, мог ли представить ее Нуньес, штурман вместе с Фиделем казарму в Монкадо?

Потом мы собираемся в каюткомпании на производственное совещание. Ребята высказывают очень дельные предложения по развитию исследований в Арктике. Например, о

ледяных островах. Размещение дрейфующей станции на таком острове практически снимает опасность разлома льдины. Правда, именно этот остров и раскололся в 1970 году, сев на мель в Восточном секторе Арктики. Но это редчайший случай. Нужно организовать специальный поиск островов, например, используя фотографии со спутников, взять на учет и размещать дрейфующие станции только на них.

Это правильно. (Дальнейшие станции и помещались только на ледяных островах.) Делают замечания о приборах — все понимают, что многие устарели.

Едва успели закончить совещание, как началась очередная радиопередача — выступления родственников полярников из различных городов страны. Начальник нашей станции СП-19 Еремин и другие сотрудники с волнением слушали выступления своих жен и ребятшек.

В 10 часов — торжественный обед. Одно блюдо — шикварки из поросычьей кожи — приготовил Нуньес, он, оказывается, вез эту шкуру от самой Кубы. Говорит, это одно из национальных кубинских блюд.

После обеда Хименес опять бродил по поселку и фотографировал, Александр Васильевич с Давидом пошли в баню.

Самолет Дмитриева должен прибыть за нами около 14 часов.

11 апреля. 08 часов. Остров Хейса. Яков Яковлевич действительно прилетел в 14 часов, и мы вылетели обратно на остров Средний. Там пересели на «Ли-2» и около 22 часов 10 апреля прибыли на остров Хейса. Это четвертое мое посещение Земли Франца-Иосифа. С волнением я вглядывался в хорошо знакомые очертания островов юго-восточной части архипелага, над которыми проходил наш маршрут. На остров Хейса я заходил весной 1933 года во время своего первого похода на остров Рудольфа.

Сейчас здесь крупная научно-исследовательская геофизическая обсерватория — главная в архипелаге и самая северная в мире.

От посадочной полосы до обсерватории около трех километров — поехали на вездеходах. Поселок обсерватории расположен кольцом по берегу круглого озера. Нас подвезли к домику начальника, где уже был накрыт стол для ужина. Все устали, поэтому закон-

чили ужин быстро и потащили свои мешки по местам ночлега. Нам с Александром Васильевичем отвели чистую, теплую комнату, хозяйин которой, видимо, спешно выселился к кому-то из товарищей.

Выспались хорошо. Сейчас пойдем завтракать, а потом приступим к осмотру обсерватории.

12 апреля. 11 часов. В самолете. Только что поднялись с Хейса. Проходим над островом Галли. Слева уходит назад округлые, с плавными очертаниями, купола острова Вильчека. Вот и кончилась Земля Франца-Иосифа.

Вчера начальник обсерватории Уханов показал нам свое хозяйство. Особенно интересным было снаряжение и запуск геофизической ракеты. Ее длинное пятиметровое тело прокатили на специальной тележке по рельсам, проложенным в коридоре, соединяющем монтажный зал с пусковой установкой. Там ракета вошла в горизонтально расположенную трубу, которая затем повернулась и приняла почти вертикальное положение. Крыша над нею раздвинулась. Затем все отошло на безопасное расстояние, и оператор в лаборатории нажал кнопку пуска.

Ракета показала в клубах дыма над крышей пусковой установки, какую-то долю секунды как бы висела в воздухе и далее с быстро нарастающей скоростью унеслась вверх, оставляя за собой белый дымовой след на фоне яркого светло-голубого неба. Она достигнет 200 километров.

Хименес, Давид и мы с Александром Васильевичем пытаемся сфотографировать всю эту картину.

Головная часть ракеты начинена различными приборами. Их информация — о плотности и температуре воздуха, об интенсивности различного рода излучений в стратосфере — передается на приемное устройство.

Чаша параболической антенны локатора, медленно поворачиваясь, автоматически следит за полетом ракеты. На наших глазах самописцы вычерчивают линии, показывающие ее траекторию и значения измеренных величин.

Мне вспоминается, как в 1932—1933 годах мы получали здесь же — на Земле Франца-Иосифа — первые сведения о стратосфере, с трудом запускаемая в воздух примитивные, но первые в мире (!) радиозонды.

СОЖГИТЕ ВСЕХ!

Жан АРНО

РОМАН

Глава XV

Отвечаясь от Департаментского шоссе, 22, грунтовая дорога терялась среди засохших, почерневших от мороза стеблей кукурузы. Потеплело, и машина с трудом продвигалась по размякшей грязи. В конце дороги между двумя прудами, из которых один высох, а на поверхности второго плавала маслянистая вода, показался низенький домик. Сидящая на цепи собака встретила Клер, обнажив желтые клыки, но утопавшие в шерсти дружелюбные глаза смягчали агрессивность такого приема. Под навесом, где висели початки кукурузы, появилась женщина.

Клер начала свой рассказ, с трудом подбирая слова, но затем ее речь потекла плавно, и женщина внимательно слушала.

— Вот, — сказала Клер в заключение, — я побывала уже на трех фермах, но никто ничего не видел. Однако после происшествия ведь не одна машина прошла по этой дороге.

— Происшествие? — повторила фермерша. — велосипедист, которого сбили на шоссе?..

— Между 15 и 16 часами.

— Да... Кажется, булочник говорил мне об этом...

— Когда бывает булочник?

— Каждый день. С утра... Кроме понедельника, разумеется...

— А сегодня?

— Кажется, он был около 9... Он сказал мне, что накануне видел лежащего на дороге человека и жандармов, которые не разрешали останавливаться.

— Верно, — прошептала Клер. — Что это за булочник?

— Он нужен вам как свидетель?

— Да, в некотором роде.

— Тогда мне вас жаль, потому что у него отвратительный характер, и я не думаю, что он будет вам полезен. Он из Шаламона, и зовут его Рипа. Но не говорите ему, что я вас послала, — добавила женщина, смеясь, — а то он способен целую неделю не заглядывать ко мне.

В Шаламоне Клер без труда отыскала булочную, где булочница подвела ее строгому допросу, прежде чем позвала своего мужа. Его лицо выражало упрямство, а очки придавали суровый вид.

— Я видел дорожное происшествие? Ну, кто вам сказал такую глупость? Прежде всего, в котором часу?

— Между 15 и 16 часами, — повторила Клер, чувствуя, что ее нервы сдают.

— И кто спрашивается, мог вас направить ко мне... Занимались бы люди своими делами. А если я что-нибудь и видел, как вы собираетесь со мной делать? Позвать как свидетеля? А сколько из-за этого будет всяких неприятностей?

— Послушайте, — сказала Клер умоляюще, — расскажите мне, что вы видели... Здесь, наедине. Мне сейчас нужна только уверенность: лежал кто-нибудь на дороге рядом с перевернувшимся мопедом?

— Я проехал не останавливаясь. Жандармы не разрешали. Тех жандармов я никогда и не видел. Вот и все. Не знаю, кто был пострадавший, мужчина или женщина... Я и вас-то не заметил.

— А не было черного фургона жандармерии?

— Не помню.

Понимая, что булочник ничего больше не скажет, Клер ушла. Он один что-то видел, но согласится ли он подтвердить это следователям? По всей вероятности, нет.

Для чего этот немислимый спектакль? Всего в нем было занято шесть персонажей: два жандарма, пострадавший, врач и два санитары. Фургон и машина «Скорой помощи». Мопед... Какой-то домик, временно превращенный в жандармерию, где-то неподалеку от места фиктивного происшествия. Минут десять езды. Четверть часа — от Национального шоссе, 83. Ей хотели внушить, что она находится в маленькой деревушке Пизэй. Если взглянуть на дорожную карту, это вполне вероятно.

В этой деревушке Клер нашла лишь бакалею-закусочную, спросила хозяйку о черном фургоне,

но, о даме с внутренним двором. Бакалейщица смотрела на нее с выражением крайнего недоверия на лице, качала головой.

Выйдя на улицу, Клер осознала тщетность своих поисков. Фальшивые жандармы, наверное, постарались, чтобы их не заметили в деревне.

Но для чего анализ крови? Врач, настоящий или фальшивый, взял у нее из вены по крайней мере один децилитр. Что они собирались с ней делать? Если уж им так хотелось получить ее кровь, не обязательно было придумывать такой сложный способ. Могли бы вызвать ее в больницу...

— Но ведь они и пытались! — воскликнула Клер вслух.

Через три четверти часа Клер вошла в больницу Гранж-Бланш и направилась прямо в отдел справок.

— Мне назначили медосмотр на 14 часов, но у меня сломалась машина. Как вы думаете, меня еще примут? — спросила она у дежурной.

Та направила Клер в какой-то кабинет. Здесь записали ее имя, возраст, профессию и адрес, затем попросили подождать. Через двадцать минут за ней пришла молодая женщина и отвела к другой женщине, постарше.

— Вы уверены, что должны были явиться на медосмотр? Мы везде проверили, но вы нигде не записаны. К тому же, учитывая, что вы учительница, вы скорее относитесь к отделу школьной медицины...

— Я тоже так подумала. Может, меня вызывали по какому-либо другим причинам?

— У вас нет с собой этого вызова?

Клер забыла его дома, но сказала, что несколько раз ей звонили по телефону.

— Мне даже грозили, что мой директор не примет меня, когда начнутся занятия.

— Это невозможно, — сказала служащая. — Вы совершенно уверены?

— Моя мать ответила на один из звонков.

Женщина улыбнулась:

— Значит, какой-то шутник?

Что бы она сказала, опishi ей Клер предыдущие события? У Пьера могла быть серьезная заразная болезнь, как и у остальных жителей поселка. Клер в какой-то момент почувствовала искушение довериться этой незнакомой женщине.

— Вы хотите мне что-то сказать? — спросила та удивленно.

— Нет... Больше ничего.

Даже эта женщина сочтет ее ненормальной. Кроме воспоминаний, смутных впечатлений, Клер ничего не могла предьявить.

— Простите, что побеспокоила вас из-за пустяка, — прошептала она.

Женис ушел с работы в 19 часов по просьбе привратника, который обходил все помещения и запирает двери. Он надеялся воспользоваться картотекой, но эта комната запиралась на ключ с 18 часов.

После прошлой ночи ему не терпелось вернуться домой, проглотить сэндвич и лечь в постель. Он не смог найти на своей улице ни одного местечка, чтобы поставить машину, что вначале его разозлило, но вскоре показалось подарком судьбы.

Почти напротив его дома остановился большой черный фургон, а в нем Женис разглядел Жаки Малакси, который не успел отвернуться. Монтелье продолжил путь, как будто ничего не заметил, нашел немного подалеке свободное место, сунул в карман кольт и вышел из машины, оставив дверцу незапертой. Патроны для колта он прятал в квартире, опасаясь себя самого и полиции. Этим вечером он сожалел о своей осторожности.

Стараясь придать себе вид беззаботного человека, Женис зашел в итальянский ресторанчик, где иногда бывал, и поздоровался с хозяевами. Затем прошел через зал к выходу на задний двор, как будто направлялся в туалет. Отсюда он мог подойти к своему дому с задней стороны и подняться к себе незаметно для Жаки Малакси, который подкарауливал его, чтобы подать знак Жерару Ваниану, вероятно, поджидающему Жениса в квартире. Эти приятели никогда не расставались, и Дартье использовал их доброе согласие в работе. Наверное, они вместе убрали Барона и готовили ту же участь Женису.

Эти идиоты плохо его знали, не принимали всерьез. Женис, полагая, с основанием или без, что жизнь его полна опасностей, уже много лет назад предусмотрел все на случай, если на него нападут в квартире. Неопределенно размышляя о том, что все эти бедняги, из которых он выжимал деньги для В. Р. Н., эти неплательщики, которых он запугивал, с чьими женами он при случае спал, в один прекрасный день восстанут, и кто-нибудь из них придет к нему домой, чтобы набить морду, Женис устроил себе запасной выход. Но он также мог воспользоваться им для того, чтобы войти в квартиру.

Каменная лестница заканчивалась на уровне его этажа, дальше к крыше вела деревянная. Женис путем сложных интриг получил от управляющего домом в свое распоряжение чердачное помещение, расположенное прямо над его квартирой.

На чердаке Женис снял ботинки, связал их за шнурки и повесил на шею. Благодаря свету, проникавшему через слуховые окна, он видел, куда ступает. Решетчатая дверь, ведущая в ту часть чердака, которой он располагал, закрывалась на висячий замок, который можно было достать как с внутренней, так и с внешней стороны. Часть свободного места занимал огромный старый буфет. Достаточно было открыть внизу его дверцы, чтобы обнаружить нечто вроде колодца. В свое время Женис убрал в буфете дно, проделал отверстие в полу чердака, а затем — в потолке большого стенового шкафа. Теперь он скользнул вниз и встал на хрупкий с виду, но крепкий металлический прут, закрепленный таким образом, чтобы выдержать вес человека.

Дверь стенового шкафа закрывалась на магнитный бесшумный запор. Женис в полной темноте на ощупь открыл его. Просчет. Надо было бы оставить здесь электрический фонарик, подумал он.

Он предполагал, что Жерар Ваниан стоит у окна в кухне и следит за фарами фургона. Малакси уже, наверное, дал ему знать о появлении Жениса, и теперь он ждет другого сигнала, который известит о том, что Монтелье вошел в дом. Из окна был отлично виден ресторан. Оба охранника, наверное, думали, что Женис сидит за столом и поглощает какое-нибудь итальянское блюдо. Поскольку проверить, так ли это, не войдя в ресторанчик, было трудно, Малакси серьезно забеспокоится не раньше, чем через час.

Теперь оставалось открыть дверь комнаты, выходящей в прихожую. Женис секунду раздумывал, что лучше: открыть дверь потихоньку или шумно ворваться с оружием в руке. Он начал с того, что надел ботинки, вытащил кольт. Он рассчитывал, что, с одной стороны, света уличного фонаря хватит, чтобы различать в кухне все предметы; с другой — Ваниан находился в ней достаточно долго, чтобы глаза привыкли к этому полумраку. Женис знал, как лучше встать, чтобы его оружие было видно.

Он набрал в легкие побольше воздуха, распахнул дверь и одним прыжком очутился в кухне, держа кольт обеими руками.

— Одно движение, Ваниан, и я стреляю.

Стоя, прислонившись к стене у окна, охранник лишь повернул голову. Он прекрасно видел Монтелье и направленный на него револьвер.

— Повернись ко мне спиной, нагнись, медленно иди в угол кухни, не отрывая руки от стены...

— Ты не станешь стрелять в товарища... Я пришел поговорить с тобой.

— Поговорить, оставив Малакси на улице за рулем фургона и подстергая меня в квартире? Делай, что говорят...

Он медленно подошел к Ваниану, приставил кольт к его жирному затылку. Ваниан вздрогнул и весь напрягся.

— Женис, не будь идиотом... Мы с тобой договоримся...

Из кобуры, которую Ваниан носил под кожаной курткой, Женис вытащил автоматический пистолет крупного калибра. Вначале он хотел взять его вместо незаряженного кольта, но потом сунул в карман. На поясе у Ваниана висела еще дубинка.

Женис взглянул на фургон. Там как будто все было спокойно.

— Вы убрали Барона... Бармен был слишком болтлив. Он был вместе с Леоном Карнио 20 декабря, когда сторел поселок Гийоз. Теперь ты мне расскажешь обо всей этой махинации.

— Какой махинации? — Ваниан тяжело дышал.

— Карнио получил десять тысяч... Барон в два или три раза больше... Вы чистенько работаете в транспортных агентствах. Крадете товар, который можно легко и дорого перепродать... Я хочу знать детали, имена, даты... В деле с нефтяной компанией, например, в чем барыш?

Ваниан не ответил, и Женис изо всех сил ударил его по плечу. Несмотря на кожаную куртку, боль была сильной, и у охранника подогнулись ноги.

— Вы убили Барона ударами дубинки... Я могу сделать то же самое с тобой и с Малакси, когда он поднимется узнать, в чем дело. Ночью избавлюсь от ваших трупов. Полиция сопоставит это с убийством Барона.

— Тебе не удастся выпутаться. Ты не знаешь, с кем ты связался, Монтелье. Иначе ты бы уже был далеко отсюда.

— В. Р. Н. занимается темными делами, это я знаю. Но эти дела приносят большие деньги. Меня интересуют деньги, Ваниан.

— Ты ошибаешься... Целиком и полностью... Нет никаких махинаций... Наша работа официальна... Думаешь, бензин украли, чтобы перепродать? Ты ничего не понял, Монтелье...

Женис опять взглянул на улицу. Ему не было видно, сидит ли еще Малакси за рулем. Вдруг он рискнет проверить, обедает ли еще Женис в ресторане. Лучше не мешкать.

— Я хочу денег,— сказал он.— Меня выставили из В. Р. Н. Мне нужна компенсация. И ты мне расскажешь, как ее получить.

— Ты идешь по ложному следу.— Ваниан говорил очень убедительно.— Никто не даст тебе денег. Тебя попросту убьют... Здесь нет никакой возможности потроговаться или использовать шантаж... Это то же самое, как если бы ты сражался с айсбергом, Монтелье...

— С таким умением убеждать тебе надо было идти в театр... Ладно, верю насчет льдины, но не отступлю... Скажи, кто в Гийозе должен был получить бензин?

— Все. Все жители.

— Не дури, Ваниан, мое терпение кончается... Там жили старики, а не бандиты.

— Тридцать тысяч литров на девять человек в виде дождя. Надо было только переключить насос, заменить наконецник для заливки на пожарный шланг... Поливались все дома, начиная с крыши. Тридцать тысяч литров— не пустяк. И десятой части хватило бы, чтобы сжечь поселок вместе с людьми.

Женис почувствовал, как волосы у него на затылке встают дыбом.

— Вам приказали все поджечь? Нет, не говори мне, что вам дали такой приказ...— выговорил он заикаясь.

— Ты начинаешь соображать, Монтелье... Я говорил тебе: все, что происходит,— это официально... Подумай и попытайся вбить себе в голову, что с этих пор у тебя в этой стране сотни тысяч врагов—каждый полицейский, каждый жандарм, патристические организации, государственные чиновники, активисты некоторых политических партий, молодчики из частной охраны предприятий, все охранники и даже твои коллеги...

Глава XVI

Теперь, когда Клер возвращалась в квартиру матери, та встречала ее явно смущаясь, разговаривала шепотом, а Стефан, подавленный столь необычной обстановкой, не смеливался шуметь и играл со скучающим видом.

— Ты выяснила что-нибудь?—спросила мадам Руссе.

— Убедилась только, что у меня нет галлюцинаций и я не выдумала эту историю. Но булочник никогда не согласится выступить в роли свидетеля.

— Тут тебе письмо. Его принес жандарм.

Повестка от следователя Пейсака на завтрашнее утро.

— Ты говорила о булочнике?—спросила мать, пока Клер читала повестку.

— Да, он из тех, кто не желает быть замешанным ни в какие судебные истории... На него надеяться нечего.

— Но он видел что-нибудь?

— Только человека, лежащего на дороге рядом с мотовелосипедом.

— А тебя он видел?

— Нет.

В своей комнате Клер подвела итоги дня: встреча с фермершей, которая не хотела, чтобы упоминалось ее имя, с булочником, который не станет подтверждать то, что видел в действительности. С одной стороны, Клер наталкивалась на заговор—его существование почти не вызывало сомнений, с другой—встречала полное непонимание родной матери, недоверие Антуана Пишо, настороженное безразличие людей вообще.

— Будешь обедать?—спросила мать, с таинственным видом приоткрывая дверь.

— Да, сейчас иду.

Прежде чем исчезнуть, мадам Руссе бросила долгий взгляд на школьную тетрадку. Клер не ждала от матери никакой помощи. На протяжении шестидесяти лет она пребывала в состоянии досадного конформизма, которое лишь укрепилось после ее брака с государственным служащим. Жизнь ее

текла плавной, и в ней не было места социальным и политическим проблемам, эстетическим радостям, душевным порывам.

Зазвонил телефон. Мадам Руссе сняла трубку.

— Тебя спрашивает некий Бальнеа,— сказала она, прикрывая трубку ладонью.

Клер хотела покачать головой, но потом вспомнила.

— Да. Знаю такого.

От громкого голоса Жонаса телефон, казалось, разлетится на куски.

— Я хотел бы вас повидать,— сказал он.— Насчет того вина, которое вы вылили в кристаллизатор.

— Вино...

Клер встретила шокированный взгляд матери и вдруг развеселилась.

— Да, вспоминаю.

— Пластиковая фляжка еще у вас?

— Конечно.

Вдруг ее тон утратил всякую радость.

— То есть я надеюсь...

— Несите ее немедленно! Тут одна вещь кажется мне все же странной.

— Еду,— сказала Клер.

Повесив трубку, она направилась к двери.

— Но ты еще не поела!—воскликнула мать.—Хоть куртку надень!

Тяжело дыша, она кинулась за курткой и накинула ее на плечи дочери.

— Опять ты уходишь? Кто этот Бальнеа?

— Я тебе объясню...

— Ты никогда мне ничего не объясняешь, рассказываешь немалые вещи... Уверю тебя, Клер, ты должна последить за собой... Надо сходить к врачу... Скоро начало занятий, а ты будешь не в состоянии приступить к работе.

— Да, как ты скажешь, но потом.

Клер никак не могла найти фляжку в своей старой машине. Мадам Руссе с внуком наблюдали из окна, как она открывает все дверцы, приподнимает сиденья, копается в багажнике, достает оттуда разные предметы и кладет их на тротуар. Спальный мешок, запасное колесо, старый чемодан, набитый газетами, книги. Но ее лицо, залитое слезами гнева, они сверху разглядеть не могли.

Уже дважды Жаки Малакси пытался заглянуть в ресторан, но, чтобы увидеть, там ли Женис Монтелье, надо было открыто войти и, значит, обнаружить себя. Этот подлец не торопится. Жаки тоже захотел есть. Но они с Ванианом еще не вправе заморить червячка.

Он тихо погружался в дремоту и чуть было не пропустил Монтелье. Тот вышел из ресторана, пересек улицу и вошел в дом. Давно пора. Почти час ждал Жаки этого момента, чтобы подать сигнал фарами Ваниану, притаившемуся в квартире Жениса. На всякий случай—вдруг Жерар там у окна тоже ослабил внимание—он повторил сигнал. Ровно через десять минут он поднимется туда, чтобы вместе с Жераром снести тело Монтелье вниз и положить в фургон.

Когда время истекло, Жаки вышел из машины, окинул взглядом пустынную улицу, вошел в подъезд и поднялся по лестнице. Как они и договаривались, дверь была приоткрыта. Жаки вошел и закрыл ее за собой.

— Все в порядке?—тихо спросил он.

— Я здесь,—донесся до него шепот.

Ощувив прикосновение к спине твердого предмета, Жаки приготовился было оказать сопротивление, но Женис ударом дубинки свалил его на пол.

— Спокойно, Жаки, иначе стукну посильней, как твоего друга.

Когда Ваниан признался, что Малакси известно больше, чем ему, Женис проделал весь свой путь в обратном направлении до заднего двора ресторана, с самым естественным видом прошел мимо фургона. Ловушка сработала.

— Ложись на живот, раскинь руки и ноги. Не шевелись.

— Что с Ванианом?

— Надеюсь, что не пришиб его.

В такой же кобуре, как у Ваниана, Женис нашел у Малакси автоматический пистолет и звукоглушитель к нему. Но дубинки не было.

— Ваниан рассказал мне немало... Но он утверждает, что тебе известно больше. По его словам, ты—старший, ты получаешь приказы. Начнем по порядку. У Барона были пятисотфранковые купюры, которые проходили через руки кассира В. Р. Н. Это он тебе их выдал?

— Ты конченный человек, Монтелье... Это дело тебе не по зубам.

— Ваниан уже дал мне совет... Итак, эти деньги?...

— Я их получил.

— Сколько?

— Четыре миллиона.

— Кем был подписан чек?

— Патроном. Дардые. Но следов не найти.

— Догадываюсь. Однако В. Р. Н. финансировало пожар в Гийозе... Какова роль комиссара Эстева в этом деле?

Малакси вздрогнул. Прошло несколько секунд, и Женис ударил его без предупреждения. Охранник скрючился от боли, дернул ногами. Встревожившись, Женис подумал, что придется его оглушить, но Малакси утихомирился.

— Тебе не выпутаться, Монтелье... всю жизнь они будут гоняться за тобой по пятам... Куда б ты ни уехал, что бы ни делал...

— Главный комиссар Эстев из Службы безопасности... Расскажи мне о нем.

Малакси подполз к стене, прислонился к ней, сидя на кафельном полу кухни.

— Где Жерар?

— В ванной. Связан.

Женис подошел к Малакси, держа дубинку наготове.

— Подожди... Эстева прикомандировали к новой организации. Недавно созданной.

— Название?

— До сих пор у тебя был хоть один шанс, Монтелье... Очень мало людей знают об этом.

Малакси вздохнул, но ему было больно, он знал, что Монтелье не испугают никакие угрозы. Это был один из лучших следователей В. Р. Н. А раньше он неплохо проявил себя и в других делах.

— Р. Б. С. В., Региональное бюро санитарного вмешательства.

— Санитарного... Ты смеешься надо мной?

Охранник покачал головой:

— Эта служба находится в ведении Министерства внутренних дел...

— Какое санитарное вмешательство? Какое бюро? Агентство Маржена в него входит?

— Черт подери!—выдохнул Малакси удивленно.—Ты и до Маржена докопался?

— А может, еще глубже, чем ты думаешь.

— Я им говорил, что ты опасен... Им следовало включить тебя в команду... Такие ребята, как ты, были нам нужны... Знаешь, может, еще не поздно... Всегда можно попробовать... Послушай, Жерар останется у тебя в качестве заложника, а я пойду за ними...

— Кур Виттон, да? Они живут в одном и том же роскошном доме... Как удобно устраивать встречи на высшем уровне!

— Ты и это знаешь? Ты должен бы согласиться, Женис... Таким ребятам, как ты, цены нет... Десять тысяч в месяц плюс специальные вознаграждения.

— Какие вознаграждения?

— Потом узнаешь, когда тебя примут в Р. Б. С. В.

— Хватит, Малакси... Ты прекрасно знаешь, что никогда меня не примут... Вы пришли, чтобы убить меня, как Барона. А если я такой уж потрепанный парень, вы могли это обнаружить и раньше... Не старайся... Поговорим о другом, например, об этих знаменитых бидонах, которые перевозятся на грузовиках Маржена и компании. О бедном Пелерене, который порвал мышцу, таская эти бидоны после аварии... Почему перед отъездом они пустые, а наполняются где-то по дороге? Где их наполняют и чем?

В полутьме Женис увидел, как на худом лице Малакси лихорадочно сверкнули глаза.

— Ты видел Пелерена?

— Да, днем. Так же, как и Леона Карнио, шофера нефтяной компании. Я знаю, что у него вовсе не крали документы; он сам оставил их в кабине. Что Барону оставалось только усесться за руль автоцистерны, наполненной тридцатью тоннами легко воспламеняющегося горючего. Что надо было избавиться от девяти жителей поселка Гийоз... Скажи-ка, что же видели эти девять несчастных?

Тотчас же Женис почувствовал, что допустил ошибку.

— Я, наверное, пошел не по тому пути, да? В сущности, эти люди, может, ничего и не видели... Но они по какой-то причине мешали...

— Еще не поздно, Женис... Слушай, если хочешь, оставь нас обоих у себя и позвони Эстеву...

— А почему не Дардые?

— Дардые—марионетка...

— Теперь мой черед, Малакси, кое-что тебе сообщить... Может, вы до сих пор и не принимали Дардые всерьез, но знаешь ли ты, что у него обо всем имеется конфиденциальная информация? Что электронная картотека снабжена секретной памятью, от которой можно получить сведения, только зная кодовое слово? Что если хочешь, например, узнать об Эстеве поподробней, ты печатаешь на клавиатуре его имя и добавляешь то слово? До недавнего времени это был «Мафусаил». Но теперь код сменили.

— Ты выдумываешь?

Женис самодовольно улыбнулся.

— Не такие уж они умные, эти ребята из Р. Б. С. В. ... Дардые потихонечку принимал меры предосторожности...

— Ты уверен, что это так?

Глава XVII

В коридоре Дворца правосудия против дверей в кабинет следователя Пейсака сидел Антуан Пишо все с тем же мрачным и чопорным видом. Он слегка наклонил голову. Для Клер его присутствие было неожиданностью, она хотела заговорить с ним, но тут за ней пришел секретарь.

Взгляд следователя был суров, что вызвало у Клер тревогу. Храня молчание, он раскрыл картонную папку. В ней была лишь одна бумажка. Клер вздрогнула.

— Прокурор передал мне это... Письмо, которое вы ему написали. И так как я занимаюсь гийозским пожаром, а вы в этом деле являетесь главным свидетелем, он счел целесообразным поручить мне выяснение этой невероятной истории. Но, разумеется, между двумя делами нет никакой связи.

— Простите, господин следователь, но я утверждаю обратное. Это инсценированное происшествие, эти подставные жандармы, этот неизвестный домик, куда они меня затащили, имеют, мне кажется, непосредственное отношение к пожару в Гийозе.

Следователь понимающе улыбнулся. Как будто он ждал такого ответа.

— У меня хотели взять кровь на анализ, потому что и я, будучи в Гийозе 20 декабря, могла выпить воды из-под крана. Похоже, что эта вода была заражена каким-то радиоактивным продуктом. Мой муж был болен, и остальные жители поселка тоже...

Внезапно Клер осознала свою беспомощность перед лицом этого недоверчивого старика. Как объяснить ему, что она подозревает заговор? Его недоверие только возрастет. Она на несколько секунд задумалась, постаралась обуздать свои чувства, улыбнулась.

— Нельзя ли нам вместе, господин следователь, попытаться привести итог? Я сижу здесь как преступница на этом стуле напротив вас. У меня есть лишь мои воспоминания, моя уверенность, ощущение, что меня преследуют, за мной следят. Мой телефон прослушивается.

Следователь дернулся, но промолчал.

— Как только я предпринимаю какое-либо действие, поиски, я немедленно наталкиваюсь на непреодолимое препятствие. В понедельник я хотела, чтобы эксперт-химик взял пробу воды в Гийозе. Когда я приехала в Гийоз, въезд туда был запрещен.

— Такое распоряжение было необходимо, чтобы эксперты могли без помех выполнять свою работу, которая займет несколько дней.

— Господин следователь,— произнесла Клер с достоинством,— я нуждаюсь в вас, в правосудии, чтобы доказать, что события в Гийозе не случайны. Не случай повинен в смерти девяти человек, живших в поселке.

Следователь подал знак секретарю. Тот вышел из комнаты и вскоре вернулся в сопровождении какого-то мужчины лет сорока.

— Это доктор Мюллер, судебно-медицинский эксперт. Можете вы показать ему руку, из которой была взята кровь?

— Разумеется,— ответила Клер, обретя вдруг безумную надежду.

Она сняла куртку, закатала рукав пуловера. В течение нескольких минут врач молча осматривал руку, сгибая ее и разгибая. Затем покачал головой.

— Я не могу ничего ни утверждать, ни отрицать. След укола есть, но этот укол мог быть сделан различными способами. Например, достаточно толстой булавкой.

— Это была специальная игла, которой берется

— Абсолютно... Что, не ожидал?

— Имея такие сведения,— взволнованно произнес Малакси,— ты можешь торговаться с Эстевом. Неужели ты не понимаешь, что у тебя в руках сейчас крупный козырь?

— Понимаю,— ответил Женис. Он не терял самообладания.— Но прежде чем обдумать твоё предложение, я хочу узнать все остальное... Насчет бидонов... Где их наполняют и чем?

— Отступишь, Женис... Узнав это, ты будешь представлять опасность для всех.

— Но если я буду работать с вами, все меняется, разве нет?

— Нет... Р. Б. С. В. будет распущено и заменено другим, более эффективным органом... Подумай, Женис... У тебя пока еще есть крупный шанс...

Жонас схватил Клер за руку и подвел к микроскопу.

— Взгляните... Пропали многие часы труда... Целое исследование о развитии бактерии ботулизма в колбасе... Я вызвал ее появление с помощью полуконсервированного мяса... Каждый раз я делал снимки. Один приятель приспособил фотоаппарат на микроскопе... А потом последняя стадия развития... Все испорчено... Месяц работы вылетел в трубу... Потому что это вино стояло рядом... Вначале я и не подумал об этом, а потом приятель напомнил мне, что когда в аэропорту багаж просвечивают рентгеном, пленки пропадают... Если их не вынуть до этого, они испорчены...

— Подождите.— Клер была ошеломлена.— Вы хотите сказать, что из-за этого вина ваши снимки потемнели?

— Именно!— завопил Жонас.— Это вино было куплено в розлив. Когда мне его принесли на рождество, я наполнил им все бутылки, которые у меня были, и вашу фляжку, поскольку воду я уже исследовал. Вы принесли эту проклятую фляжку?

— Она исчезла.

Он взглянул на Клер исподлобья.

— Странное выражение вы выбрали, чтобы сказать, что потеряли ее.

— Я уверена, что у меня ее украли!

Клер не решалась рассказать ему обо всем. Вдруг он тоже примет ее за неврастеничку, выдумывающую новость что?

— Жаль...

— Но почему это вино опасно для фотографии?

— Потому что оно, вероятно, радиоактивно... И мне очень хотелось знать, радиоактивно оно или же ваша фляжка, понимаете? Ведь от двенадцати литров осталось только это. К счастью, я накануне перепил и не прикоснулся к нему. К счастью.

— Это не вино,— сказала Клер,— а вода, которая была во фляжке...

— Я ученый и не могу допускать необоснованных гипотез.

— Но послушайте наконец!— вскричала Клер.— Я набираю во фляжку подозрительной воды, а вместо нее вы обнаруживаете обычную лионскую воду. Я хочу принести вам эту фляжку и не нахожу ее... Вчера со мной произошла невероятная история. Мне пришлось бросить машину на дороге, а потом ее пригнали к моему дому... Кто-то этим воспользовался, чтобы забрать фляжку.

Жонас улыбнулся в бороду своими толстыми красными губами.

— Вы считаете меня ненормальной, не так ли?

— Я? Совсем нет. Я считаю, что вы неотразимы, когда сердитесь... Знаете, в конце года мы даем слишком большую нагрузку печени, а это может вызвать неожиданные последствия... И потом мы жрем всякую гадость, которая оставляет в наших кишках вещества, вызывающие галлюцинации. Один мой приятель в течение восьми дней воображал, что у его подружки красные волосы... Такие вещи случаются...

— Вы слышали о Гийозе?— спросила Клер, терпя терпение.

— Нет. Кто-нибудь из знакомых?

— Это поселок, который сгорел в ночь с 20 на 21 декабря.

— Я слышал об этом.

— Вода была оттуда. Я набрала полную фляжку, а взять другую пробу невозможно. Я пыталась. Поехала туда с судебным исполнителем... Полиция запретила въезд в поселок.

— Черт возьми!— пробормотал Жонас.

— Я знаю, что не убедила вас, но тем не менее ваше вино теперь радиоактивно.

— Один приятель должен принести мне сцинтилляционный счетчик, попробуем измерить, в какой степени

— Я еще найду,— сказала Клер, сама мало веря в это.

Когда она спускалась по лестнице, Жонас крикнул, приоткрыв дверь:

— Ведь приезжали пожарники гасить огонь... Попросите исследовать их шланги.



Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

кровь,— произнесла Клер убитым голосом.— У меня взяли децилитр... Даю вам честное слово.

— Спасибо, доктор Мюллер,— сказал следователь,— ваше заключение мне понадобится немедленно. Напишите его в соседней комнате.

Клер сидела, склонив голову. Следователь наблюдал за ней внимательным взглядом.

— Еще этот человек из В. Р. Н.,— проговорила вдруг Клер.— Он постоянно мне звонил, заходил. И я нахожу удивительным, что в ту ночь склад нефтяной компании сторожили охранники из того же В. Р. Н.

— Вернемся к этому радиоактивному веществу, мадам Давьер... Какого оно происхождения?

— Я этого не знаю. Один приятель, химик, пытается его исследовать, измерить степень радиоактивности. Я набрала воду во фляжку. Сначала эту воду подменили другой, из лионского водопровода. И, наконец, фляжку у меня украли.

— А как ваш друг, химик, может так категорично высказываться?

Клер рассказала ему о вине, перелитом в кристаллизатор, об испорченных фотоснимках, но она уже понимала, что уверена, будто кто-то попытался отравить одного или нескольких жителей поселка. А немного позже, рассердившись из-за моих сдержанных ответов, закричала, что я, вероятно, боюсь, раз проявляю такую сдержанность.

— В сущности, она обвиняла в этом преступлении вас?

— Именно так я понял, господин следователь.

— Да нет!— разозлившись, вскричала Клер.— Мне надоело наталкиваться на такое непонимание... Поймите, господин следователь, я виде-

ла, как моего мужа рвет кровью, я видела этот поселок, погруженный во мрак в 8 часов вечера, будто кладбище... Пока буду жива, я не откажусь от этой мысли: вода поселка была отравлена специально или невольно. Жители были тяжело больны, и преступник, желая скрыть следы злодеяния, украл цистерну с бензином, чтобы сжечь дома и людей. Машина якобы застряла на узкой улочке. Подключили насос и стали поливать крыши и стены. Затем все подожгли, и лишь потом взорвался грузовик.

Следователь, секретарь и Антуан Пишо застыли в изумлении.

— Благодарю вас, мосье Пишо,—проговорил следователь.—Ваши показания имеют большое значение.

— Нет,—возразила Клер в отчаянии,—не имеют... Говорится обо всем, кроме пожара и болезни обитателей поселка. Забывают о самом важном, чтобы свалить обвинения на меня.

— Мадам, замолчите, иначе я предъявлю вам обвинения в оскорблении должностного лица.

— Умоляю вас, начнем все сначала... Отметим каждое мое наблюдение, каждое воспоминание... Увидите, что в конце концов вы сами начнете сомневаться.

— Успокойтесь, мадам.—Тон следователя стал мягче.—Вы правы, будем разговаривать как разумные люди.

Разумные люди—от этих слов у Клер по спине пробежал холодок.

— Я сделаю вам одно предложение, мадам Давьер. Быть может, оно вас не устроит, но, учитывая обвинения, которые вы выдвигаете, я не могу поступить иначе. Вы единственный свидетель страшной трагедии, в которой, по моему мнению, виноват случай. Вы в этом усматриваете вмешательство некоей преступной силы. К сожалению, вы не даете мне ни одного конкретного доказательства.

— Вы можете потребовать расследования, чтобы установить, прослушивается ли мой телефон, то есть телефон моей ватсы.

— Вы обвиняете полицию в том, что она прослушивает ваши телефонные разговоры?

— Нет. Я прошу попросту это проверить.

— Вы отлично понимаете, что ничего мы не обнаружим,—сказал следователь устало.

— Если расследование слишком затянется, вы действительно ничего не обнаружите.

— Оставим это...

— Однако это очень важно. Почему я под наблюдением с тех пор, как чудом спаслась из гийозского пожара?

— Хорошо, мы проведем расследование,—с раздражением согласился Пейсак.—Но вы, со своей стороны, согласитесь подвергнуться психиатрической экспертизе. Я хочу знать, могу ли верить тому, что вы говорите. Никакого другого метода для оценки истины у меня нет. Как вы хотите, чтобы я поступил с женщиной, которая рассказывает мне столь удивительные вещи: поджог, похищение фальшивыми жандармами, необъяснимый анализ крови, массовое отравление?... Что еще? Ах, да! Ваш телефон прослушивается, лионское общество В. Р. Н. вызывает подозрения...

У Клер было ощущение, будто она погрузилась в клоаку и никак не может достигнуть дна, чтобы попытаться выбраться на поверхность.

— Пробудете там три недели,—говорил следователь.—Чтобы облегчить всю процедуру, я выбрал буржскую психиатрическую больницу...

— Но это невозможно,—прошептала Клер.—Я единственный свидетель пожара в Гийозе...

— Следствие установило, что автоцистерна взорвалась, и огонь распространился на дома. Ответственность полностью возлагается на нефтяную компанию, а размер компенсации будет определен, как только эксперты закончат работу... До свидания, мадам.

Клер казалась, что она часами блуждала по Дворцу правосудия, прежде чем очутиться у своей машины.

— Мадам Давьер...

Увидев этого человека из В. Р. Н., Жениса Монтелье, Клер почувствовала головокружение от сознания могущества и беззащитной наглости своих врагов.

— Добывать пришли?—прошептала она.—Вам понадобилось взглянуть на эту несчастную дурачку, которая попыталась сама в чем-то разобраться...

— Вам необходимо что-нибудь выпить, может, кофе... Я искал вас в Лионе... Ваша мать направила меня сюда... Вы единственный человек, кому я могу довериться... В конечном счете они меня найдут... У меня мало времени... Я подумал, что только вам с вашим бойцовским характером, вашей храбростью я могу кое-что доверить.

Ничего не понимая, Клер последовала за ним в бар. Перед ней появилась чашка кофе.

— Я думал, что заработаю на вас деньги, потом на В. Р. Н., а наткнулся на невероятную вещь... Мне надо было бы вовремя остановиться, но для этого я недостаточно умен... Тщеславен, да и, наверное, слегка с приветом...

— Вы не враг мне?—простоудно спросила Клер.

— Думаю, что мы оба по уши влипли в скверную историю... Но ни к чему медлить... Знайте: существует транспортное агентство Маржена, специализирующееся по перевозке опасных грузов. Но бесполезно к ним обращаться: все у них расписано на месяцы вперед. В действительности же они выполняют государственные заказы... 14 декабря на выезде из Гийоза, на повороте, точно над резервуаром с питьевой водой, занесло грузовик... Грузовик, который вез бидоны...

Внезапно она вспомнила. О происшествии ей рассказывал муж.

— Бидоны с краской,—произнесла Клер как во сне.

— Вам это тоже известно? Точно. Из Лиона везут пустые бидоны, а по дороге заменяют их полными... Знаете, где? На атомной электростанции в Бюжее... Тихие, ночные перевозки, чтобы не волновать население... Глухими дорогами отходы везут к Агу... В этот вечер маршрут проходил через Гийоз. Когда грузовик занесло, два бидона вывалились. Один из них упал в резервуар с питьевой водой... По радио—эти грузовики снабжены радиосвязью—была вызвана специальная команда, чтобы заново погрузить бидоны... Один из водителей, по имени Пелерен, даже получил ожог... Легкий... Но все же он находится под наблюдением... Говорят, что у него разрыв мышц... Ладно. Бидоны опять погрузают и едут дальше. Но за Гийозом все-таки ведут наблюдение и обнаруживают, что по истечении

нескольких дней вода достигает недопустимого уровня радиации.

Женис отпил глоток коньяка, который заказал, когда они пришли в бар.

— Тогда в соответствии с официальными инструкциями обращаются в Р. Б. С. В. Это Региональное бюро санитарного вмешательства. По плану ОРСЕК в случае ядерной катастрофы в мирное время в его обязанности входит очистить и изолировать отдельные определенные районы, иначе говоря, сконцентрировать пораженное население в местах, где оно обречено умирать... Ясно? Но случаются также небольшие происшествия... Такие, которые могут взволновать общественное мнение накануне выборов... А в Гийозе девять мужчин и женщины подыхают в муках... Выпитая вода поражает самые чувствительные органы: желудок, печень, кишечник. Изматывающие силы кровотечения и ужасная смерть. Восемь стариков и старух, да мелкий кустарь—Р. Б. С. В. не колеблется...

— Но как вам удалось?...

— Командует операцией главный комиссар Эстев. Его правая рука—Маржен. Соучастники—В. Р. Н. и мой начальник Дардые, которого все держали на некотором расстоянии. Но из предосторожности Дардые составил секретную картотеку, закодировав приказ для электронного устройства. К сожалению, мне не удалось узнать, что это за слово... Теперь я попытаюсь исчезнуть... Однако я подумал, что все это надо кому-то передать...

— Это провокация?—прошептала Клер. Женис поблелел. Если эта женщина ему не верила, то кто же поверит?

— Я приговорен к смерти,—произнес он.—Неужели вы думаете, что в таком положении хочется врать? Запомните, что у Дардые в руках ключ ко всему, о чем я вам говорил; у него доказательства, имена, даты... В его проклятой картотеке должно быть все... Попросите следователя начать расследование... Мне тошно от мысли, что я подохну, и никто не узнает, что происходит.

— Следователя?—шепотом повторила Клер.

Женис с удивлением взглянул на нее, вспомнил, с каким потерянным видом она вышла из Дворца правосудия.

— Вы приговорены к смерти,—сказала она,—а меня ждет психиатрическая больница...

Он нахмурил брови, и Клер улыбнулась.

— Вы тоже считаете меня сумасшедшей, да? Я ведь догадывалась о том, что вам удалось так точно установить. Я подозревала, но не знала, как искать, как убедить других, что здесь какая-то чудовищная махинация...

— Вы не должны идти туда,—сказал Женис.—Они долго не выпустят вас, заставят забыть все, что вы пережили... Если вы хотите...—предложил Женис неуверенно.—Если хотите, мы можем вместе попытаться выкарабкаться... Знаю, что я вам не очень симпатичен, но мне, может быть, необходима ваша... чистота...

Клер слабо улыбнулась.

— Им нужно было исследовать мою кровь,—прошептала она.—Быть может, сейчас в моих венах течет одновременно неопровержимое доказательство вины этих легальных убийц и зародыш моей собственной смерти... Это вас не слишком пугает? Закрыв глаза, Женис покачал головой.

Перевод с французского Надежды НОЛЛЕ.



ШАХМАТЪ ШАХМАТЪ ШАХМАТЪ ШАХМАТЪ

(Продолжение. Начало см. в №№ 1—6 журнала.)

Белые начинают и дают мат в пять ходов. (2 балла).

ими женской шахматной короной. (1 балл).

ЭТЮД—ВСЕГДА КРАСИВО!



Белые начинают и делают ничью. (2 балла).

НАША ВИКТОРИНА

Назовите, пожалуйста, всех чемпионов мира и годы обладания

Открытки с ответами на задания седьмого тура этой олимпиады редакция ждет до 31 мая 1980 года.

ПОЗДРАВЛЯЕМ, ЯАН!

В недавно проведенном в Душанбе всесоюзном турнире при участии 40 шахматистов из всех 15 союзных республик чемпионом СССР 1980 года среди юношей стал Яан Эльвест из Таллина.

Эта интересная позиция возникла после 12-го хода белых в партии юного эстонского мастера (у него были черные фигуры) с представителем Латвии А. Войткевичем. Оригинальным кавалерийским прыжком черные к своей



выгоде осложнили борьбу и быстро добились решающего перевеса.

12... Кс6—e5! 13. f4:e5 d6:e5 14. Kd4—b5 a6:b5 15. Kc3:b5 Ld8:d1 16. Kb5:c7 Ld1:f1+ 17. La1:f1 La8:a4 18. b2—b3 La4—a2 19. c2—c3 Cc8—d7 20. Ce3—g5 Kpg8—f8! 21. Lf1—d1 Cd7—c6 22. Cg5:f6 Ce7:f6 23. g2—g3 Kpf8—e7 24. b3—b4 Cc6—a4 25. Ld1—d3 Cf6—g5!, и белые сдались.



Ход черных. Каким результатом, по вашему мнению, может



Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 212-15-07. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.02.80. Подписано к печати 04.03.80. А 06541. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 766. Заказ № 2017. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.



ПАРОЛЬ

Музыкальная партитура песни «ПАРоль». Включает фортепиано и вокальные партии с русскими текстами.

ИТОГИ КОНКУРСА «ОЛИМПИСКИЙ КРОССВОРД»

В преддверии Московской Олимпиады «Смена» объявила конкурс на лучший олимпийский кроссворд (№ 14, 1979 г.). В редакцию поступило более четырехсот кроссвордов.

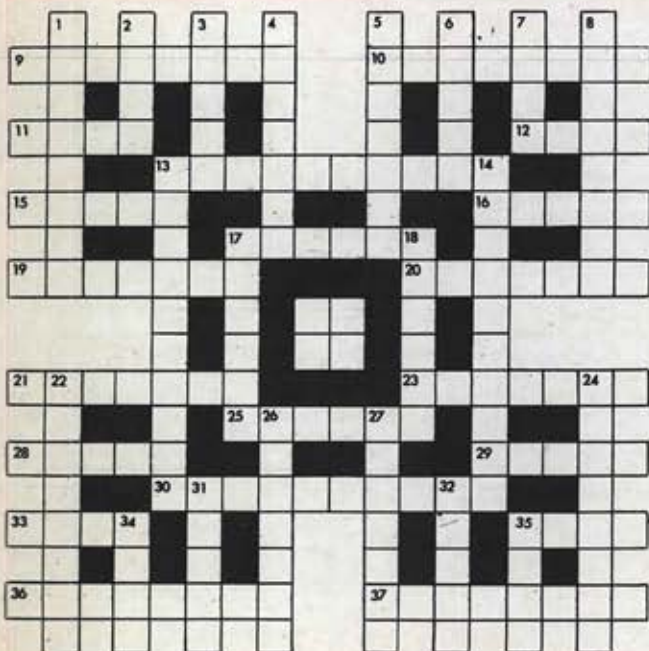
В условиях конкурса было указано, что в игру могут быть включены только слова, относящиеся к олимпийским видам спорта; допускалось использование не более пяти слов, связанных с иными спортивными играми. К сожалению, условия конкурса полностью не соблюдены ни одним участником конкурса. Все же жюри отмечает, что в известной мере этим условиям соответствуют кроссворды, которые прислали следующие читатели: **Блинов И. П.** (г. Жданов Донецкой обл.), **Воробьев**

А. И. (Пичаево Тамбовской обл.), **Зубков А. А.** (Херсон), **Кошкер О. Н.** (г. Торез Донецкой обл.), **Лавренченко А. К.** (Пермь), **Лебедев А. И.** (Белово Кемеровской обл.), **Маслов В. И.** (Пенза), **Мельников А. А.** (Москва), **Никандров В. А.** (Дзержинск Горьковской обл.), **Петров Г. А.** (Рига), **Петровский А. А.** (Киев), **Устюгов Ф. Н.** (Омск), **Шабанов А. В.** (Саратов).

Несколько кроссвордов, наиболее отвечающих предложенным условиям, будут опубликованы в «Смене» в нынешнем, олимпийском году. Редакция благодарит всех читателей, принявших участие в конкурсе «Олимпийский кроссворд».

КРОССВОРД

Составили Л. и А. КЛЮЕВЫ,
Зеленоград



По горизонтали

9. Индийский финик. 10. Жаркое из говядины. 11. Герой поэмы М. Ю. Лермонтова. 12. Углерод, используемый в производстве красок. 13. Музыкант. 15. Река в Чехословакии. 16. Рассказ А. П. Чехова. 17. Опера Ж. Б. Люлли. 19. Советский космонавт. 20. Лирическое стихотворение в поэзии трубадуров. 21. Типографский шрифт. 23. Декоративное растение семейства лилейных. 25. Пальма, растущая в Азии и Австралии. 28. Гора на Апеннинском полуострове. 29. Азербайджанский поэт XVIII века. 30. Картина И. И. Левитана. 33. Река, впадающая в Каспийское море. 35. Государственно-территориальная единица в Индии. 36. Ударный музыкальный инструмент. 37. Химический элемент, металл.

По вертикали:

1. Хвалебное лирическое стихотворение. 2. Древнескандинавское героическое сказание. 3. Промысловая рыба семейства тресковых. 4. Звукосниматель. 5. Раствор с уксусом и пряностями для заготовки овощей. 6. Строфа, содержащая законченную мысль. 7. Мелкая английская монета. 8. Продольный элемент конструкции крыла, фюзеляжа самолета. 13. Русский живописец XIX века. 14. Плодовое дерево. 17. Город в Швеции. 18. Голландский мыслитель XVII века. 22. Мелкий дождь. 24. Органический краситель. 26. Точка небесной сферы, из которой исходят видимые пути метеорного потока. 27. Город в Польше. 31. Южное растение семейства тыквенных. 32. Морская полярная птица. 34. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка». 35. Снасть для управления парусами.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 6

По горизонтали:

3. Бордо. 8. Темпера. 9. Памфлет. 10. Сталь. 11. «Анюта». 12. Ганимед. 17. Стека. 18. Уэльс. 20. Гвардейск. 21. Ларго. 22. «Выход». 23. Марселина. 24. Тарле. 26. Ребро. 29. Фраддин. 34. Гусли. 35. «Локис». 36. Миссури. 37. Инженер. 38. Сабля.

По вертикали:

1. Цейтнот. 2. Шпиль. 3. Баржа. 4. Росси. 5. Ополе. 6. Афины. 7. Пестель. 13. Некрасова. 14. Метерлинк. 15. Шагомер. 16. Букварь. 17. «Салют». 19. Седло. 25. Астурия. 27. Раритет. 28. Класс. 30. Редис. 31. Делиб. 32. Идрия. 33. «Гонец».

ВИДЕТЬ ЧЕРЕЗ СТОЛЕТΙΑ

Г. КУРНИН.
ПЛАНЕТА ГОЛУБОГО СОЛНЦА.

С. ГАВРИШ.
ЗАКАТ НАД САЛЕХАРДОМ.



Время неотвратно вторгается в область искусства. Научно-технические достижения нашего века определили развитие новых направлений в нем. Так родилась научно-фантастическая живопись. И это вполне закономерно — успехи в исследовании космического пространства дали толчок ее развитию.

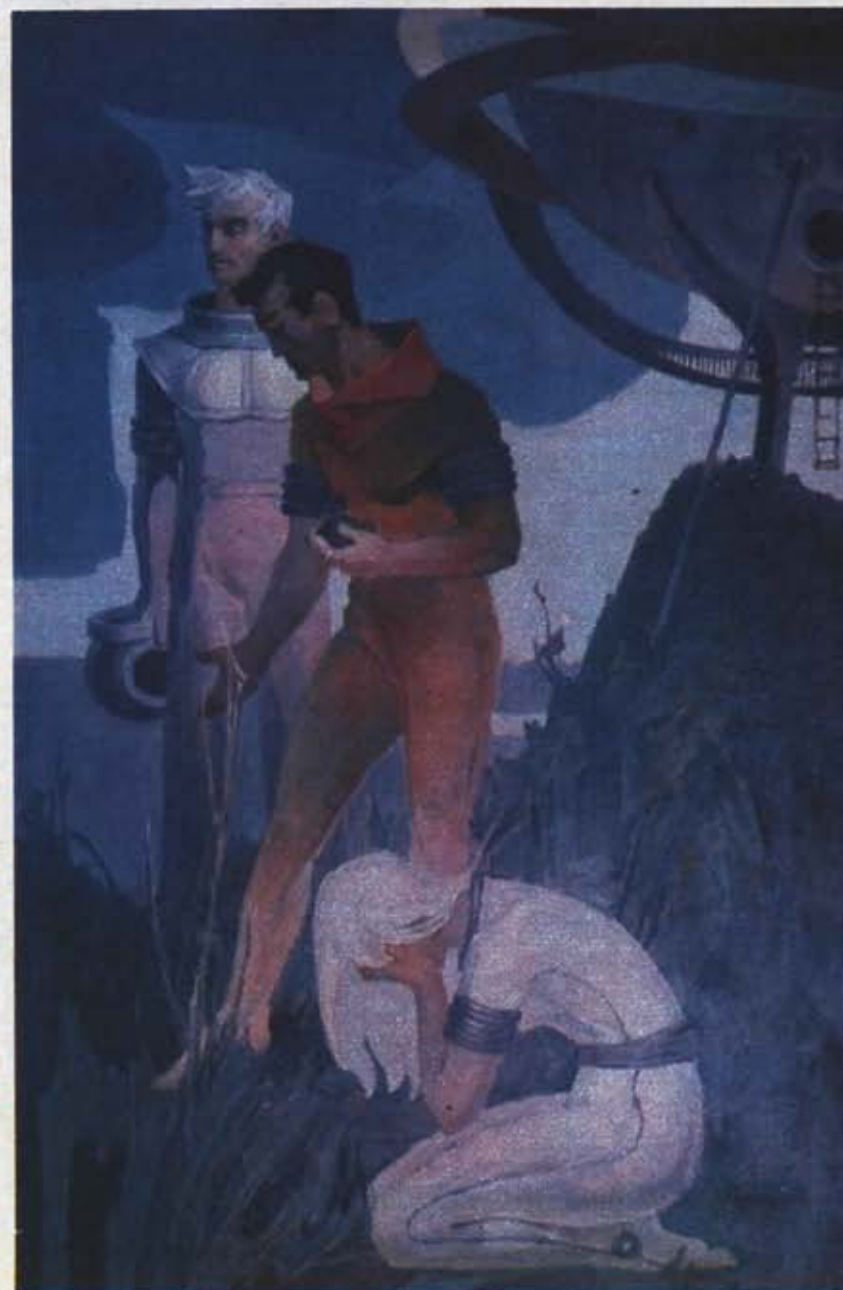
Вспомните, с каким волнением рассматривали мы первые вполне реальные зарисовки космических пейзажей, сделанные художником-космонавтом Алексеем Леоновым. Рисунки его представлялись почти фантастическими, хотя сделаны были, как говорится, с натуры. Продолжая работать как художник, космонавт познакомил нас со своим «космическим» восприятием мира, придав смелости другим художникам-фантастам.

Интересны своим научным домыслом художественные работы Ю. Швеца, много сделавшего для развития научно-фантастического кино. Опережая достижения науки, он показывает нам мир завтрашнего дня.

Привлекают внимание яркие полотна Г. Курнина — сочинского художника, посвятившего свое творчество раскрытию мира других, воображаемых планет. С исключительной проникновенностью, при полной раскованности воображения Курнин разворачивает перед нашими глазами поразительные по красоте пейзажи, которые могли бы существовать в других мирах, на других планетах, при других солнцах. И это искусство не противоречит нашему реалистическому отношению к видению мира.

Молодой художник из Балакова Г. Голобоков, ставя в основу своего творчества задачу показать человека завтрашнего дня, его возможности, красоту и силу, — рисует картины контактов с разумными существами других планет. Его полотно «Встреча с братьями по разуму» не может оставить зрителя безразличным. Фантазия молодого художника поражает смелостью и психологизмом.

Научно-фантастической живописью занимаются сегодня многие художники: В. Ивашенко из Новосибирска, А. Климов из Усть-Каменогорска, С. Гавриш из Алтайского края, Е. Короленко из Ком-



В. ИВАШЕНКО.
ВОСХОД НА РЕНТЕ.

Г. ГОЛОБОВ. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

сомольска-на-Амуре, а также многие другие участники конкурса журнала «Техника — молодежи» «Время — Пространство — Человек».

Все это убеждает нас в том, что творческий «десант в будущее» состоялся и успешно завоевывает новые плацдармы и сердца поклонников. Приятно сознавать, что новый жанр искусства находит горячую поддержку среди маститых художников.

Вот что говорит о новом жанре первый секретарь Правления Союза художников СССР Таир Салахов:

«Стремительное развитие науки и техники, проникновение человека в большой Космос, освоение атомной энергии — эти и другие успехи человечества создали новое видение мира нашим современникам и заставили еще глубже задуматься о будущем.

Для нас, советских людей, будущее — это коммунизм, солнечный и яркий, наполненный сочными красками жизни.

Именно таким ярким жизнеутверждением встают сейчас перед нами картины художников-фантастов, наделенных неиссякаемой фантазией, способностью зримо ощущать будущее».

Василий ЗАХАРЧЕНКО